

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 2782-5450

Terra Linguistica

Том 17, № 1, 2026

«Языковая политика и динамика языковых явлений»

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
2026

TERRA LINGUISTICA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Чернявская В.Е., д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия.

Редакционная коллегия:

Беляева Л.Н., д-р филол. наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Ван Цзясин, д-р филол. наук, профессор, Нанкинский университет, Нанкин, КНР;

Гаспарян Г.Р., д-р филол. наук, профессор, Ереванский Государственный Университет им. В.Я. Брюсова, Ереван, Республика Армения;

Головкин Е.В., чл.-кор. РАН, д-р филол. наук, профессор, Институт лингвистических исследований РАН, Россия;

Жаркынбекова Ш.К., д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Нур-Султан, Казахстан;

Зенош-Айата Дж., д-р филос. наук, профессор, Стамбульский университет, Стамбул, Турция;

Иванова С.В., д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия;

Иссерс О.С., д-р филол. наук, профессор, Омский государственный университет, Омск, Россия;

Клочкова Е.С., канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», Россия;

Кронгауз М.А., д-р филол. наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия;

Куликова Л.В., д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия;

Маевродиева И.Т., д-р филос. наук, профессор, Софийский университет имени Св. Климента Охридского, София, Болгария;

Рацбургская Л.В., д-р филол. наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;

Тарева Е.Г., д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия;

Шестакова Л.Л., д-р филол. наук, профессор, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия;

Яковлева А.Ф., канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Сетевое издание публикует научно-исследовательские статьи и рецензии на русском и английском языках в области лингвистических исследований.

С 2002 года входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Сетевое издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-77377 от 25 декабря 2019 г.

Сведения о публикациях представлены в Реферативном журнале ВИНТИ РАН, в международной справочной системе «Ulrich`s Periodical Directory», в Российской государственной библиотеке. В базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Google Scholar, CNKI, ProQuest, Index Copernicus, КиберЛенинка.

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Редакция журнала

д-р филол. наук, профессор В.Е. Чернявская – главный редактор;

Г.А. Пышкина – ответственный секретарь, выпускающий редактор; Ф.К.С. Бастиан – редактор;

А.А. Кононова – компьютерная вёрстка; И.Е. Лебедева – перевод на английский язык.

Адрес редакции: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.

Тел. редакции: +7 (812) 552-62-16, e-mail редакции: ntv-human@spbstu.ru

Дата выхода: 31.03.2026

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2026

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

ISSN 2782-5450

Terra Linguistica

Vol. 17, No. 1, 2026

“Languge Policy and Language Change”

Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
2026

TERRA LINGUISTICA

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Valeriya E. Chernyavskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation.

Members:

Larisa N. Belyaeva, Dr.Sc. (philol.), prof., Herzen State Pedagogical University of Russia, Russian Federation;

Wang Jiaxing, Dr.Sc. (philol.), prof., Nanjing University, China;

Gayane R. Gasparyan, Dr.Sc. (philol.), prof., Yerevan State University after V. Brusov, Yerevan, Republic of Armenia;

Evgeniy V. Golovko, corresponding member of RAS, Dr.Sc. (philol.), prof., Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation;

Sholpan K. Zharkynbekova, Dr.Sc. (philol.), prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan;

Canan Şenöz-Ayata, Dr.Sc. (philos.), prof., Istanbul University, Turkey;

Svetlana V. Ivanova, Dr.Sc. (philol.), prof., St. Petersburg State University, Russian Federation;

Oxana S. Issers, Dr.Sc. (philol.), prof., Omsk State University, Russian Federation;

Yelena S. Klochkova, Ph.D (philol.), St. Petersburg Electrotechnical University, Russian Federation;

Maxim A. Krongauz, Dr.Sc. (philol.), prof., HSE University, Moscow, Russian Federation;

Lyudmila V. Kulikova, Dr.Sc. (philol.), prof., Siberian Federal University, Russian Federation;

Ivanka T. Mavrodiëva, Dr.Sc. (philos.), prof., Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Bulgaria;

Larisa V. Ratsiburskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation;

Elena G. Tareva, Dr.Sc. (ped.), prof., Moscow Pedagogical University, Russian Federation;

Larisa L. Shestakova, Dr.Sc. (philol.), prof., Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Russian Federation;

Aleksandra F. Yakovleva, (political), leading researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Moscow, Russian Federation.

The open access journal publishes research papers and reviews on theoretical orientations, and methodological approaches that have a central focus on language in the perspective of theoretical and applied linguistics, linguistic pragmatics, sociolinguistics, linguistic anthropology, discourse analysis, translation studies.

The journal is included in the List of Leading PeerReviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of PhD theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

The journal is indexed by Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, CNKI, ProQuest, Index Copernicus, VINITI RAS Abstract Journal (Referativnyi Zhurnal), VINITI RAS Scientific and Technical Literature Collection, Russian Science Citation Index (RSCI) database Scientific Electronic Library.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Certificate ЭЛ No. ФC77-77377 issued 25.12.2019.

Editorial office

Dr. Sc., Professor V.E. Chernyavskaya – Editor-in-Chief;

G.A. Pyshkina – editorial manager; Ph.Ch.S. Bastian – editor.

A.A. Kononova – computer layout; I.E. Lebedeva – English translation.

Address: 195251 Polytekhnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia.

+7 (812) 552-62-16, e-mail: ntv-human@spbstu.ru

Release date: 31.03.2026

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2026

Содержание

Ерофеева Е.В., Тюленёва А.М. <i>Индекс витальности языка: моделирование и апробация .....</i>	7
Краснощечекова С.В., Галкина Е.В. <i>Эвиденциальные стратегии в текстах русскоязычных СМИ Республики Кыргызстан .....</i>	24
Чигашева М.А., Кузнецова Е.Д. <i>Динамика англоязычных заимствований в политическом дискурсе Германии: функционально-семантический аспект .....</i>	43
Юсифли Г.М., Ленец А.В. <i>Вербализация каузального параметра категоризации мигрантов в немецком медиадискурсе .....</i>	60
Дашдамирова Н. <i>Дискурсивные маркеры авторской позиции в англоязычной академической коммуникации на родном и неродном языке (на материале азербайджанской практики) ....</i>	79
Козан О., Микаллеф Л.О. <i>Модели языковой номинации в турецком и русском финансовом дискурсе в парадигме дальнего чтения: на материале выступлений руководителей Центральных банков .....</i>	101
Нургазина А.Т., Монгилева Н.В., Исмагулова Г.К. <i>Метафорическая репрезентация природных катастроф в медиадискурсе .....</i>	119
Судартина Т., Нурсанти Э., Аррум Р.С. <i>Язык цифрового гастрономического дискурса: исследование реакции аудитории в социальных медиа .....</i>	146

Contents

Erofeeva E.V., Tyuleneva A.M. <i>Language Vitality Index: Modeling and Testing</i>	7
Krasnoshchekova S.V., Galkina E.V. <i>Evidential Strategies in Russian-language Media Texts of the Kyrgyz Republic</i>	24
Chigasheva M.A., Kuznetsova E.D. <i>Dynamics of English Borrowings in German Political Discourse: Functional and Semantic Aspect</i>	43
Iusifli G.M., Lenets A.V. <i>The Verbalization of the Causal Parameter in Migrant Categorization in German Media Discourse</i>	60
Dashdamirova N. <i>Discursive Markers of Authorial Stance in English-Language Academic Communication by Native and Non-Native Speakers (Based on Azerbaijani Practice)</i>	79
Kozan K.O., Micallef L.O. <i>Naming Patterns in Turkish and Russian Financial Discourse Through a Distant Reading Approach: A Case of Central Bank Governors' Speeches</i>	101
Nurgazina A.T., Mongilyova N.V., Ismagulova G.K. <i>Metaphorical Framing of Natural Disasters in Media Discourse</i>	119
Sudartinah T., Nursanti E., Arrum R.S. <i>The Language of Digital Food Discourse: A Study of Audience Responses in Social Media</i>	146

Научная статья

УДК 81'27: 811.511.13

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17101>

EDN: <https://elibrary/PWBLJO>

ИНДЕКС ВИТАЛЬНОСТИ ЯЗЫКА: МОДЕЛИРОВАНИЕ И АПРОБАЦИЯ

Е.В. Ерофеева , А.М. Тюленёва

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Российская Федерация

 elenerofee@gmail.com

Аннотация. Витальность, или жизнеспособность, языка обеспечивается совокупностью объективных и субъективных компонентов языковой ситуации и может быть определена как оценка функционального статуса языка в настоящее время и определенный прогноз относительно его использования в будущем. Оценочный и прогностический характер языковой витальности предполагает использование инструментов для установления ее уровня. В статье в качестве такого инструмента предлагается вариант индекса языковой витальности, учитывающий уровень владения языком, его использование в семейном и внесемейном общении, межпоколенческую передачу языка, уровень языковой лояльности его носителей, а также коэффициент снижения численности носителей. Апробация предложенного индекса проводится как определение актуального уровня витальности коми-пермяцкого языка. Коми-пермяцкий язык считается находящимся под угрозой исчезновения, что требует регулярного отслеживания его состояния. Предложенный индекс является удобным инструментом для этой цели. Данные, необходимые для вычисления индекса, были получены в результате анкетирования 87 коми-пермяков, проведенного в 2023–2024 гг. Анализ демографических данных и ответов информантов позволил установить, что в настоящее время индекс языковой витальности коми-пермяцкого языка составляет 31,7, что указывает на низкий уровень витальности. Данная оценка совпадает с оценками витальности, проведенными качественными методами, что подтверждает валидность индекса, однако индекс является более точным инструментом и определяет уровень витальности не интервально, а точно. Кроме того, значения частных индексов, входящих в состав основного, показывают, что уязвимыми оказываются как объективные (функциональный статус коми-пермяцкого языка), так и субъективные (языковая лояльность носителей) компоненты языковой ситуации, что может подтолкнуть язык к ситуации языкового сдвига.

Ключевые слова: языковая ситуация, объективные компоненты, субъективные компоненты, языковая витальность, индекс языковой витальности, частные индексы, коми-пермяцкий язык.

Для цитирования: Ерофеева Е.В., Тюленёва А.М. Индекс витальности языка: моделирование и апробация // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 1. С. 7–23. DOI: 10.18721/JHSS.17101

LANGUAGE VITALITY INDEX: MODELING AND TESTING

E.V. Erofeeva , A.M. Tyuleneva

Perm State University, Perm, Russian Federation

 elenerofee@gmail.com

Abstract. Language vitality, or viability, is determined by a combination of objective and subjective components of a linguistic situation and may be defined as an assessment of a language's current functional status as well as a certain forecast regarding its use in the future. The evaluative and predictive nature of language vitality necessitates the use of tools to determine its level. This article proposes a version of a language vitality index designed for this purpose. The index incorporates such parameters as language proficiency, its use in family and non-family communication, intergenerational language transmission, speakers' language loyalty, and the rate of decline in the number of speakers. The proposed index is being tested to determine the current level of vitality of the Komi-Permyak language. This language is classified as endangered, which requires regular monitoring of its state. The proposed index provides a practical instrument for this task. The data required to calculate the index were obtained from a survey conducted in 2023–2024 among 87 Komi-Permyak respondents. An analysis of demographic data and informants' responses shows that the current vitality index of the Komi-Permyak language is 31.7, indicating a low level of vitality. This assessment coincides with vitality assessments obtained using qualitative methods, which confirms the validity of the index; however, the index is a more precise tool and determines the level of vitality not at intervals, but at points. In addition, the values of the component indices demonstrate that both objective (the functional status of the Komi-Permyak language) and subjective (speakers' language loyalty) components of the linguistic situation are vulnerable, which may push the language towards a language shift situation.

Keywords: linguistic situation, objective components, subjective components, language vitality, language vitality index, partial indices, Komi-Permyak language.

Citation: Erofeeva E.V., Tyuleneva A.M. Language Vitality Index: Modeling and Testing, *Terra Linguistica*, 17 (1) (2026) 7–23. DOI: 10.18721/JHSS.17101

Введение

Витальность, или жизнеспособность, языка трактуется как «способность языка к дальнейшему развитию, изменению или сохранению структурных и, главным образом, функциональных качеств»¹, однако в настоящее время подчеркивается, что лингвистическая витальность в большей степени зависит от функциональных, а не от структурных качеств языка [1, 2] и в целом может быть определена как оценка функционального статуса языка в настоящее время и определенный прогноз относительно его использования в будущем. Оценка витальности языка является непростой задачей, имеющей крайне важное практическое значение для определения перспектив функционирования языков и разработки программ их ревитализации [2, 3]. Оценочный и прогностический характер языковой витальности предполагает использование определенных инструментов для установления ее уровня. В настоящее время наиболее популярными являются два инструмента — шкалы и индексы; каждый из методов имеет свои преимущества и ограничения. Шкалы оценивают языковую витальность интервально, в то время как индексы дают четкую количественную оценку уровня витальности, что позволяет использовать их как более точный инструмент при отслеживании изменений в этой области.

¹ Язык и общество: Энциклопедия / гл. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Азбуковник, 2016. С. 106.

Языковая витальность обусловлена совокупностью факторов языковой ситуации, однако далеко не все факторы обычно используются для оценки уровня витальности языка. В настоящей статье предлагается модификация индекса витальности Г. Экстра и его соавторов [4, 5]; в предлагаемую автором статьи модификацию индекса вводится больше разнообразных компонентов (объективных и субъективных), а также включаются демографические данные. Таким образом, целью статьи является представление модели индекса витальности языка. Однако любая модель должна быть проверена на эмпирическом материале. В данном случае апробация предлагаемого индекса проводилась на материале коми-пермяцкого языка², который в настоящее время оценивается как язык, находящийся под угрозой [6, 7]. Ставилась задача проверить, будет ли предложенный индекс адекватно оценивать современное состояние коми-пермяцкого языка. Апробация индекса проводилась на основании результатов анкетирования (анкета разработана авторами статьи), проведенного среди носителей коми-пермяцкого языка.

Факторы, формирующие языковую витальность

Витальность языка обеспечивается совокупностью объективных и субъективных факторов языковой ситуации, которые так или иначе, с нашей точки зрения, должны учитываться при моделировании индекса витальности языка.

Объективные факторы витальности фиксируют оценку реальных структурных и функциональных качеств языка. Витальность языка связана прежде всего с такими объективными факторами, как мощь языка (количество его носителей), его правовой и функциональный статус, т.е. степень использования языка в различных сферах коммуникации и разных социальных контекстах [8–10]. Чем в большем количестве сфер и ситуаций будет использован язык, тем большим уровнем витальности он будет обладать; закрепленный правовой статус языка расширяет внесемейное общение и способствует продвижению языка в сферах образования и культуры. Для сохранения языка также крайне важна его межпоколенческая передача [2, 9], что обеспечивается коммуникацией между разными поколениями в семейном общении.

Не менее важную роль в формировании языковой витальности играют и субъективные факторы, которые представляют собой сформированное у носителей языка отношение к используемому языку, осознание ими своей идентичности и ценности принадлежности к данной этнолингвистической группе [8, 10–12]. Языковая витальность рассматривается в некотором смысле как функция ценностей, идентичностей и отношений в определенном языковом сообществе [13].

Список факторов, которые оказывают влияние на уровень витальности языка, предложенных в вышеназванных работах, а также в [6, 11, 14–17], весьма велик; приведем наиболее важные, работающие в разнообразных языковых ситуациях:

- 1) численность говорящих на языке и динамика данной численности;
- 2) доля носителей языка в общей численности населения;
- 3) уровень функциональной развитости языка;
- 4) государственная языковая политика;
- 5) интенсивность применения языка в разных сферах общения (образовании, производстве, административной деятельности, религии, социально-политической сфере, науке, массовой коммуникации и др.);
- 6) степень владения языком разными возрастными группами, в том числе младшим поколением;
- 7) использование языка в дошкольных учреждениях и преподавание языка в школе;
- 8) собственно лингвистические параметры и наличие/отсутствие письменности;

² Коми-пермяцкий язык относится к пермской группе финно-угорских языков, с типологической точки зрения относится к агглютинативным с выраженными чертами флективности. Распространен в основном на территории Коми-Пермяцкого округа (Пермский край), а также на северо-востоке Кировской области.

- 9) этнолингвистическая идентичность группы и эмоциональная привязанность к группе;
- 10) отношение членов этнической группы к языку.

Безусловно, невозможно рассматривать объективные и субъективные компоненты изолированно. Объективные факторы оказывают влияние на отношение к языку, которое определяет языковую лояльность этнолингвистической группы – оценку членами языкового коллектива коммуникативной пригодности и престижности языка своего этноса, приверженность ему [18–20]. С другой стороны, языковая лояльность, будучи интегральной совокупностью субъективных представлений носителей о родном языке, сама является одним из компонентов витальности языка: высокая степень языковой лояльности у носителей может приводить к увеличению функциональной мощности родного языка, а низкая – к отказу от него в пользу доминирующего языка.

Шкалы и индексы витальности языка как инструменты ее оценки

Традиционными инструментами оценки уровня витальности являются шкалы и индексы.

Шкалы витальности представляют собой иерархизированные описания функционирования языка в разных коммуникативных сферах, учитывающие также количество и долю говорящих на языке, использование языка разными поколениями, межпоколенческую передачу, ассоциацию языка с этнической идентичностью, т.е. разнообразные факторы языковой витальности, о которых говорилось выше. Наиболее известными шкалами являются шкалы языковой витальности ЮНЕСКО [6], Краусса [21], EGIDS (Expanded Graded Intergenerational Disruption Scale) [22], EICat (Catalogue of Endangered Languages) [23], шкала Института языкознания РАН [7] и др. Шкалы являются общепринятым инструментом, однако они определяют степень витальности достаточно общо, помещая в одну категорию языки, находящиеся в разных условиях и имеющие разные перспективы.

Помимо шкал, применяются также различные индексы витальности, оценивающие ее в численных показателях, что позволяет разместить языки не на дискретной шкале, а на континуальной оси уровней витальности. Наиболее известными индексами являются LEI (Language Endangered Index) [24], применяемый для шкалы EICat, и LVI (Language Vitality Index), разработанный Г. Экстра и его соавторами [4, 25]. Последний индекс использовался в большом количестве работ, в основном посвященных изучению языков мигрантов в Европе [25, 26].

Несмотря на широкое применение шкал и индексов, в современных работах, изучающих языковые ситуации и витальность языковых меньшинств в разных странах, указывается, что во многих случаях требуется проверка и уточнение существующих инструментов оценки витальности применительно к конкретным ситуациям (см. например, [2, 27]).

Модификация индекса языковой витальности Г. Экстра

За основу оценки витальности в настоящей работе был взят индекс языковой витальности (LVI) Г. Экстра, который формируется на базе оценок параметров языковой ситуации и, соответственно, рассчитывается на базе четырех частных индексов, связанных с учитываемыми параметрами [5, с. 149]:

- 1) индекс языковой способности (I_{prof}) характеризует степень понимания языка;
- 2) индекс языкового выбора (I_{ch}) определяет степень распространенности языка при общении с матерью;
- 3) индекс языкового доминирования (I_{dom}) демонстрирует, какая часть носителей миноритарного языка владеет родным для них языком, отличным от доминирующего;
- 4) индекс языкового предпочтения (I_{pref}) определяет, как часто при общении предпочтение отдается недоминирующему языку.

Итоговый индекс витальности языка (LVI) выводится как среднее арифметическое четырех частных индексов, так как «LVI является индексом, основанным на ценностях, в том смысле,

что выбранные параметры с выбранными операционализациями имеют одинаковый вес» [30, с. 149]:

$$LVI = \frac{I_{prof} + I_{ch} + I_{dom} + I_{pref}}{4}.$$

Несмотря на широкое применение данного индекса, считаем, что он требует доработки и модификации за счет большей детализации. Так, в формуле *LVI* учитываются активное и пассивное владение языком и ситуация общения с матерью, однако не учтены такие важные для функционирования языка параметры, как демографические данные, межпоколенческая передача, общение с разными членами семьи, коммуникация в разных функциональных сферах, а также уровень языковой лояльности группы, которые, безусловно, влияют на уровень витальности языка. Поэтому взятая за основу формула Г. Экстра была нами пересмотрена и модифицирована за счет включения большего количества факторов языковой ситуации (рис. 1).

С точки зрения оценки витальности языка необходимо учитывать объективные характеристики использования языка, т.е. его функциональный статус. По мнению О.А. Казакевич и ее соавторов, при «определении языковой витальности первоочередное внимание должно уделяться именно функциональным характеристикам: межпоколенческой передаче языка и тем сферам, в которых язык продолжает активно употребляться...» [2, с. 11]. Указанные исследователями функциональные характеристики языка являются важнейшими показателями витальности. Таким образом, определение функционального статуса основывается, с нашей точки зрения, на оценках: 1) уровня владения языком (индекс языкового доминирования); 2) функционирования языка в семейной (использование с родителями и разными поколениями родственников) и внесемейных сферах (при коммуникации в публично-правовом пространстве); 3) межпоколенческой передачи языка. Кроме этого, учитываются субъективные оценки ценности и престижности языка, которые определяют языковую лояльность его носителей, так как «снижение субъективной витальности влечет за собой угрозу объективной витальности, вне зависимости от того, что вызвало это снижение: реальные события, снижающие уровень витальности, или же ущерб престижу» [28, с. 147].

Индексы, которые соответствуют каждому из этих параметров, следующие:

1. **Индекс языкового доминирования** (I_{dom}) отражает долю информантов, которые хорошо владеют языком, при этом учитывается не только понимание, но и активное владение.

2. **Индекс языкового выбора** (I_{ch}) характеризует доли использования языка в ситуациях общения в семье не только с матерью, но с обоими родителями. Г. Экстра и К. Ягмур предлагали индекс с учетом изучения турецкого языка в Европе в ситуации, в которой матери традиционно выполняют роль хранительницы домашнего очага и часто не работают. В большинстве случаев в России оба родителя выполняют схожие семейные и социальные роли, поэтому необходимо учитывать обоих родителей.

3. **Индекс языкового разнообразия** (I_{var}) фиксирует долю использования языка в бытовой сфере (общение с членами семьи). В предложенной Г. Экстра и К. Ягмуром методологии отмечается, что важно учитывать языки, которые используются индивидом в бытовой сфере вместо языка, доминирующего в обществе или в дополнении к нему, однако в качестве индекса этот параметр не использовался. В данном случае он вводится как частный индекс, отражающий долю информантов, которые общаются на исследуемом языке со старшими и младшими членами семьи. Миноритарный языки часто наиболее активны именно в семейной сфере, и в России могут доминировать в этой сфере над русским языком или использоваться наравне с ним.

4. **Индекс языкового предпочтения** (I_{pref}) отражает долю функционирования и использования языка в ключевых сферах – культуре, СМИ, при обращении в органы государственной власти.

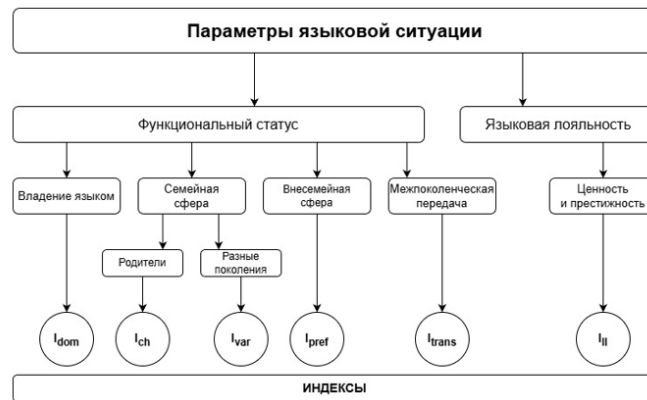

Рис. 1. Составляющие индекса vitalityности

Fig. 1. Components of the vitality index

5. **Индекс языковой приемственности** (I_{trans}) определяет долю носителей языка, выражающих готовность к его передаче подрастающему поколению.

6. **Индекс языковой лояльности** (I_{ll}) обобщает оценки информантов ценности и престижности языка, а также долю информантов, выбравших язык в качестве родного.

Соответственно, индекс vitalityности языка рассчитывается как среднее от всех полученных индексов по следующей формуле:

$$LVI = \frac{I_{dom} + I_{ch} + I_{var} + I_{pref} + I_{trans} + I_{ll}}{6}.$$

Однако предложенный вариант индекса vitalityности все еще не учитывает демографические данные. Для этого предлагается ввести коэффициент сокращения численности носителей языка (k), который равен среднему линейному коэффициенту изменения количества носителей языка за определенный период времени.

Таким образом, индекс vitalityности языка с поправкой на коэффициент сокращения численности носителей рассчитывается следующим образом:

$$LVI = \frac{I_{dom} + I_{ch} + I_{var} + I_{pref} + I_{trans} + I_{ll}}{6} \times k.$$

Для интерпретации значений индекса vitalityности языка необходимо на основе его значений установить шкалу vitalityности языка, дополняющую точное значение индекса категориальной интерпретацией. Предлагается ввести следующую шкалу vitalityности языка (табл. 1).

Таблица 1. Шкала витальности языка, %
Table 1. Language vitality scale, %

Значение индекса	Степень витальности	Характеристика
< 20	Крайне низкая	Язык находится на грани языкового сдвига; количество носителей быстро сокращается, отмечается низкая или крайне низкая степень языковой лояльности.
21–40	Низкая	Язык исключен из публично-правового пространства, обслуживает только сферу семейно-бытового общения; количество носителей заметно сокращается, отмечается средняя или низкая степень языковой лояльности.
41–60	Средняя	Язык используется преимущественно в бытовой сфере, может использоваться в публично-правовой сфере и в сфере культуры в ограниченном формате, по сравнению с доминирующим языком: количество носителей стабильно или медленно сокращается, отмечается средняя степень языковой лояльности.
61–80	Устойчивая	Язык активно используется в публично-правовом пространстве и в сфере культуры, однако доминирующее положение занимает государственный язык; количество носителей стабильно, отмечается высокая или средняя степень языковой лояльности.
> 81	Высокая	Язык обладает высокой функциональной мощностью, используется наравне с государственным языком; количество носителей стабильно или растет, отмечается высокая степень языковой лояльности.

Коми-пермяцкий язык как объект исследования

Языковая ситуация, в которой существует коми-пермяцкий язык, неоднозначна. С одной стороны, данный язык в Коми-Пермяцком округе, входящем в состав Пермского края³, имеет статус официального и используется на территории округа в делопроизводстве, образовании (школьном и среднем специальном), культуре, СМИ. Министерством по делам Коми-Пермяцкого округа при Правительстве Пермского края предпринимаются все доступные для данного ведомства меры для защиты и сохранения культуры и языка коми-пермяков: реализуются этнокультурные проекты, мероприятия, оказывается поддержка местным СМИ, национальному театру, образованию на коми-пермяцком языке. С другой стороны, несмотря на все эти усилия, за последние годы наблюдается резкое сокращение численности носителей коми-пермяцкого языка, уменьшение количества школьников, изучающих язык, отмечается недостаточность культурного и новостного контента на коми-пермяцком языке.

Так, численность коми-пермяков в Пермском крае в 2002 г. составляла 103 505 чел., в 2010 г. – 81 049 чел., в 2020 г. – 50 163 чел. При этом количество тех, кто указал коми-пермяцкий язык в качестве родного, в 2010 г. составило 53 028 чел., а в 2020 г. – 36 716 чел.⁴ Таким образом, за

³ В Уставе Пермского края от 2007 г. зафиксировано положение об обеспечении сохранения этнической идентичности коми-пермяцкого народа (статья 42): «...Органы государственной власти Пермского края создают условия для сохранения и развития языка, духовной культуры и иных составляющих этнической самобытности коми-пермяцкого народа. 2. В официальных сферах общения на территории Коми-Пермяцкого округа наряду с русским может использоваться коми-пермяцкий язык» (Устав Пермского края. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=155030054&backlink=1&&nd=155020498> (дата обращения: 20.12.2025)). В составе краевого правительства учреждено Министерство по делам Коми-Пермяцкого округа, деятельность которого направлена в том числе на создание условий для сохранения, развития и популяризации коми-пермяцкого языка, национальной (духовной) культуры и иных составляющих этнической самобытности коми-пермяцкого народа (Постановление Правительства Пермского края. URL: <https://docs.cntd.ru/document/494903797> (дата обращения: 20.12.2025)). Учреждено также Государственное краевое бюджетное учреждение культуры «Коми-Пермяцкий этнокультурный центр», основной миссией которого является сохранение и возрождение материального и духовного культурного наследия коми-пермяков, популяризация и развитие национальных традиций. Центр проводит различные конкурсы, фестивали и праздники, посвященные коми-пермяцкой культуре и языку, издает книги коми-пермяцких писателей и т.п. (Коми-Пермяцкий этнокультурный центр. URL: <http://etnokpo.ru/center> (дата обращения: 20.12.2025)).

⁴ Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: perepis2002.ru/index.html_id=11.html (дата обращения: 20.12.2025); Итоги Всероссийской переписи населения 2010. URL: rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results.html (дата обращения: 20.12.2025); Всероссийская перепись населения 2020 // Федеральная служба государственной статистики. URL: rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 20.12.2025); Пермский край в цифрах. 2022: Краткий статистический сборник. Пермь, 2022. 195 с. URL: [59.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Пермский%20край%20в%20цифрах%202022\(3\).pdf](http://59.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Пермский%20край%20в%20цифрах%202022(3).pdf) (дата обращения: 20.12.2025).

20 лет произошло сокращение численности коми-пермяков более чем в два раза, а количество людей, считающим его родным уменьшилось за 10 лет на две трети.

Кроме того, данные Всероссийской переписи населения 2020 г. показывают, что из 50 тыс. коми-пермяков, проживающих в Пермском крае, коми-пермяцким языком владеют 78%, а используют его в повседневной жизни только 69%; при этом русским языком владеют 99%, а используют его в повседневной жизни 96% коми-пермяков⁵. Эти данные говорят о том, что коми-пермяки в подавляющем большинстве являются билингвами, при этом есть люди, которые идентифицируют себя как коми-пермяки, но владеют только русским языком.

Изучение коми-пермяцкого языка в школе не является обязательным для всех жителей округа и осуществляется по заявлению родителей или иных законных представителей обучающихся. Согласно данным опросов жителей Коми-Пермяцкого округа, проведенных в 2004–2005 гг., на родном языке с детьми говорят только 11,5% семей; при этом носители коми-пермяцкого языка часто уверены, что задача сохранения языка должна решаться не в семье, а в школе, но лишь 17,5% из них считают, что дети в округе обязательно должны изучать в школе родной язык [29]. Отметим также, что одной из ключевых проблем использования литературного коми-пермяцкого языка, в том числе и при школьном обучении, является то, что коми-пермяцкий язык распространен в основном в диалектной форме и диалекты могут значительно отличаться от литературного языка.

Подготовка специалистов с высшим образованием по коми-пермяцкому языку до сих пор осуществляется на базе коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, однако набор студентов в 2025 г. был закрыт из-за недобора группы; сейчас доучиваются только ранее набранные группы.

На коми-пермяцком языке издаются печатные издания и ведется теле- и радиовещание, кроме того, в Кудымкаре, центре Коми-Пермяцкого округа, работает Коми-Пермяцкий драматический театр. Однако количество печатных изданий и их тиражи невелики (часто это только отдельные разделы на коми-пермяцком языке в русскоязычных изданиях); телепередачи и программы радио на коми-пермяцком языке смотрят и слушают в основном представители старшего поколения; в репертуаре драматического театра всего несколько спектаклей на коми-пермяцком языке; в интернет-пространстве коми-пермяцкий язык представлен скудно (даже на сайте Коми-Пермяцкого округа вся размещенная информация опубликована на русском языке).

Ситуация осложняется тем, что, по оценкам лингвистов и этнографов, для коми-пермяков характерна двойственная этническая идентичность, размытость и нечеткость этнических границ [30, 31], что приводит к снижению уровня этнической и языковой лояльности.

Описанная ситуация свидетельствует о неблагоприятном состоянии коми-пермяцкого языка. С точки зрения ЮНЕСКО, статус коми-пермяцкого языка с 2010 г. из-за быстрого падения численности говорящих – под угрозой исчезновения (*definitely endangered*). По данным проекта «Языки России» Института языкознания РАН, коми-пермяцкий язык в настоящее время характеризуется как ограниченно сельский – статус, для которого характерны следующие признаки: межпоколенческая передача на заметной территории ареала сообщества преимущественно в сельской местности и в редких случаях – в городских условиях; языковая инфраструктура развита в разной степени, язык функционально ограничен, хотя может иметь статус официального или государственного. Для сохранения таких языков необходимо развивать городскую, официальную, профессиональную сферы использования и образование на этом языке [7].

Таким образом, в настоящее время фиксируется уязвимое состояние коми-пермяцкого языка, и при этом принимаемые усилия по его сохранению и расширению его функционирования

⁵ Всероссийская перепись населения 2020 // Федеральная служба государственной статистики. URL: rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 20.12.2025).

не приводят к желаемому результату. Хотя за последние 15 лет статус коми-пермяцкого языка официально не изменился, описанные процессы могут привести к еще большему ухудшению его статуса, следствием чего может стать языковой сдвиг. Все это свидетельствует о том, что крайне необходимо постоянно отслеживать актуальное состояние коми-пермяцкого языка и уровень его витальности, поскольку нужно прогнозировать происходящие изменения, чтобы не допустить худшего сценария. Таким образом, коми-пермяцкий язык является подходящим объектом для апробации индекса языковой витальности, предложенного в статье.

Материал исследования

Для расчета индекса витальности коми-пермяцкого языка нужны данные о его функциональном статусе и языковой лояльности его носителей. Такие данные были получены с помощью анкетирования⁶. Анкета включала вопросы относительно социальных параметров информантов (этническая принадлежность, возраст, место рождения и жительства, уровень образования, специальность и др.), а также 68 вопросов относительно владения (и уровня владения) коми-пермяцким и русским языками, использования обоих языков в различных сферах общения (семейной и бытовой, образовательной, культурной, СМИ, деловой и т.п.), использования коми-пермяцкого языка в образовании и мотивации детей изучать его, а также относительно планов о межпоколенческой передаче коми-пермяцкого языка; кроме того, в анкету были включены пункты, предусматривающие оценки таких параметров обоих языков, как их престиж, красота, сложность, ценность языка и культуры и др.

Ответы на вопросы относительно использования языков в различных сферах общения были детализированными. Например, варианты ответов на вопрос относительно семейного общения учитывали, какие поколения – старшее, младшее или оба – используют коми-пермяцкий и русский языки в семье; при ответе на вопрос относительно внесемейных сфер общения предлагались разнообразные варианты (с друзьями, на учебе, на работе, в магазине, в больнице, в транспорте, в органах государственной власти и др.). Далее эти ситуации разворачивались с учетом коммуникантов: информанты опрашивались, с кем именно и в какой ситуации: на работе (в рабочей ситуации с коллегами, с начальством, на собраниях и др.), в больнице (в регистратуре, с врачом, с другими посетителями и др.), при обращении в органы государственной власти (личное обращение, по телефону, при подаче заявления и др.) и т. д. – на каком из языков они говорят.

Из всех информантов (более 120 чел.), прошедших опрос, для исследования были отобраны 87 информантов, идентифицирующих себя как коми-пермяки, в возрасте от 16 до 63 лет, родившихся и постоянно проживающих в населенных пунктах Коми-Пермяцкого округа и в Перми: из 87 вошедших в выборку информантов 58 родились и провели детство в сельских поселениях Коми-Пермяцкого округа, 23 – в Кудымкаре (административном центре Коми-Пермяцкого округа), 4 – в Перми, 2 – в других населенных пунктах Пермского края; 53 информанта в настоящее время проживают в сельских поселениях Коми-Пермяцкого округа, 12 – в Кудымкаре, 40 – в Перми⁷. Мы осознаем ограниченность материала и несбалансированность выборки информантов, однако для задачи апробации метода считаем такую выборку достаточной. Более того, поскольку инструмент предназначен для экспресс-оценки состояния языка (а при постоянном мониторинге это крайне важно), он должен работать на не слишком больших выборках и не должен быть трудоемким.

Полученные при анкетировании данные послужили основой для расчета индекса витальности коми-пермяцкого языка. Несмотря на то, что в анкете присутствовали вопросы

⁶ Анкетирование проводилось с августа 2023 г. по апрель 2024 г.

⁷ Часть информантов – это студенты коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета Пермского гуманитарно-педагогического университета, которые недавно (не более 3 лет назад) переехали в Пермь и временно проживают в городе. Подчеркнем, что включение в выборку информантов студентов, изучающих коми-пермяцкий язык в вузе, дает возможность учесть максимально лояльно настроенных к языку носителей.

относительно обоих языков – коми-пермяцкого и русского, в данной статье в соответствии с предметом исследования используются результаты опроса, касающиеся только коми-пермяцкого языка, без сопоставления с русским.

Апробация индекса витальности на основе данных анкетирования

Данные для расчета индекса витальности коми-пермяцкого языка формировались на основе анализа ответов информантов.

Для расчета индекса языкового доминирования (I_{dom}) учитывались ответы информантов относительно степени владения коми-пермяцким языком. Количество информантов, свободно говорящих и пишущих на коми-пермяцком языке, составило 54 чел., соответственно, значение индекса, отражающего их долю (%) в общем числе информантов, составило $I_{dom} = 62,1$.

Вычисление индекса языкового выбора (I_{ch}) основывается на данных о количестве информантов, которые используют коми-пермяцкий язык при общении с родителями, поскольку именно общение между родителями и детьми в семье является основным инструментом сохранения и передачи языка. Количество информантов, использующих коми-пермяцкий язык с обоими родителями, составило 65 чел. (74,7% от всех информантов). Соответственно, $I_{ch} = 74,7$.

Индекс языкового разнообразия (I_{var}) складывается из нескольких индексов, которые учитывают доли информантов, использующих коми-пермяцкий язык при общении с отдельными группами родственников: I_{var1} – с представителями старшего поколения (обоими родителями, бабушкой и дедушкой); I_{var2} – с представителями младшего поколения (братьями и сестрами); I_{var3} – с представителями обоих поколений. Распределение ответов на вопрос об использовании коми-пермяцкого языка в данных ситуациях показано на рис. 2.

Таким образом, значения индексов: $I_{var1} = 13,8$; $I_{var2} = 6,9$; $I_{var3} = 69,0$.

Итоговый индекс языкового выбора рассчитывается как среднее значение трех полученных индексов $I_{var} = 29,9$.

Для вычисления индекса языкового предпочтения (I_{pref}) было проанализировано общение в разных сферах функционирования коми-пермяцкого языка:

- при обращении в органы государственной власти;
- в сфере культуры (чтение книг, газет, журналов; просмотр фильмов, сериалов, спектаклей);
- в сфере СМИ (просмотр телевизионных передач, запросы в интернете);
- в социальной сфере (коммуникация в магазинах, банках, больницах, транспорте).

В табл. 2 показаны доли информантов, которые используют коми-пермяцкий язык в данных коммуникативных ситуациях.

Как показывает табл. 2, при обращении в органы государственной власти коми-пермяцкий язык используют менее 1% информантов; наиболее активное использование коми-пермяцкого языка наблюдается в сфере культуры и СМИ – в среднем 17,3% информантов прибегают к нему в данных ситуациях; при социальной коммуникации в городе язык используют 8,6% информантов. Индекс языковой преференции рассчитывается как среднее от полученных значений $I_{pref} = 8,9$.

Индекс языковой преемственности (I_{trans}) показывает долю информантов, указавших, что они обучали, обучают или планируют обучать своих детей коми-пермяцкому языку. Количество таких информантов составило 63 чел. Соответственно, $I_{trans} = 72,4$.

Индекс языковой лояльности (I_{ll}) рассчитывается на основе признания коми-пермяцкого языка родным, а также оценок информантами престижа и ценности коми-пермяцкого языка.

Так, на вопрос относительно того, какой язык является родным для информантов, 78,2% ответили, что родным они считают коми-пермяцкий язык (при этом 8,1% из них назвали родными оба языка – и коми-пермяцкий, и русский).

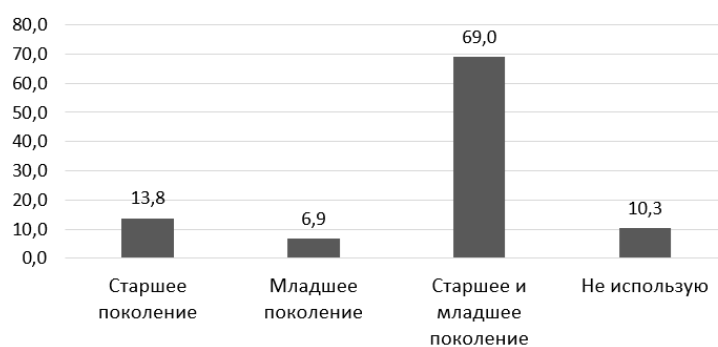

Рис. 2. Использование коми-пермяцкого языка при общении с разными поколениями семьи, %
 Fig. 2. Use of the Komi-Permyak language when communicating with different generations of the family, %

Таблица 2. Количество коми-пермяков, использующих коми-пермяцкий язык в разных сферах, %
Table 2. Number of Komi-Permyaks using the Komi-Permyak language in different spheres, %

Сфера функционирования	Количество коми-пермяков, использующих коми-пермяцкий язык в данной сфере	
	по отдельным сферам	в среднем
Органы государственной власти		0,9
Телевизионные передачи	14,9	17,03
Интернет	2,3	
Фильмы и сериалы	3,4	
Книги	20,7	
Газеты и журналы	12,6	
Спектакли	48,3	
Магазин	17,0	8,6
Банк	2,8	
Больница	6,9	
Транспорт	7,8	

При оценке престижа языка и его ценности использовались 5-балльные шкалы, где 5 – наивысшая, а 1 – наименьшая оценка. Распределения оценок показано на рис. 3.

При оценке престижности только 12,7% и 11,5% информантов отметили высокий уровень престижности коми-пермяцкого языка (оценки «5» и «4» соответственно); почти 37,9% информантов дали нейтральную оценку престижности коми-пермяцкого языка (оценка «3»); 37,9% информантов указали, что коми-пермяцкий не является престижным (оценки «2» и «1»).

На вопрос относительно ценности коми-пермяцкого языка одинаковое количество информантов (по 8%) отметило, что коми-пермяцкий язык является ценным (оценки «5» и «4» соответственно); более трети информантов (35,7%) дали нейтральную оценку (оценка «3»); 38,3% информантов указали, что коми-пермяцкий язык не представляет ценности (оценки «2» и «1»).

Оба распределения показывают, что большинство оценок сдвинуто к правому краю шкалы, т.е. к отрицательным оценкам престижности и ценности коми-пермяцкого языка, что может быть обусловлено ограниченным использованием коми-пермяцкого языка в большинстве общественных сфер. В качестве показателей, используемых для расчета индекса языковой лояльности в обоих случаях, берется сумма долей информантов, поставивших высокие оценки («5» и «4») коми-пермяцкому языку. Таким образом, доля информантов, поставивших высокие

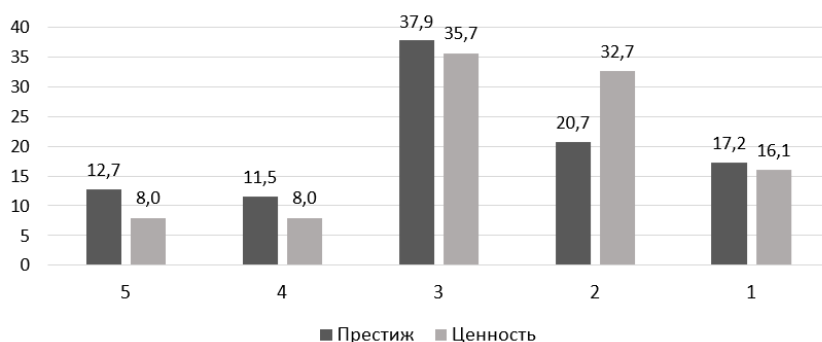

Рис. 3. Распределения оценок престижности и ценности коми-пермяцкого языка, %
 Fig. 3. Distribution of assessments of the prestige and value of the Komi-Permyak language, %

оценки по престижности, – 24,2%, а доля информантов, поставивших высокие оценки по ценности, – 16%.

Индекс языковой лояльности рассчитывался как среднее арифметическое от трех указанных параметров и составил $I_{ll} = 39,5$.

Для определения коэффициента сокращения численности населения в данном случае использованы данные Всероссийских переписей населения за 2002, 2010 и 2020 гг., согласно которым численность коми-пермяков за период, прошедший между переписями 2002 г. и 2010 г., сократилась на 22% (т.е. коэффициент численности сокращения составил 0,78%), а за период, прошедший между переписями 2010 г. и 2020 г., – на 38% (т.е. коэффициент численности сокращения составил 0,62%). Более высокое значение коэффициента в первый период позволяет внести поправку в коэффициент, полученный для второго периода в сторону его небольшого увеличения. Поэтому примем значение коэффициента сокращения численности носителей коми-пермяцкого языка равным 0,65.

Получив значения всех частных индексов и коэффициента сокращения численности населения, можем рассчитать общий индекс витальности коми-пермяцкого языка в настоящее время:

$$LVI = \frac{I_{dom} + I_{ch} + I_{var} + I_{pref} + I_{trans} + I_{ll}}{6} \times k;$$

$$LVI = \frac{62,1 + 74,7 + 29,9 + 8,9 + 78,2 + 39,5}{6} \times 0,65 = 31,7.$$

Полученный индекс витальности коми-пермяцкого языка свидетельствует о низкой степени витальности коми-пермяцкого языка в настоящее время.

С одной стороны, значение индекса совпадает с оценкой витальности коми-пермяцкого языка, данной ЮНЕСКО и проектом РАН «Языки России», и подтверждает статус коми-пермяцкого языка как находящегося под угрозой, что говорит о надежности предлагаемого инструмента. В то же время значение индекса показывает, что язык находится в середине интервала, характеризующего низкий уровень витальности: он не близок к средней степени витальности, но пока не достиг черты, за которой начинается языковой сдвиг. Все это говорит о необходимости срочной работы с языком.

С другой стороны, частные индексы, входящие в состав основного, позволяют выделить именно те компоненты языковой ситуации, которые оказываются наиболее слабыми и уязвимыми. В данном случае наименьшими частными индексами оказываются индекс языкового

предпочтения, индекс языкового выбора и индекс языковой лояльности. Это говорит о том, что уязвимыми оказываются как объективные (функциональный статус коми-пермяцкого языка), так и субъективные (языковая лояльность носителей) компоненты языковой ситуации. Более того, хотя самым низким индексом оказывается индекс языкового предпочтения, характеризующий общение во внесемейных сферах, индекс языкового разнообразия, определяющий состояние общения в семье, также весьма мал, что показывает уязвимость функционального статуса коми-пермяцкого языка во всех коммуникативных ситуациях. Невелико значение и индекса языковой лояльности, отражающего субъективные оценки языка его носителями. Совокупность этих параметров, очевидно, может привести язык к состоянию, пограничному к языковому сдвигу.

Таким образом, предложенный вариант индекса витальности оказывается удобным и информативным инструментом по оценке жизнеспособности языка, который не просто оценивает уровень витальности, но и указывает на первоочередные направления работы по поддержке языка.

Заключение

Языки, которые в настоящее время находятся под угрозой исчезновения, могут быть очень разными: от бесписьменных сельских языков с небольшим количеством носителей до литературных языков, число носителей которых измеряется десятками тысяч и которые имеют статус официальных (или даже государственных). К последним относится коми-пермяцкий язык, большинство носителей которого проживает в Пермском крае. Положение коми-пермяцкого языка уже несколько десятилетий ухудшается. Несмотря на действия властей, направленные на сохранение и защиту коми-пермяцкого языка и культуры, происходит заметное сокращение количества носителей коми-пермяцкого языка и сокращение его социальных функций, уровень его витальности снижается.

В такой ситуации актуальной задачей является регулярное отслеживание функционального статуса и витальности языка, которое требует удобных, позволяющих достаточно быстро получать информацию о текущем состоянии языка инструментов, фиксирующих изменения витальности языка. В качестве подобного инструмента в статье предлагается вариант индекса языковой витальности. Предлагаемый индекс основан на идеологии индекса языковой витальности Г. Экстра и его соавторов, но интегрирует большее количество (а именно шесть) частных индексов, отражающих базовые составляющие языковой ситуации: функциональный статус языка, включающий уровень владения языком (I_{dom}), его использование в семье (I_{ch} и I_{var}) и во внесемейных сферах общения (I_{pref}), межпоколенческую передачу (I_{trans}), а также языковую лояльность (I_{ll}), отражающую ценность и престижность языка для его носителей. Важной особенностью предложенного индекса витальности языка является то, что при анализе семейной коммуникации вводятся отдельные частные индексы, оценивающие общение с родителями (I_{ch}) и общение с разными поколениями родственников (I_{var}), что опосредованно затрагивает межпоколенческую передачу языка. Охват разных сторон языковой ситуации в частных индексах делает данный вариант индекса более надежным и устойчивым к влиянию сторонних факторов.

Кроме того, предлагаемый индекс включает, в отличие от известных, не просто демографическую мощность группы носителей языка, а индекс сокращения количества носителей (k), величина которого в данной работе определяется на основе данных о сокращении количества коми-пермяков в течение последних 20 лет. Естественно, что в отличие от прочих параметров формулы индекса языковой витальности, коэффициент сокращения численности должен определяться для каждого конкретного языка индивидуально.

На основе данных, полученных в результате анкетирования коми-пермяков относительно использования коми-пермяцкого языка в разных коммуникативных ситуациях и оценок его

престижности и ценности, были получены шесть частных индексов и общий индекс витальности коми-пермяцкого языка, который оказался равен 31,7, что показывает низкий уровень витальности.

Тем не менее полученное значение индекса свидетельствует о том, что коми-пермяцкий язык пока не приблизился к границе, за которой начинается языковой сдвиг, поэтому еще не поздно принимать меры, направленные на его витализацию. Значения частных индексов демонстрируют, какие именно компоненты коммуникативной ситуации страдают в настоящее время. К сожалению, в ситуации с коми-пермяцким языком эти компоненты затрагивают и семейное, и внесемейное общение, и субъективные параметры, формирующие языковую лояльность. Это делает язык более уязвимым, чем в том случае, если бы низкими оказались индексы, формируемые одним из параметров.

Хотя в статье не ставилась цель предложить конкретные меры по витализации коми-пермяцкого языка, полученные частные индексы показывают, что в данном случае необходима работа по укреплению языка с точки зрения расширения его использования в органах государственной власти и в городском неформальном общении. Но прежде всего необходима более сложная работа — работа с семьями, внушение необходимости домашнего общения со всеми членами семьи на коми-пермяцком языке, а также привитие ценности коми-пермяцкого языка и культуры молодому поколению, иначе язык, особенно с учетом быстрого сокращения численности носителей, может быстро перейти к состоянию языкового сдвига.

В заключение хочется отметить, что предложенный индекс языковой витальности может использоваться для разных языков, что может стать перспективой исследования. Сопоставление индекса витальности в целом и его составляющих у разных языков поможет лучше понять механизмы сохранности и утраты языков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Dressler W. Language death // *Language: The socio-cultural context* / ed. by F.J. Newmeyer. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 184–192.
2. Казакевич О.А., Будянская Е.М., Евстигнеева А.П., Коряков Ю.Б., Мордашова Д.Д., Покровская С.В., Поливанов К.К., Ренковская Е.А., Халилова З.М., Шейфер К.О. Шкалы языковой витальности и их применимость к материалу конкретных языковых ситуаций // *Вопросы языкознания*. 2022. № 4. С. 7–47. DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.7-47
3. Grenoble L.A., Whaley L.J. *Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 231 p. DOI: 10.1017/CBO9780511615931
4. Broeder P., Extra G. *Language, Ethnicity, and Education: Case Studies on Immigrant Minority Groups and Immigrant Minority Languages*. Clevedon; Philadelphia; Toronto; Sydney; Johannesburg: Multilingual Matters, 1999. 130 p.
5. Extra G., Yağmur K. Mapping immigrant minority languages in multicultural cities // *Mapping Linguistic Diversity in Multicultural Contexts* / ed. by M. Barni, G. Extra. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008. P. 139–162. DOI: 10.1515/9783110207347.3.139
6. UNESCO Ad Hoc Expert Group on Endangered Languages. *Language Vitality and Endangerment*. Paris, 2003. URL: <https://ich.unesco.org/doc/src/00120-EN.pdf> (дата обращения: 20.12.2025).
7. Харитонов В.С., Иванов В.В., Каде М.А. Статусы языковой витальности // Проект «Языки России». URL: <https://jazykirf.iling-ran.ru/Statuses.shtml> (дата обращения: 03.12.2026).
8. Giles H., Bourhis R.Y., Taylor D.M. Towards a theory of language in ethnic group relations // *Language, Ethnicity and Intergroup Relations* / ed. by H. Giles. London: Academic Press, 1977. P. 307–348.
9. Сулейменова Э.Д. Глобализация и языковая политика // *Полилингвистическая и транскультурные практики*. 2020. Т. 17, № 1. С. 112–120. DOI: 10.22363/2618-897X-2020-17-1-112-120
10. Хилханова Э.В. Витальность и перспективы миноритарных языков: оценочно-прогностические теории и grassroots movements в цифровую эпоху // *Языки в полиэтничном государстве:*

развитие, планирование, прогнозирование. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2019. С. 233–237. DOI: 10.31554/978-5-7925-0559-9-2019-233-237

11. **Ehala M.** Hot and cold ethnicities: modes of ethnolinguistic vitality // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2011. Vol. 32, Iss. 2. Pp. 187–200. DOI: 10.1080/01434632.2010.541919

12. **Сулейменова Э.Д.** Витальность казахского языка и языковое планирование // *Вестник Казахского Национального университета. Серия филологическая*. 2011. № 2. С. 7–13.

13. **Ehala M.** An Evaluation Matrix for Ethnolinguistic Vitality // *Rights, Promotion and Integration Issues for Minority Languages in Europe* / ed. by S Pertot, T. Priestly, C. Williams. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. P. 123–137. DOI: 10.1007/978-0-230-23375-1_8

14. Stewart W. A sociolinguistic typology for describing national multilingualism // *Readings in the Sociology of Language*. 1968. Iss. 3. P. 531–545.

15. **McConnell G.D.** A model of language development and vitality // *Indian Journal of Applied Linguistics*. 1996. Iss. 1. P. 33–47.

16. **Гунжитова Г.Ц.** Факторы витальности бурятского языка // *Филология: научные исследования*. 2020. № 12. С. 41–49. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.12.34511

17. **Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В., Покоякова В.А.** Языки Южной Сибири в динамике социального контекста. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2022. 160 с.

18. **Roche G.** Linguistic Vitality, Endangerment, and Resilience // *Language, Documentation & Conservation*. 2017. Vol. 11. P. 190–223.

19. **Кондрашкина Е.А.** Влияние психологического фактора на витальность языка // *Вопросы психолингвистики*. 2018. № 3 (37). С. 22–35. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-37-3-22-35

20. **Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В.** Динамика языкового поведения и языковых убеждений в контексте языковой политики Республики Хакасия // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. № 11. С. 342–347. DOI: 10.30853/filnauki.2019.11.72

21. **Krauss M.** Chapter 1. Classification and Terminology for Degrees of Language Endangerment // *Language Diversity Endangered* / ed. by M. Brenzinger. Berlin; New York: Mouton De Gruyter, 2007. Pp. 1–8. DOI: 10.1515/9783110197129.1

22. **Lewis M.P., Simons G.F.** Assessing endangerment: Expanding Fishman’s GIDS // *Revue Roumaine de Linguistique*. 2010. Vol. 55, Iss. 2. P. 103–120.

23. Engage Language Project. URL: <https://endangeredlanguages.com/about-catalogue> (дата обращения: 20.12.2025).

24. **Lee N.H., Way J.V.** Assessing levels of endangerment in the Catalogue of Endangered Languages (ELCat) using the Language Endangerment Index (LEI) // *Language in Society*. 2016. Vol. 45, Iss. 2. P. 271–292. DOI: 10.1017/S0047404515000962

25. *Urban Multilingualism in Europe: Immigrant Minority Languages at Home and School* / ed. by G. Extra, K. Yağmur. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters, 2004. 428 p.

26. **Pérez Rodríguez S., Vande Castele A., Vosters R.** Spanish as Immigrant Minority Language in Brussels: A Pilot Study on Maintenance and Vitality // *Languages*. 2025. Vol. 10, Iss. 5. Art. no. 113. DOI: 10.3390/languages10050113

27. **Budiono S.** Testing Language Vitality Instruments: Falsification and Language Status Evaluation // *Journal of Languages and Language Teaching*. 2025. Vol. 13, No. 1. Pp. 242–254. DOI: 10.33394/jollt.v13i1.12680

28. **Bourhis R.Y., Giles H., Rosenthal D.** Notes on the construction of a “subjective vitality questionnaire” for ethnolinguistic groups // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 1981. Vol. 2, Iss. 2. P. 144–155. DOI: 10.1080/01434632.1981.9994047

29. **Шабаев Ю.П., Денисенко В.Н., Шилов Н.В.** Языковая политика в регионах проживания финно-угорских народов Российской Федерации: поиск модели // *Регионоведение*. 2009. № 2 (67). С. 296–309.

30. **Лаллукка С.** Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. СПб.: Европейский Дом, 2010. 336 с.

31. **Михалева А.В.** Этноконфессиональная идентичность коми-пермяков Пермского края // *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*. 2016. № 5. С. 26–37.

REFERENCES

- [1] **Dressler W.**, Language death, *Language: The socio-cultural context*, ed. by F.J. Newmeyer, Cambridge University Press, Cambridge, 1988. P. 184–192.
- [2] **Kazakevich O.A., Budyanskaya E.M., Evstigneeva A.P., Koryakov Y.B., Mordashova D.D., Pokrovskaya S.V., Polivanov K.K., Renkovskaya E.A., Khalilova Z.M., Sheifer K.O.**, Language vitality scales and their applicability to specific language situations, *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*, 4 (2022) 7–47. DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.7-47
- [3] **Grenoble L.A., Whaley L.J.**, *Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization*, Cambridge University Press, Cambridge, 2006. DOI: 10.1017/CBO9780511615931
- [4] **Broeder P., Extra G.**, *Language, Ethnicity, and Education: Case Studies on Immigrant Minority Groups and Immigrant Minority Languages, Multilingual Matters*, Clevedon, Philadelphia, Toronto, Sydney, Johannesburg, 1999.
- [5] **Extra G., Yağmur K.**, Mapping immigrant minority languages in multicultural cities, *Mapping Linguistic Diversity in Multicultural Contexts*, ed. by M. Barni, G. Extra, Mouton de Gruyter, Berlin, New York, 2008. P. 139–162. DOI: 10.1515/9783110207347.3.139
- [6] UNESCO Ad Hoc Expert Group on Endangered Languages, *Language Vitality and Endangerment*, Paris, 2003. Available at: <https://ich.unesco.org/doc/src/00120-EN.pdf> (accessed 20.12.2025).
- [7] **Kharitonov V.S., Ivanov V.V., Kade M.A.**, Statusy yazykovoy vitalnosti [Language vitality statuses], Projekt “Yazyki Rossii” [Project “Languages of Russia”]. Available at: <https://jazykirf.iling-ran.ru/Statuses.shtml> (accessed 03.12.2026).
- [8] **Giles H., Bourhis R.Y., Taylor D.M.**, Towards a theory of language in ethnic group relations, *Language, Ethnicity and Intergroup Relations*, ed. by H. Giles, Academic Press, London, 1977, pp. 307–348.
- [9] **Suleimenova E.D.**, Globalization and Language Policy, *Polylinguality & Transcultural Practices*, 17 (1) (2020) 112–120. DOI: 10.22363/2618-897X-2020-17-1-112-120
- [10] **Khilkhanova E.V.**, Vitality and Prospects of Minority Languages: Evaluative and Predictive Theories and Grassroots Movements in the Digital Age, *Yazyki v polietnicheskom gosudarstve: razvitiye, planirovaniye, prognozirovaniye* [Languages in a Multi-Ethnic State: Development, Planning, Forecasting], BSC SB RAS, Ulan-Ude, 2019, pp. 233–237. DOI: 10.31554/978-5-7925-0559-9-2019-233-237
- [11] **Ehala M.**, Hot and cold ethnicities: modes of ethnolinguistic vitality, *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 32 (2) (2011) 187–200. DOI: 10.1080/01434632.2010.541919
- [12] **Suleymenova E.D.**, Vitalnost kazakhskogo yazyka i yazykovoye planirovaniye [Vitality of the Kazakh language and language planning], *Eurasian Journal of Philology: Science and Education*, 2 (2011) 7–13.
- [13] **Ehala M.**, An Evaluation Matrix for Ethnolinguistic Vitality, Rights, Promotion and Integration Issues for Minority Languages in Europe, ed. by S Pertot, T. Priestly, C. Williams, Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2008, pp. 123–137. DOI: 10.1007/978-0-230-23375-1_8
- [14] **Stewart W.**, A sociolinguistic typology for describing national multilingualism, *Readings in the Sociology of Language*, 3 (1968) 531–545.
- [15] **McConnell G.D.**, A model of language development and vitality, *Indian Journal of Applied Linguistics*, 1 (1996) 33–47.
- [16] **Gunzhitova G.**, Factors of vitality of the Buryat language, *Philology: scientific researches*, 12 (2020) 41–49. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.12.34511
- [17] **Borgoyakova T.G., Guseinova A.V., Pokoyakova K.A.**, *Languages of Southern Siberia in the Dynamics of Social Context*, Katanov Khakass State University, Abakan, 2022.
- [18] **Roche G.**, Linguistic Vitality, Endangerment, and Resilience, *Language, Documentation & Conservation*, 11 (2017) 190–223.
- [19] **Kondrashkina E.A.**, Influence of Psychological Factors on the Vitality of a Language, *Journal of Psycholinguistics*, 3 (37) (2018) 22–35. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-37-3-22-35
- [20] **Borgoyakova T.G., Guseinova A.V.**, Dynamics of Linguistic Behaviour and Linguistic Views in the Context of Language Policy in the Republic of Khakassia, *Philology. Theory & Practice*, 11 (2019) 342–347. DOI: 10.30853/filnauki.2019.11.72
- [21] **Krauss M.**, Chapter 1. Classification and Terminology for Degrees of Language Endangerment, *Language Diversity Endangered*, ed. by M. Brenzinger, Mouton De Gruyter, Berlin, New York, 2007, pp. 1–8. DOI: 10.1515/9783110197129.1

[22] **Lewis M.P., Simons G.F.**, endangerment: Expanding Fishman’s GIDS, *Revue Roumaine de Linguistique*, 55 (2) (2010) 103–120. DOI: 10.1017/CBO9780511783364.003

[23] Engage Language Project. Available at: <https://endangeredlanguages.com/about-catalogue> (accessed 20.12.2025).

[24] **Lee N.H., Way J.V.**, Assessing levels of endangerment in the Catalogue of Endangered Languages (ELCat) using the Language Endangerment Index (LEI), *Language in Society*, 45 (2) (2016) 271–292. DOI: 10.1017/S0047404515000962

[25] *Urban Multilingualism in Europe: Immigrant Minority Languages at Home and School*, ed. by G. Extra, K. Yağmur, Multilingual Matters, Clevedon, Buffalo, Toronto, 2004.

[26] **Pérez Rodríguez S., Vande Castele A., Vosters R.**, Spanish as Immigrant Minority Language in Brussels: A Pilot Study on Maintenance and Vitality, *Languages*, 10 (5) (2025) 113. DOI: 10.3390/languages10050113

[27] **Budiono S.**, Testing Language Vitality Instruments: Falsification and Language Status Evaluation, *Journal of Languages and Language Teaching*, 13 (1) (2025) 242–254. DOI: 10.33394/jollt.v13i1.12680

[28] **Bourhis R.Y., Giles H., Rosenthal D.**, Notes on the construction of a “subjective vitality questionnaire” for ethnolinguistic groups, *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 2 (2) (1981) 144–155. DOI: 10.1080/01434632.1981.9994047

[29] **Shabaev Yu.P., Denisenko V.N., Shilov N.V.**, Language Policy in the Regions of Living of Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation, *Russian Journal of Regional Studies*, 2 (67) (2009) 296–309.

[30] **Lallukka S.**, *Komi-permyaki i Komi-Permyatskiy okrug [Komi-Permyaks and Komi-Permyak District]*, Yevropeyskiy Dom, St. Petersburg, 2010.

[31] **Mikhaleva A.V.**, Ethnoreligious Identity of Komi-Permyaks in Perm Krai, *Perm Federal Research Centre Journal*, 5 (2016) 26–37.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ерофеева Елена Валентиновна

Elena V. Erofeeva

E-mail: elenerofee@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6659-6519>

Тюленёва Александра Михайловна

Alexandra M. Tyuleneva

E-mail: tuleneva.aleksa@yandex.ru

Поступила: 10.01.2026; Одобрена: 16.03.2026; Принята: 24.03.2026.

Submitted: 10.01.2026; Approved: 16.03.2026; Accepted: 24.03.2026.

Научная статья

УДК 81`246.2

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17102>

EDN: <https://elibrary/PDXDTF>

ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ РЕСПУБЛИКИ КЫРГЫЗСТАН

С.В. Краснощекова¹ , Е.В. Галкина²

¹ Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;

² Институт физиологии им. И.П. Павлова РАН,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ krasnoshchekova_sv@iling.spb.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме функционирования эвиденциальных стратегий в русскоязычных медиатекстах, созданных в условиях русско-кыргызского двуязычия, и их соотношению с аналогичными стратегиями в российских новостных текстах, порожденных в монолингвальной среде. Актуальность исследования определяется интересом современной лингвистики к изучению эвиденциальных стратегий в условиях языковых контактов и двуязычия. Цель исследования состоит в выявлении на основе сопоставительного анализа сходств и различий в использовании основных эвиденциальных стратегий в текстах кыргызстанских СМИ, публикуемых на русском языке, и в русскоязычных текстах, порожденных в российской монолингвальной среде. Исследовательский вопрос состоит в том, проявляются ли в русскоязычном новостном дискурсе Кыргызстана эффекты интерференции кыргызского языка и какие именно различия в использовании эвиденциальных стратегий фиксируются между кыргызстанскими и российскими медиатекстами. Материалом исследования послужили две выборки: 1050 текстов из трех кыргызстанских и 1050 текстов из трех российских новостных Телеграм-каналов. Методология включала отбор и разметку контекстов, классификацию средств выражения эвиденциальности, количественный, качественный и сопоставительный анализ. Установлено, что в обеих выборках присутствуют все три основных типа эвиденциальности, а их частотное распределение в целом совпадает, что свидетельствует об отсутствии интерференционного влияния эвиденциальности в кыргызском языке на русскоязычные тексты, порожденные в двуязычных условиях. Вместе с тем тексты кыргызстанских каналов характеризуются большей распространенностью репортативной пересказывательности с обезличенными источниками, имплицитной маркировкой авторства в сообщениях с прямой эвиденциальностью, а также широким использованием эпистемических маркеров, выражающих отношение говорящего к сообщаемому. Дополнительно фиксируются такие особенности, как снижение речевого регистра, отклонения от русского речевого стандарта и элементы смешения кодов. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением круга жанров медиаречи и углубленным анализом прагматических функций эвиденциальных стратегий в условиях языковых контактов.

Ключевые слова: эвиденциальность, эвиденциальные стратегии, источник информации, двуязычие, интерференция, русско-кыргызский билингвизм, тексты СМИ.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 25-18-00938 «Эвиденциальные стратегии в свете корпусных и экспериментальных данных (на материале разных структурных языков)»

Для цитирования: Краснощекова С.В., Галкина Е.В. Эвиденциальные стратегии в текстах русскоязычных СМИ Республики Кыргызстан // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 1. С. 24–42. DOI: 10.18721/JHSS.17102

EVIDENTIAL STRATEGIES IN RUSSIAN-LANGUAGE MEDIA TEXTS OF THE KYRGYZ REPUBLIC

S.V. Krasnoshchekova¹ , E.V. Galkina²

¹ The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation;

² Pavlov Institute of Physiology Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

✉ krasnoshchekova_sv@iling.spb.ru

Abstract. The article addresses the problem of evidential strategies in Russian-language media texts produced under conditions of Russian-Kyrgyz bilingualism and their correlation with analogous strategies in Russian news texts created in a monolingual environment. The relevance of the study is determined by the growing interest of modern linguistics in the study of evidential strategies under conditions of language contacts and bilingualism. The aim of the study is to identify, through comparative analysis, the similarities and differences in the use of the main evidential strategies in Russian-language texts of Kyrgyzstani media and in Russian-language texts produced in the monolingual environment of Russia. The research question is whether the effects of Kyrgyz language interference manifest in Russian-language news discourse in Kyrgyzstan and what specific differences in the use of evidential strategies can be observed between Kyrgyzstani and Russian media texts. The material of the study consists of two datasets: 1,050 texts from three Kyrgyzstani Telegram news channels and 1,050 texts from three Russian Telegram news channels. The methodology included the selection and annotation of contexts, the classification of evidential markers, and a combination of quantitative, qualitative, and comparative analyses. The findings demonstrate that all three major types of evidentiality are present in both datasets, and their frequency distribution generally coincides, which indicates that the absence of interference influence from evidentiality in the Kyrgyz language on Russian-language texts produced in a bilingual environment. At the same time, Kyrgyzstani news texts are characterized by a higher frequency of reportative evidentiality with impersonal sources, implicit authorial marking in statements with direct evidentiality, and a wide use of epistemic markers expressing the speaker's attitude towards the reported information. Additional features include lowering of register, deviations from Russian language standards, and elements of code-mixing. Future research perspectives involve expanding the range of media speech genres and conducting a more detailed study of the pragmatic functions of evidential strategies in contexts of language contact.

Keywords: evidentiality, evidential strategies, information source, bilingualism, interference, Russian-Kyrgyz bilingualism, media texts.

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00938 “Evidential strategies in the light of corpus and experimental data (based on the material of multi-structured languages)”.

Citation: Krasnoshchekova S.V., Galkina E.V., Evidential Strategies in Russian-language Media Texts of the Kyrgyz Republic, *Terra Linguistica*, 17 (1) (2026) 24–42. DOI: 10.18721/JHSS.17102

Введение. Постановка проблемы

Эвиденциальность — языковая категория, выражающая «указание на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им информации»¹. Категория объединяет разнородные явления, принадлежащие к областям как грамматики, так и лексики. К эвиденциальным значениям, соответственно, относятся те, которые так или иначе отражают то, откуда получена информация о ситуации, находящей выражение в высказывании, а также какую роль играл

¹ Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 488 с.

при этом говорящий: наблюдал ситуацию своими глазами или воспринимал ее посредством других органов чувств, сделал вывод об уже произошедшей ситуации на основании видимого результата или абстрактных умозаключений, получил сведения от третьих лиц. В связи с данной семантической разнородностью принято говорить о нескольких типах эвиденциальности либо группах эвиденциальных значений.

В лингвистической литературе ([1, с. 63; 2; 3] и др.) выделяются следующие основные типы эвиденциальности: (1) прямая эвиденциальность, (2) инференциальность и (3) пересказывательность (терминология дается по Н.А. Козинцевой [3]). Каждый из типов также делится на подтипы. Рассмотрим типы эвиденциальности подробнее. Классификация подтипов приводится в соответствии с русскоязычной типологической традицией [2], опирающейся на книгу А. Айхенвальд [1].

В случае *прямой эвиденциальности* сообщаемая информация получена автором на основе непосредственного восприятия при помощи органов чувств. В составе прямой эвиденциальности различают **визуальный** (информация получена говорящим при помощи зрения) и **сенсорный** (информация получена при помощи других органов чувств) способы получения информации. Различение отдельных сенсорных путей восприятия информации (аудиального, обонятельного, осязательного) для многих языков мира оказывается непринципиальным в типологическом плане и не находит отдельного выражения в средствах выражения. Для передачи прямой эвиденциальности существуют языковые маркеры, указывающие на то, что ситуация воспринимается непосредственно автором, совпадает с моментом речи (либо предшествует ему), а информация о ней, подаваемая от первого лица, является подлинной и не требует подтверждения при помощи вторичных маркеров достоверности или авторитетности [4]: *я видел, как...*; *я своими глазами видел...* и др. Кроме того, прямая эвиденциальность часто является немаркированным членом оппозиции и не имеет специального языкового выражения: *Ой, свет горит* (говорящий наблюдает ситуацию непосредственно); *Вчера пришло человек двадцать* (говорящий был участником ситуации).

Инференциальность подразумевает, что информация получена говорящим при помощи логического вывода. В рамках инференциальности выделяются два подтипа: **инферентив** (вывод сделан на основании видимого или иначе воспринимаемого результата: *вижу, тут уже убрали* – говорящий наблюдает только результаты уборки, но не был свидетелем самого процесса) и **презумптив** (вывод сделан на основе фоновых знаний или абстрактных умозаключений). Инференциальность обычно имеет эксплицитное выражение [5, с. 601]: маркеры *значит, в этом случае, итак*.

Пересказывательность имеет место в ситуации, когда информация получена от третьих лиц. В рамках данного типа выделяются такие подтипы, как **квотатив** (ссылка на третьих лиц с упоминанием источника информации) и **репортатив** (ссылка на третьих лиц без упоминания источника информации). Пересказывательность всегда имеет эксплицитное выражение. Маркеры квотативной пересказывательности прямо или косвенно указывают на источники информации разной степени авторитетности – конкретных лиц, организации, государственные службы, СМИ и т. п.: *по сообщению [источника]*, *по словам [официального лица]*, *как сообщил / как сообщается...* и др. Маркеры репортативной пересказывательности свидетельствуют о неопределенном, размытом, абстрактном, обезличенном характере источника информации (ссылки на социальные группы, общественное мнение, традиции) [6, 7]: *по слухам, рассказывают, говорят* и т. п.

Кроме того, эвиденциальные значения классифицируются в зависимости от присутствия автора в описываемой ситуации: противопоставление прямого и непрямого доступа (была ли ситуация физически доступна говорящему); личного и неличного опыта (опирается говорящий на собственные наблюдения или на данные третьих лиц). Таким образом, прямая

эвиденциальность совмещает прямой и личный доступ к событиям, инференциальность подразумевает личный, но непрямой контакт с ситуацией, пересказывательность же включает не прямое и не личное знание [8, с. 350].

В большинстве языков мира эвиденциальность так или иначе связана с эпистемической модальностью и трактуется рядом исследователей как модусная категория, «которая, помимо источника сведений, включает интерпретацию и коммуникативную оценку информации говорящим» [9], а эвиденциальные формы определяются в традиционных грамматиках как наклонения («пересказывательное наклонение» в болгарском [10, 11]). На пересечении эвиденциальности и эпистемической модальности находятся также категория адмиративности и так называемое «миративное наклонение», выражающее удивление говорящего по поводу наблюдаемой ситуации [1]. В языках без грамматикализованной эвиденциальности выделяются такие группы маркеров, как «выражения мнения», «уверенности в знании» или «сомнения» [9]. Одни и те же средства могут использоваться для выражения как эвиденциальных, так и эпистемических значений, а эпистемическая составляющая выступает неотъемлемой частью сообщения: «Категория эвиденциальности зачастую отражает отношение говорящего к сообщаемому факту, его эпистемическую установку — полную ассимилированность сообщаемого факта в его сознании... либо дистанцированность, что ведет к большему или меньшему „накладыванию“ эвиденциальных и модальных значений» [7, с. 223].

Эвиденциальность как категория в целом и эвиденциальные стратегии в частности широко изучаются в настоящее время. Исследования ведутся в таких основных направлениях, как типология эвиденциальных систем и классификация эвиденциальных граммем в типологически разных языках [2, 12–14], способы выражения эвиденциальности в языках без соответствующей грамматической категории [15, 16], взаимодействие эвиденциальности и других языковых категорий [17, 18], освоение маркеров эвиденциальности детьми и взрослыми [19, 20], а также функционирование эвиденциальных единиц в различных типах дискурса. Одним из перспективных направлений является изучение эвиденциальных стратегий в текстах СМИ [21, 22].

Основным типом эвиденциальности в текстах СМИ является пересказывательность [23]. Что касается двух других типов, то как прямая эвиденциальность, так и инференциальность (во взаимодействии с эпистемической модальностью) используются при подаче новости «от первого лица» [24]. В последние годы вырос интерес к области пересечения категорий эвиденциальности и авторитетности в свете проблемы управления общественным мнением в СМИ. Показано, что выбор особых средств указания на авторство значимых лиц в сочетании с маркерами доверия или недоверия к источнику может оказывать влияние на степень компетентности данного источника в субъективном восприятии адресата [6]. Использование эмоционально окрашенных слов и выражений повышает достоверность излагаемого сообщения, открывая возможности для вуалирования фейковых новостей и управления мнением аудитории [25–27]. Сочетая средства выражения эвиденциальности и эпистемической модальности, автор дает свою характеристику ситуации с точки зрения достоверности [28], высказывает положительную или отрицательную оценку события, включая эмоциональные, оценочные и метафорические единицы, с помощью чего формируется соответствующее мнение читателей [29, 30]. С авторизацией пересекается референтное выражение субъекта, с деавторизацией — нереферентное его выражение [22].

Предметом настоящего исследования является функционирование категории эвиденциальности в текстах СМИ, порождаемых на русском языке в условиях билингвального русско-кыргызского окружения. *Цель исследования* заключается в том, чтобы на основе сопоставительного анализа выявить сходства и различия в использовании основных эвиденциальных стратегий в текстах кыргызстанских СМИ, публикуемых на русском языке, и в русскоязычных текстах, порожденных в российской монолингвальной среде. *Исследовательский вопрос* состоит в том,

какие конкретные различия в использовании эвиденциальных стратегий существуют между текстами кыргызстанских и российских новостей.

Русский и кыргызский языки имеют системно-типологические различия в выборе языковых средств для выражения эвиденциальных значений. Русский язык относится к языкам без грамматикализованной эвиденциальности. Источник информации не маркируется грамматическими средствами, а соответствующие значения выражаются с помощью различных лексических единиц (пересказывательность: *по словам X, по заявлению X, говорят, мол, дескать, якобы*; инференциальность: *значит, я вижу*), интонации, а также других грамматических категорий [31–33]. Прямой доступ к информации обычно не имеет эксплицитного выражения. Для обозначения значения прямой эвиденциальности в русском языке обычно используются глагольные формы настоящего и прошедшего времени, при этом вторичные маркеры (авторитетности, достоверности), как правило, отсутствуют. Значение «я видел это сам», выраженное лексически, может снижать достоверность информации [4, 31].

В кыргызском языке способы указания на источник информации грамматикализованы. Традиционная грамматика кыргызского языка описывает систему выражения эвиденциальности при помощи временных форм глагола. Формы «определенного» прошедшего времени используются, когда говорящий наблюдал ситуацию своими глазами и уверен в этой информации: *досум унааны жууду* «мой друг помыл машину» (я в этом уверен, я это видел). Граммема прямой эвиденциальности обычно выражает наиболее высокую степень ответственности автора за достоверность сообщения. Формы «неопределенного» прошедшего описывают ситуацию, когда информация получена от третьего лица и говорящий не полностью уверен в ее достоверности: *досум унааны жууптур* «говорят, мой друг помыл машину». Информация, полученная от неназванных третьих лиц, маркируется «неопределенным» прошедшим; информация, полученная из эксплицитно называемого источника, – «определенным» прошедшим [34, с. 292]. В текстах новостей со ссылкой на официальный источник обычно употребляется «определенное» прошедшее, т.е. та же форма, что и для выражения прямой эвиденциальности. По оценке носителей языка, формы «неопределенного» прошедшего носят разговорный характер и неприемлемы в новостях.

Таким образом, в новостном дискурсе на кыргызском языке обычно применяются грамматические средства прямой эвиденциальности в сочетании с лексическими средствами для выражения пересказывательности. В русском языке используются только лексические средства при невозможности выразить эвиденциальное значение грамматически. В связи с этим была выдвинута гипотеза о том, что наличие грамматикализованной эвиденциальности в системе кыргызского языка приводит к различиям в использовании эвиденциальных стратегий при порождении русскоязычного текста носителями кыргызского и русского языков.

Материал и методы

В качестве материала были использованы тексты новостных заметок, извлеченные из тематических Телеграм-каналов, посвященных актуальным новостям региона. Общий объем данных составляет 2100 публикаций, случайным образом выбранных из шести новостных каналов.

Первую выборку («кыргызстанские новости», КГН, $n = 1050$) составили новости на русском языке, созданные в двуязычных условиях. Анализировались три новостных канала Республики Кыргызстан. В двух представлены новости страны: «Sputnik Кыргызстан» (SK, https://t.me/sputnik_kyrgyzstan, $n = 350$), «Сейчас. КГ» (СКГ, https://t.me/seychas_kgs, $n = 350$), в третьем – новости одного региона, г. Бишкек: «Бишкек сегодня. Новости» (БС <https://t.me/bishnews>, $n = 350$). Несмотря на то, что сведения о билингвальном статусе и уровне владения русским и кыргызским языками авторов новостей недоступны, в целом возможно констатировать, что новости функционируют в условиях двуязычия. В Кыргызстане зафиксировано несколько

сложившихся моделей русско-кыргызского билингвизма (пропорциональный, сбалансированный, диспропорциональный с превалированием русского либо кыргызского языка), однако в большинстве территорий языковая ситуация обычно характеризуется как диспропорциональный билингвизм [35, 36]. Двужычие в стране закреплено законодательно: кыргызский имеет статус государственного, а русский – «официального» языка². Большинство двуязычных носителей пользуется обоими языками, которые распределены по разным функциональным сферам. При этом русский, который является языком высшего образования, межнационального общения и одним из языков СМИ, освоен в Кыргызстане в целом на более низком уровне относительно русского речевого стандарта. Отличия, исследованные на материале письменных текстов двуязычных носителей языка, проявляются как на лексическом и грамматическом уровнях, так и в области письменной нормы [35].

Вторую выборку составили русскоязычные новости, опубликованные в России («российские новости», РСН, $n = 1050$), в регионах, где русский язык является родным для большинства носителей. Для нивелирования различий между выборками при сопоставлении были подобраны три новостных канала, в двух из которых представлены новости страны: «РИА Новости» (РИА, https://t.me/rian_ru, $n = 350$), «РБК Новости. Главное» (РБК, https://t.me/rbc_news, $n = 350$), а в последнем – новости одного региона, г. Санкт-Петербург: «Фонтанка SPB Online» (ФН, <https://t.me/fontankaspb>, $n = 350$).

Обработка материала включала количественный и качественный анализ. В ходе интерпретации материала учитывались следующие параметры: тип эвиденциальности (прямая, инференциальность, пересказывательность) и особенности его выражения; присутствие эпистемических маркеров (отношения говорящего, достоверности/убедительности), а также случаи отклонения от русского речевого стандарта (неверный выбор слова, неверный выбор грамматической формы, окказионализмы, переключение кодов). При анализе пересказывательности подробное внимание уделялось определенности и авторитетности источника информации. Фиксировались такие моменты, как: (а) ссылки на организации (с указанием конкретных данных и названия; без указания названия); (б) ссылки на известных людей, должностных лиц (с указанием должности, имени и статуса; только с указанием имени; только с указанием должности); (в) ссылки на малоизвестных людей (с указанием имени, должности, принадлежности к определенной области, социальной группе или событию; без указания имени; без указания принадлежности); (г) ссылки на законы и документы (уточненные или неуточненные документы); (д) ссылки на журналы, газеты, СМИ (общеизвестные, местного значения; с указанием названия, без названия); (е) ссылки на интернет-ресурсы (с указанием названия или неуточненные); (ж) отсылки к общеизвестному знанию или традициям; (з) вторичное указание на лицо при помощи личного местоимения; (и) ссылки на неконкретный обобщенный источник. В случае прямой эвиденциальности отмечались наличие и способ маркирования собственного авторства: (а) авторство, подтвержденное видеоматериалами; (б) авторство, указанное с помощью лексических маркеров; (в) отсутствие указания на авторство. В ходе интерпретации данных тип эвиденциальности приписывался на основе формальных признаков, а именно: если источник информации не был маркирован в тексте, констатировалось, что имеет место прямая эвиденциальность (даже если из контекста предполагалось, что сведения о ситуации могли быть получены от третьего лица). Также при анализе материала обращалось внимание на случаи несовпадения выражаемого значения и выбранных для этого языковых средств.

Результаты и обсуждение

В ходе анализа материала были получены следующие результаты.

² Конституционный закон Кыргызской республики от 17 июля 2023 года № 140 «О государственном языке Кыргызской Республики» // Кыргызская Республика. Министерство юстиции. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112618/edition/1264993/ru> (дата обращения: 03.07.2025).

1. В каждой исследованной нами выборке («кыргызстанские новости», «российские новости») обнаружены все основные типы эвиденциальности: прямая эвиденциальность, инференциальность и пересказываемость. Количественные данные по двум группам (КГН и РСН) приведены в табл. 1 и 2. Указывается процентное соотношение различных типов в отдельном новостном канале, а также по группе в целом.

Таблица 1. Типы эвиденциальности в текстах СМИ Республики Кыргызстан
Table 1. Types of evidentiality in Kyrgyzstan news

Название СМИ	СКГ	СК	БС	Всего КГН
Прямая эвиденциальность				
Число примеров (процент)	72 (21%)	87 (25%)	84 (24%)	243 (23%)
Инференциальность				
Число примеров (процент)	67 (19%)	13 (4%)	64 (18%)	144 (14%)
Пересказываемость				
Число примеров (процент)	211 (60%)	250 (71%)	202 (58%)	663 (63%)
Число контекстов (процент)	350 (100%)	350 (100%)	350 (100%)	1050 (100%)

Таблица 2. Типы эвиденциальности в текстах российских СМИ
Table 2. Types of evidentiality in Russian news

Название СМИ	РИА	РБК	ФН	Всего РСН
Прямая эвиденциальность				
Число примеров (процент)	63 (18%)	90 (26%)	123 (35%)	276 (26%)
Инференциальность				
Число примеров (процент)	30 (9%)	24 (7%)	77 (22%)	131 (13%)
Пересказываемость				
Число примеров (процент)	257 (73%)	236 (67%)	150 (43%)	643 (61%)
Число контекстов (процент)	350 (100%)	350 (100%)	350 (100%)	1050 (100%)

Таким образом, в обеих группах преобладает пересказываемость (КГН 63%, РСН 61%). На втором месте находится прямая эвиденциальность (КГН 23%, РСН 26%), на третьем – инференциальность (КГН 14%, РСН 13%). Частотное соотношение различных типов эвиденциальности в исследуемых группах можно считать сходным. Таким образом, мы не обнаруживаем в текстах СМИ очевидных различий между КГН и РСН.

Наряду с этим, внутри каждой группы наблюдаются различия в употреблении эвиденциальности разных типов в зависимости от конкретного новостного канала. Так, канал «Sputnik Кыргызстан» демонстрирует наименьшую частотность инференциальности (4%) и наибольшую долю пересказываемости (71%). Это говорит о том, что новости подаются в официальном тоне, лишенном рассуждений автора; тогда как в двух других каналах КГН инференциальность встречается значительно чаще (СКГ 19%, БС 18%), что свидетельствует об их менее официальной направленности.

В РСН выделяются существенные отличия локального канала ФН от более официальных РИА и РБК. В канале ФН отмечены наибольшая доля прямой эвиденциальности (35%) и наименьший процент пересказываемости (43%). Частотность инференциальности (22%) соответствует доле данного типа (СКГ 19%, БС 18%) в двух каналах КГН. Анализ результатов показывает, что СМИ с новостями города выбирают инференциальность в большем числе случаев

(ФН 22%), чем каналы с новостями страны (РСНК 7%, РИА 9%). Своеобразное избегание маркеров пересказываемости в пользу подачи новостей без прямой ссылки на источник также может свидетельствовать о менее официальной направленности канала.

2. В проанализированном материале в каждой из групп наблюдаются следующие три подтипа прямой эвиденциальности.

2.1. Сообщение о факте подается от первого лица и сопровождается видео, т.е. отмечается особый вариант визуального способа получения информации: «говорящий наблюдает ситуацию, отражаемую на видео»: *В Бишкеке наградили победительниц конкурса «Женщина, меняющая мир»³* (СК); *Сергей Галицкий поднимает чемпионский кубок! Его клуб победил в национальном первенстве* (РБК); *У них возникла словесная перепалка в ночь на 14 мая. Затем случилось то, что на видео выше* (СКГ).

2.2. Сообщение о факте подается от первого лица, причем говорящий эксплицитно маркирует либо имплицитно позиционирует себя как наблюдателя или «хозяина информации» (также может сопровождаться видео): *Чуть не забыл с 20 мая для движения транспорта закроют участок улицы Льва Толстого* (СК); *А еще из наблюдений – аурус сенат российского производства. Не хейтим, но неожиданно* (БС).

2.3. Сообщение о факте не имеет эвиденциальных маркеров, несмотря на то, что передаваемая информация, очевидно, получена от стороннего источника либо имеет официальный характер. Указанные варианты отмечаются в обеих группах, однако демонстрируют разную частотность. Распределение подтипов прямой эвиденциальности в новостях приводится в табл. 3 и 4 (указано процентное соотношение примеров каждого вида в отдельном канале и по группе в целом).

Таблица 3. Типы прямой эвиденциальности в текстах СМИ Республики Кыргызстан
Table 3. Types of direct evidentiality in Kyrgyzstan news

Название канала	СКГ	СК	БС	Всего КГН
Подтверждение видеоматериалами	7 (10%)	31 (36%)	12 (14%)	50 (21%)
Маркировка авторства	20 (27%)	8 (9%)	25 (30%)	53 (22%)
Без маркировки авторства	45 (63%)	48 (55%)	47 (56%)	140 (58%)
Всего	72 (100%)	87 (100%)	84 (100%)	243 (100%)

Таблица 4. Типы прямой эвиденциальности в текстах российских СМИ
Table 4. Types of direct evidentiality in Russian news

Название канала	СКГ	СК	БС	Всего КГН
Подтверждение видеоматериалами	5 (8%)	7 (8%)	30 (24%)	42 (15%)
Маркировка авторства	6 (10%)	19 (21%)	40 (33%)	65 (24%)
Без маркировки авторства	52 (82%)	64 (71%)	53 (43%)	169 (61%)
Всего	63 (100%)	90 (100%)	123 (100%)	276 (100%)

Как видно из подсчетов, наиболее частотным (КГН 58%, РСН 61%) подтипом в обеих группах выступает вариант, где отсутствует какое-либо указание на источник информации. Излагаемые факты не основываются на опыте или наблюдении говорящего, однако материал подается как достоверный, при этом отсутствуют эпистемические маркеры сомнения или оценки, что

³ Все примеры приводятся в орфографии и пунктуации первоисточника.

позволяет новостному каналу позиционировать себя в качестве надежного источника информации, повышая свою авторитетность в глазах аудитории. Передача новостей официального характера без ссылки на авторитетный источник можно назвать типичной эвиденциальной стратегией в обеих исследованных нами группах текстов СМИ. Так, в ходе анализа примеров, обнаружено (табл. 3, 4) множество подобных сообщений о различных происшествиях или значимых событиях в городе: *В Бишкеке на складе произошел пожар. Общая площадь возгорания на улице Лермонтова составила 500 квадратных метров* (БС); *в салоне самолета Санкт-Петербург – Ереван отвалилась панель обшивки, а под ней в нарды играют* (ФН), а также о событиях общественного, экономического и политического характера в стране: *Тем временем, некоторые фермеры – уже перекопали поля со свеклой и вместо нее посеяли кукурузу, а пшеничка – засыхает из-за отсутствия дождей* (СКГ); *Сегодня в столице Кыргызстана пройдет заседание Совета ПА ОДКБ* (СК); *Обществознание исключат из школьной программы до 9 класса* (РИА).

Сообщения, сопровождаемые видео, составляют 21% среди случаев прямой эвиденциальности в КГН, при этом наблюдается расхождение между новостными каналами: СК (35%) чаще других подтверждает факты видеоматериалом (БС 14%, СКГ 10%). Указание на авторство при помощи специальных маркеров более характерно для каналов БС (27%) и СКГ (30%), чем для СК (9%). В РСН подтверждение факта видеоматериалами в целом чуть менее частотно (15%), чем указание собственного авторства (24%). Сравнивая отдельные каналы, можно отметить, что РИА и РБК используют прямую эвиденциальность с указанием на авторство (10% и 21%) чаще, чем видеоматериалы (8% и 8%), тогда как ФН часто подкрепляет новости видео (24%) и указанием на собственное авторство (33%), демонстрируя тем самым наименьший (43%) процент «недостовверных» сообщений, по сравнению с остальными каналами (РИА 82%, РБК 71%).

Различия между исследованными группами наблюдаются также в стратегии маркировки авторства. В КГН авторство может маркироваться: при помощи перехода к сниженному регистру⁴: *В Бишкеке женщина предложила взятку в 10 тыс милиционеру и сразу же в кабинет нагрянула группа для задержания* (БС); путем обращения к адресату: *Если вам вдруг было интересно: по состоянию на 28 апреля 2025 года легализацию прошли 2 852 автомобиля на иностранных номерах* (СКГ); путем апелляции к наблюдению: *На одном из электробусов можно увидеть логотип Азиатского банка развития, который ранее выделил более \$50 млн на покупку 120 электробусов и установку зарядных устройств в троллейбусных депо* (БС). В РСН для этого используется референция к собственному СМИ в первом либо в третьем лице множественного числа: *Рассказываем, какие музеи в Петербурге изменят режим работы из-за «Алых парусов»: сохраните, чтобы не потерять* (ФН); *Соответствующее обращение Миронов направил Мишустину (документ есть у РИА Новости)* (РИА); *О том, как меняется «рыбная полка» и что рыбопромышленники и торговые сети делают для продвижения минтая и крабов массовому потребителю – в материале РБК* (РБК).

3. При анализе инференциальности было обнаружено, что в КГН преобладают случаи, когда автор делает вывод о ситуации на основе наблюдаемого (известного, изложенного в контексте новости) результата. *Парень жив, но кажется, серьезно пострадал. Его увозит «скорая»* (БС); *Посещать Кыргызстан станет дороже: Минцифры предлагает повысить госпошлины* (СКГ) (заключение на основе изложенной информации). Кроме этого, высказывания инференциальной направленности содержали эпистемические маркеры отношения говорящего и убедительности сообщения: *После громкой взбучки от Садыра Жапарова в Республиканском диагностическом центре внезапно нашлись УЗИ, инструменты, лекарства и даже кондиционеры – чудеса, не иначе* (СКГ); *В Бишкеке над водителями в прямом смысле нависла угроза быть оштрафованными. Патрульная милиция начала запускать дроны для фиксации нарушений ПДД* (БС). Для РСН, напротив, оказалось характерным сочетание инференциальности и пересказывательности, при

⁴ Проявляется в использовании средств разговорного стиля и выборе жаргонных языковых единиц при подаче новости.

котором: (а) вывод делается на основе информации, полученной от упомянутого источника: *Гонконг в апреле нарастил импорт золота из России в 28 раз в годовом выражении, следует из анализа РИА Новости данных гонконгской статслужбы* (РИА); (б) факт подается как вывод третьего лица о ситуации: *Причиной партия назвала «недопустимое поведение и неоднократные действия, противоречащие ценностям партии»* (РИА).

Таким образом, можно заключить, что выборка КГН отличается эпистемически нагруженной инференциальностью, в то время как для РСН более характерна инференциальность в сочетании с пересказывательностью.

4. При анализе высказываний с пересказывательностью в обеих выборках КГН и РСН зафиксированы примеры квотативного и репортативного подтипов.

К первому, **квотативному**, подтипу, мы относили высказывания, содержащие четкое указание на авторство, а именно:

4.1. Ссылки **на организации** с указанием **конкретного названия**, территориальной принадлежности и т. п.:

КГН: *Кыргызгидромет предупреждает, что штормовое еще не закончилось и основной пик ухудшения погоды после жары придется на завтра – 19 мая* (СКГ); *ГУВД Чуйской области сообщает о весьма нестандартной попытке сделать предложение руки и сердца* (БС); *Администрация президента Кыргызстана опубликовала фотографии с военного парада на Красной площади* (СК);

РСН: *Как сообщили «Фонтанке» в автобусном парке «Домтрансавто», обслуживающем маршрут № 147, возгорание началось в моторном отсеке*. (ФН); *Роскосмос показал со спутника, как выглядит накрывший Москву циклон* (РБК); *Ограничения на прием и выпуск воздушных судов в аэропорту Калуги сняты, сообщили в Росавиации* (РИА).

4.2. Ссылки **на известных людей и должностных лиц** с указанием имени и должности; только имени либо только должности, а также случаи вторичной референции к ним при помощи личных местоимений:

КГН: *Депутат Балбак Тулобаев назвал саботажем проект поправок в конституционный закон о госязыке* (СК); *Володин отметил высокий уровень политического диалога между Бишкеком и Москвой* (СКГ); *Парламентарий задался вопросом, как теперь избираться этническим русским и немцам в парламент. Он выразил недовольство в ходе обсуждения поправок в ряд законов, касающихся госязыка*. (СКГ);

РСН: *Территория ЛНР освобождена на 100%, заявил глава республики Леонид Пасечник* (ФН); *Александр Беглов утвердил место для выходов с «Театральной»* (ФН); *Он отмечал, что в области могут наблюдаться проблемы со связью* (ФН); *При атаке пострадали три человека, двоих из них госпитализировали, сказал Миляев. Мэр Москвы Сергей Собянин сообщил, что московские медики оказывают помощь пострадавшим* (РБК); *Лукашенко заявил, что надо вырастить столько картофеля, чтобы хватило и Белоруссии, и России* (РИА); *Глава Минобрнауки Фальков рассказал о новом подходе распределения бюджетных мест в вузах* (РИА).

4.3. Ссылки на малоизвестных людей с указанием имени и должности либо принадлежности (к описываемой ситуации, профессии, территории, социальной группе и т. п.). Были зафиксированы только в РСН: *«Он же колючий, этот ёж. Грязный-грязный был: там торфяники», – рассказал местный житель Александр* (ФН); *О происшествии нам рассказала Анастасия, возвращавшаяся вечером на автомобиле Nissan компании «Делимобиль» из Зеленогорска* (ФН); *По мнению литературоведа Сергея Чуприна, Никитин с его серией романов «Трое из Леса» является одним из основателей этого жанра* (РБК); *Тело писателя-фантаста Юрия Никитина, скончавшегося в пятницу, будет заморожено для возможного оживления в будущем, сообщила его вдова Лилия* (РИА).

4.4. Точные ссылки на законы и другие документы:

КГН: *Закон «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» прямо запрещает вмешательство религиозных организаций и их представителей в деятельность органов госвласти и*

местного самоуправления (СКГ); *Возбуждено уголовное дело по статье «Угроза или насилие в отношении представителя власти» (БС); В Конституции говорится, что основа государства – это народ (СК);*

РСН: *Полиция усматривает в произошедшем хулиганство (213 УК РФ) (ФН); Активистов признали виновными в нарушении правил пикетирования (ч. 5 ст. 20.2 КоАП) (РБК); Группировка войск «Юг» освободила Романовку в ДНР, говорится в сводке Минобороны России (РИА).*

4.5. Ссылки на широко известные СМИ и печатные издания, а также на СМИ локального значения, с указанием названия:

КГН: *Новость тут хорошая: в эфире «Биринчи радио» (СКГ); В Бишкеке проходит военный парад. Прямой эфир можно найти на КТРК (БС); Израиль готовится к ударам по ядерным объектам Ирана, утверждает CNN (СК);*

РСН: *Rolling Stone: Издание обратило внимание на концерт музыканта в феврале, где он упал на спину в конце шоу (РИА); Süddeutsche Zeitung (Германия), Pais: Нападение с ножом в Гамбурге стало вторым за неделю в стране (РИА); Перед началом переговоров обе стороны сформулировали требования о прекращении боевых действий, которые пока плохо согласуются друг с другом (РБК); В пресс-службе Пулково «Фонтанке» сообщили, что аэропорты не обязаны предоставлять бесплатные места для курения (ФН), На фото Федор Успенский, источник РАН (РБК).*

4.6. Точные ссылки на электронные ресурсы и справочные службы (последние отмечены только в КГН):

КГН: *В приложении «Мой город» теперь можно узнать, на какую штрафстоянку отвезли эвакуированное авто (БС); По вопросам – сюда: (0312) 97-91-95 (доб. 4205) (СКГ); Если нужна инфа, звоните на номер 0555888243 (БС);*

РСН: *Согласно прогнозам «Яндекс Погоды», дождь закончится в течение часа (ФН); Об этом сообщается на сайте НХЛ (РБК).*

Второй, **репортажный**, подтип отмечался в сообщениях с указанием на источники обобщенного или обезличенного характера.

4.7. Ссылки на государственные службы в целом, без уточнения названия или территориальной принадлежности:

КГН: *Отдельные учреждения подтвердили серьезность поломки и то, что ее стараются починить (СКГ); Надзорное ведомство полагает, что ряд помещений, переданных в пользование в советский период, были приватизированы (БС); Госорганы пока не отчитались о последствиях (СК);*

РСН: *Как отмечают в нацпарке, следующие ожидаемые гости, ранее не встречавшиеся на этой территории – тритоны (ФН); Власти Чечни опровергли «чеченский след» в гибели заммэра Ставрополя, ветерана военной операции Заура Гурциева (РБК); Таблетки, которые мужчина подбросил рыси и леопарду в клетки в Московском зоопарке, были с экстрактом валерианы, сообщили в полиции (РИА).*

4.8. Отсылки к источнику обобщенного характера:

КГН: *В мэрии говорят, что повторяют за Бишкеком хотят навести порядок и улучшить санитарные условия в городе;*

РСН: *Сообщается о сбитии нового БПЛА, поражены уже три беспилотника (РИА).*

4.9. Ссылки на слова анонимных информантов, имеющих какое-либо отношение к ситуации:

КГН: *Автор видео рассказала, что уступила место женщине, а та начала стричь ногти (БС); Как говорит подписчик, на въезде в село две школы: Точка Роста и Билимкана, и частично причина в них (СКГ); Россия наступает все быстрее и быстрее, а ВСУ отступают, не в состоянии сдержать русских, заявил британский аналитик (СК);*

РСН: *Врач, пожелавший остаться анонимным, добавил, что и опытный средний медицинский персонал сегодня – на вес золота (ФН); По словам пассажира, всё произошло внезапно (ФН);*

Подозреваемый после нападения поджег дом и в результате погиб сам, утверждают следователи (РИА); Житель Сахалина рассказал РИА Новости, что тогда чувствовали и делали спасатели и добровольцы (РИА).

4.10. Ссылки на неуточненные законы и документы:

КГН: *Вроде бы как действует постановление, что детскую коляску мамы должны сложить при входе в автобус (БС); По новому распоряжению это теперь сандень (СКГ); Ряд законов, касающихся госязыка (СК);*

РСН: *Вступило в силу постановление, согласно которому курьерам и самокатчикам нельзя ездить по основным улицам города (ФН); Согласно закону, компании обязаны использовать кондиционеры на рабочих местах (РБК).*

4.11. Ссылки на неуточненные новостные каналы, СМИ, а также на интернет в целом:

КГН: *Как рассказывают знатоки (и интернет), это растение выделяет эфирные масла, которые на солнце превращаются в настоящую химическую ловушку (СКГ); В мессенджерах сообщается, что это ученики школы №96 (БС); Ранее в соцсетях предположили, что трёхбуквенный код сменится с FRU (Frunze – бывшее название Бишкека) на BSH (Bishkek) (СК);*

РСН: *В соцсетях распространяются кадры охваченных огнём зданий (РИА); Новый тренд в соцсетях – генерировать с помощью ИИ азбуку для самых маленьких (ФН); В Сети появились кадры пожара в подмосковном Красногорске (РБК).*

4.13. Ссылки на абстрактный, обезличенный или обобщенный источник:

КГН: *По неподтвержденной информации прилегли все, а виной тому экскаваторщик шлюз, который копнули на Шопокова / Чуй (СКГ); Как сообщили нам источники, в милицию обратился знакомый женщины (БС); Говорят, что девушки – не совсем девушки, а те самые... ну, вы поняли (БС);*

РСН: *По предварительной информации, техника во время пожара не пострадала (ФН); Еврокомиссии рекомендовали проработать альтернативные источники поставок удобрений, включая использование навоза (РБК).*

4.14. Отсылки к общественному мнению, общему знанию или традициям. Были зафиксированы только в КГН: *Поступок женщины в бишкекском автобусе возмутил пользователей соцсетей (БС).*

Интересно также отметить, что для КГН характерной является ситуация, когда новость о каком-либо маловажном событии сопровождается ссылкой на источник высокоавторитетного уровня, несопоставимый по значимости с темой сообщения. Вероятно, это способствует повышению рейтинга канала в глазах читателя: *В мэрии сообщили, что он [нарушитель ПДД] как раз был среди тех, кто переходит как попало (БС); Фотографии опубликовал Садыр Жапаров (действующий президент Кыргызстана) (СК).*

В табл. 5 и 6 приводятся общее число квотативных и репоративных контекстов КГН и РСН и доля таких контекстов от общего количества примеров в отдельном канале и в группе в целом.

Таким образом, сопоставляя соотношение репоративности и квотативности в обеих группах, можно заключить, что в КГН (31%), по сравнению с РСН (15%), употребляется больше отсылок к неавторитетным источникам (обобщенным, обезличенным либо неопределенным), а РСН (85%) чаще используют авторитетные ссылки, чем КГН (69%).

Аналогично были замечены различия между отдельно взятыми каналами. Кыргызстанские СМИ СКГ (67%) и БС (51%) демонстрируют меньшую частотность квотативности и больший процент репоративности (СКГ 33%, БС 49%), по сравнению с каналом СК (квотативность 35%, репоративность 15%). Российские каналы РИА (92%) и РБК (86%) проявляют тенденцию к использованию квотативности и слабо выраженную репоративность (РИА 8%, РБК 14%), в отличие от ФН (квотативность 71%, репоративность 79%).

Интересно отметить также, что кыргызский канал СК (квотативность 85%, репоративность 15%) в общем плане сближается с РСН (квотативность 85%, репоративность 15%), тогда как

российский канал ФН (квотативность 71%, репортативность 29 %) проявляет себя сходным образом с КГН в целом (квотативность 69%, репортативность 31%). Вероятно, полученные результаты также характеризуют степень официальности канала.

Можно сделать заключение, что для обеих групп ведущей является квотативная пересказывательность, однако КГН демонстрируют более выраженную тенденцию к использованию репортативной стратегии, чем РСН.

Таблица 5. Типы пересказывательности в текстах СМИ Республики Кыргызстан
Table 5. Types of renarrative evidentiality in Kyrgyzstani news

Название канала	СКГ	СК	БС	Всего КГН
Квотативность	141 (67%)	213 (85%)	104 (51%)	458 (69%)
Репортативность	70 (33%)	37 (15%)	98 (49%)	205 (31%)
Всего	211 (100%)	250 (100%)	202 (100%)	663 (100%)

Таблица 6. Типы пересказывательности в текстах российских СМИ
Table 6. Types of renarrative evidentiality in Russian news

Название канала	РИА	РБК	ФН	Всего РСН
Квотативность	236 (92%)	204 (86%)	107 (71%)	547 (85%)
Репортативность	21 (8%)	32 (14%)	43 (29%)	96 (15%)
Всего	257 (100%)	236 (100%)	150 (100%)	643 (100%)

5. Использование эпистемических маркеров в сочетании с эвиденциальностью среди примеров КГН отмечается чаще (11%), чем у РСН (3%) (табл. 7, 8). В таблицах приводятся общее число контекстов с эпистемическими маркерами и доля таких контекстов от общего числа примеров в соответствующей подгруппе.

Таблица 7. Эпистемические маркеры в текстах СМИ Республики Кыргызстан
Table 7. Epistemic markers in Kyrgyzstani news

	Название канала	СКГ	СК	БС	Всего КГН
Отношение говорящего	Прямая эвиденциальность	8 (11%)	2 (2%)	13 (15%)	23 (9%)
	Инференциальность	3 (4%)	0 (0%)	12 (19%)	15 (10%)
	Пересказывательность	11 (5%)	4 (2%)	23 (11%)	38 (6%)
	Всего	22 (6%)	6 (2%)	48 (14%)	76 (7%)
Убедительность	Прямая эвиденциальность	0 (0%)	0 (0%)	2 (2%)	2 (1%)
	Инференциальность	4 (6%)	1 (8%)	18 (28%)	23 (16%)
	Пересказывательность	5 (2%)	0 (0%)	6 (3%)	11 (2%)
	Всего	9 (3%)	1 (0,3%)	26 (7%)	36 (3%)
Всего эпистемических маркеров	Прямая эвиденциальность	8 (11%)	2 (2%)	15 (18%)	25 (10%)
	Инференциальность	7 (10%)	1 (8%)	30 (47%)	38 (26%)
	Пересказывательность	16 (8%)	4 (2%)	29 (14%)	49 (7%)
	Всего	31 (9%)	7 (2%)	74 (21%)	112 (11%)

Таблица 8. Эпистемические маркеры в текстах российских СМИ
Table 8. Epistemic markers in Russian news

	Название канала	РИА	РБК	ФН	Всего РСН
Отношение говорящего	Прямая эвиденциальность	0 (0%)	0 (0%)	14 (11%)	14 (5%)
	Инференциальность	0 (0%)	0 (0%)	8 (10%)	8 (6%)
	Пересказывательность	0 (0%)	2 (1%)	1 (1%)	3 (0,5%)
	Всего	0 (0%)	2 (1%)	23 (7%)	25 (2%)
Убедительность	Прямая эвиденциальность	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
	Инференциальность	0 (0%)	1 (4,2%)	3 (4%)	3 (4%)
	Пересказывательность	3 (1%)	0 (0%)	0 (0%)	3 (0,5%)
	Всего	3 (1%)	1 (0,3%)	3 (1%)	7 (1%)
Всего эпистемических маркеров	Прямая эвиденциальность	0 (0%)	0 (0%)	14 (11%)	14 (5%)
	Инференциальность	0 (0%)	1 (4%)	11 (14%)	12 (9%)
	Пересказывательность	3 (1%)	2 (1%)	1 (1%)	6 (1%)
	Всего	3 (1%)	3 (1%)	26 (7%)	32 (3%)

Можно отметить, что при всех типах эвиденциальности в КГН (11%) наблюдается более активное использование эпистемических маркеров по сравнению с РСН (3%). Тексты инференциальной направленности чаще других сопровождаются маркерами убедительности и эмоциональной оценки автора (КГН 26%, РСН 9%). На втором месте находятся тексты с прямой эвиденциальностью (КГН 10%, РСН 5%), наименее всего эпистемическая составляющая представлена в сообщениях от третьего лица (КГН 8%, РСН 1%). Отмечается также разница между каналами: в каналах, допускающих подачу материала в сниженном регистре, эпистемических маркеров больше, чем в каналах официального типа (БС 21%, СКГ 9%, ФН 7%). Маркеры отношения говорящего (КГН 7%, РСН 2%) в обеих группах используются чаще, чем маркеры убедительности (КГН 3%, РСН 1%), и употребляются при передаче прямой эвиденциальности, а также инференциальности, тогда как маркеры убедительности в обеих группах имеют тенденцию соотноситься в основном с инференциальностью (табл. 7, 8). Так, с помощью маркеров отношения говорящего выражается оценка ситуации с морально-этической или эмоциональной стороны: *Недомужчина избил свою жену на почве ревности. Милиция нашла 26-летнего жителя Бишкека, но пострадавшая не написала заявления* (БС); *Им будут очень не рады на дорогах с 10 утра до 8 вечера при температуре выше +28°* (СКГ); *Солнце лишилось «союзников» в порче бишкекского асфальта* (СК); *Молния попала в Лахта Центр – самое эпичное видео вечера* (ФН). Маркеры убедительности характеризуют информацию с позиции уверенности (неуверенности) автора в ее достоверности. *По словам очевидцев, грузовик протаранил две легковушки (скорее всего, откатали тормоза)* (БС); *Если всё получится, может, и очередь на границе станет чуть короче. Хотя это не точно* (СКГ); *Предположительно, на Витебской Сортировочной улице, 40 полыхает ангар* (ФН). Таким образом, использование эпистемических маркеров (что в первую очередь присутствует у каналов со сниженной степенью официальности) можно расценивать в качестве отличительной особенности выборки КГН, по сравнению с исследованной группой российских СМИ.

Заключение

Анализ материала демонстрирует употребление всех основных типов эвиденциальности (прямая эвиденциальность, инференциальность и пересказывательность) в текстах русскоязычных СМИ, созданных в условиях русско-кыргызского двуязычия. Сравнительный анализ не выявил существенных различий в составе и частотном распределении типов эвиденциальности относительно текстов, опубликованных в России.

В обеих выборках: и в кыргызстанских, и в российских текстах – основной стратегией выступает пересказывательность, на втором месте располагается прямая эвиденциальность, а наименее частотной оказывается инференциальность. Доля примеров с каждым типом эвиденциальности в обеих группах сопоставима. Сходным также является распределение подтипов прямой эвиденциальности: в обеих группах на первом месте находятся тексты, в которых новость официального характера подается без ссылки на источник, т.е. для выражения значения пересказывательности используются средства прямой эвиденциальности. На втором месте находятся тексты, сопровождаемые видео, в которых прямая эвиденциальность выражается либо имплицитно, либо эксплицитно, с маркированием авторства.

Выдвинутая гипотеза не подтвердилась в рамках исследованной выборки: анализ материала продемонстрировал, что структура кыргызского языка, в котором эвиденциальность выражается грамматически, не оказывает интерференционного влияния на выбор эвиденциальной стратегии при создании новостного текста.

Отмечаются частные различия между группами. Маркирование авторства в КГН обычно производится при помощи снижения регистра, обращения к адресату и апелляции к наблюдению; в РСН это происходит посредством референции к собственному СМИ. В сообщениях инференциального характера автор КГН делает вывод о ситуации самостоятельно, тогда как в РСН инференциальность часто сочетается с пересказывательностью: заключение о ситуации производится на основе данных, полученных от авторитетного источника, либо передается вывод о ситуации, сделанный кем-то другим. Что касается пересказывательности, то для КГН более, чем для РСН, характерна репортативность – передача информации с отсылкой на обобщенный, обезличенный либо неизвестный источник, тогда как в РСН шире спектр авторитетных источников, на которые ссылается автор. Для КГН более типично использование эпистемических маркеров убедительности и субъективного отношения говорящего к ситуации.

Таким образом, выдвинутая гипотеза не находит статистически значимого подтверждения в рамках исследованной выборки: анализ материала продемонстрировал, что предпочтительные эвиденциальные стратегии совпадают в русскоязычных текстах, созданных в монолингвальных и в билингвальных русско-кыргызских условиях, несмотря на структурно различное выражение эвиденциальности в русском и кыргызском языках. Качественные различия (в способах маркировки авторства, в сочетании инференциальности с эпистемическими маркерами или пересказывательностью, в выборе типов источников) в большей степени соотносятся не с языковой ситуацией в регионе, а с функционально-стилистическими параметрами конкретного СМИ (степень официальности, ориентация на локальную или федеральную аудиторию, жанровая специфика канала). Это свидетельствует о том, что при порождении профессионального медиатекста на русском языке дискурсивные нормы новостного жанра играют ведущую роль и преобладают над типологическими особенностями второго языка, функционирующего в регионе. Сходное распределение типов эвиденциальности, в том числе преобладание пересказывательности как базовой стратегии, демонстрирует универсальное для русскоязычного медиадискурса следование жанровым конвенциям, которые обеспечивают текстам необходимые в данной сфере коммуникации авторитетность и убедительность.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением круга жанров медиаречи и углубленным анализом прагматических функций эвиденциальных стратегий в условиях языковых контактов. Предполагается обратить внимание на устные жанры СМИ, а также привлечь для анализа медиатексты на русском языке, порожденные носителями таких тюркских языков, как казахский, узбекский, туркменский. Кроме того, перспективным представляется анализ эвиденциальных стратегий в спонтанной речи носителей тюркских языков, владеющих русским языком как иностранным или неродным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Aikhenvald A.Y.** Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004. 480 p.
2. **Постникова А.Е.** Грамматикализация и тип эвиденциальной системы // Типология морфосинтаксических параметров. 2020. Т. 3, №. 2. С. 147–165.
3. **Козинцева Н.А.** Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н.А. Козинцевой / отв. ред. В.С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 13–36.
4. **Wiemer V.** Particles, parentheticals, conjunctions and prepositions as evidentiality markers in contemporary Polish (a first exploratory study) // *Studies in Polish Linguistics*. 2006. No. 3. P. 5–67.
5. **Храковский В.С.** Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н.А. Козинцевой / отв. ред. В.С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 600–631.
6. **Астахова Т.Н.** Проявление категорий «Эвиденциальность» и «Авторитетность» в текстах немецких СМИ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 71–75.
7. **Попович Л.** Лексические и грамматические показатели эвиденциальности в сербском и других славянских языках // *The Serbian Language as Viewed by the East and the West: Synchrony, Diachrony, and Typology. Slavic Eurasian Studies*. No. 28. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, 2015. P. 219–250.
8. **Плунгян В.А.** Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 669 с.
9. **Козловский Д.В.** Классификация видов эвиденциальности в зависимости от субъекта коммуникации в пространстве современного художественного дискурса // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 3-2 (81). С. 333–337.
10. **Ницолова Р.** Взаимодействие эвиденциальности и адмиративности с категориями времени и лица глагола в болгарском языке // *Вопросы языкознания*. 2006. № 4. С. 27–45.
11. **Влахова-Руйкова Р.** Практическа граматика. Български език. Наклонение на глагола. // Университет Свети Климент Охридски. URL: <https://www.slav.uni-sofia.bg/grammar/morf31.html> (дата обращения 03.07.2025).
12. **Кобрина О.А.** Категория эвиденциальности: ее статус и формы выражения в разных языках // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2005. № 1. С. 86–98.
13. **Keinänen S.** A metalinguistic analysis of the terminology of evidential categories: experiential, conjecture or deduced? // *Folia Linguistica*. 2021. Vol. 55, No. 2. P. 547–587. DOI: 10.1515/flin-2021-2030
14. **Ферхеес С.** Определение категории эвиденциальности // *Вопросы языкознания*. 2019. № 6. С. 113–133. DOI: 10.31857/S0373658X0007549-2
15. **Marín-Arrese J.I., Carretero M., Usoniené A.** Evidentiality in English // *Evidential Marking in European Languages: Toward a Unitary Comparative Account*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2022. P. 57–94. DOI: 10.1515/9783110726077-002
16. **Каксин А.Д., Чертыкова М.Д.** К вопросу о выражении эвиденциальных значений: инферентив, цитатив и адмиратив в русском языке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2. С. 22–30. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.2.22
17. **Azpiazu S.** Evidentiality, epistemic modality and temporality in the Spanish verbal system // *Tense, aspect and discourse structure*. Berlin: De Gruyter, 2024. P. 123–149. DOI: 10.1515/97831114-53897-005
18. **Murray S.E.** Evidentiality, Modality, and Speech Acts // *Annual Review of Linguistics*. 2021. Vol. 7. P. 213–233. DOI: 10.1146/annurev-linguistics-011718-012625
19. **Leclercq P., Mélac E.** Second language acquisition of evidentiality in French and English in a narrative task // *Language, Interaction and Acquisition*. 2021. Vol. 12, Iss. 2. P. 251–283. DOI: 10.1075/lia.20025.lec
20. **Saratsli D., Papafragou A.** Pragmatic effects on semantic learnability: Insights from evidentiality // *Journal of Memory and Language*. 2023. Vol. 131. Art. no. 104426. DOI: 10.1016/j.jml.2023.104426
21. **Zhang D.** The Functions of Evidentiality in English News Corpus from the Perspective of Transitivity based on the Data Mining // 2020 International Conference on Modern Education

and Information Management (ICMEIM). Dalian: IEEE, 2020. P. 366–369. DOI: 10.1109/ICMEIM51375.2020.00090

22. **Басовец И.М.** Субъектная референция в реализации категории эвиденциальности в англо- и белорусскоязычных медиатекстах // *Terra Linguistica*. 2023. Т. 14, № 4. С. 7–24. DOI: 10.18721/JHSS.14401

23. **Coddington M., Molyneux L.** Making Sources Visible: Representation of Evidence in News Texts, 2007–2019 // *Journalism Practice*. 2021. Vol. 17, Iss. 4. P. 664–682. DOI: 10.1080/17512786.2021.1949629

24. **Postevaya E.** Evidentiality and epistemic modality in the text of mass media reportage // *Man, Society, Communication. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2020. Vol. 108. P. 284–291. DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.02.34

25. **Сивенкова Н.В.** Категория эвиденциальности в языке СМИ (на примере болгарских, английских и русских текстов из новостных источников) // *Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике*. Т. 1. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 338–342.

26. **Страхова В.С.** Маркеры эвиденциальности в языке СМИ // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2016. № 6 (745). С. 165–174.

27. **Козловский Д.В.** Категория «эвиденциальность» как средство передачи фейковой информации в англоязычном медиадискурсе // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15. № 1. С. 49–62. DOI: 10.18721/JHSS.15104

28. **Пермякова Т.Н.** Репрезентация категории эвиденциальности в современных медиатекстах // *Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования*. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2022. С. 186–189.

29. **Koivunen A., Kanner A., Janicki M., Harju A., Hokkanen J., Mäkelä E.** Emotive, evaluative, epistemic: A linguistic analysis of affectivity in news journalism. *Journalism*. 2021. Vol. 22, Iss. 5. P. 1190–1206. DOI: 10.1177/1464884920985724

30. **Zhang H.** Evidentiality in American media's coverage of China-related epidemics from the perspective of critical discourse analysis // *Journal of Contemporary Language Research*. 2023. Vol. 2, Iss. 4. P. 181–191. DOI: 10.58803/jclr.v2i4.83

31. **Падучева Е.В.** Есть ли в русском языке грамматически выраженная эвиденциальность? // *Русский язык в научном освещении*. 2013. № 2 (26). С. 9–29.

32. **Каксин А.Д.** Средства выражения эвиденциальности и митаривности в контексте дискурсивного исследования // *Коммуникативные исследования*. 2014. № 1. С. 252–259.

33. **Макарец М.М.** Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 444 с.

34. **Орузбаева Б.О.** Киргизский язык // *Языки мира: Тюркские языки* / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Индрик, 1997. С. 286–297.

35. **Дербешева З.К.** Особенности билингвизма в Кыргызстане // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2022. Т. 13, № 1. С. 144–155. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-144-155

36. **Сартбекова Н.К., Абакулов Р.А.** К вопросу о билингвизме в Кыргызстане // *Наука и инновационные технологии*. 2023. № 2 (27). С. 232–239. DOI: 10.33942/sit042327

37. **Резанова З.И., Дыбо А.В.** Отклонения от речевого стандарта в региональном варианте устной русской речи: внутриязыковое и межъязыковое взаимодействие // *Русин*. 2020. № 62. С. 144–158. DOI: 10.17223/18572685/62/8

REFERENCES

- [1] **Aikhenvald A.Y.**, Evidentiality, Oxford University Press, Oxford, 2004.
- [2] **Postnikova A.E.**, Grammaticalization and the typology of evidential systems, *Typology of Morphosyntactic Parameters*, 3 (2) (2020), 147–165.
- [3] **Kozintseva N.A.**, Tipologiya kategorii zasvidetelstvovannosti [Typology of the category of evidentiality], *Evidentsialnost v yazykakh Yevropy i Azii. Sbornik statey pamyati N.A. Kozintsevoy* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia. A collection of articles in memory of N.A. Kozintseva], ed. by V.S. Khrakovskiy, Nauka, St. Petersburg, 2007, pp. 13–36.

- [4] **Wiemer B.**, Particles, parentheticals, conjunctions and prepositions as evidentiality markers in contemporary Polish (a first exploratory study), *Studies in Polish Linguistics*, 3 (2006) 5–67.
- [5] **Khrakovskiy V.S.**, Evidentsialnost, epistemicheskaya modalnost, (ad)mirativnost [Evidentiality, epistemic modality, (ad)mirativity], *Evidentsialnost v yazykakh Yevropy i Azii. Sbornik statey pamyati N.A. Kozintsevoy* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia. A collection of articles in memory of N.A. Kozintseva], ed. by V.S. Khrakovskiy, Nauka, St. Petersburg, 2007, pp. 600–631.
- [6] **Astakhova T.N.**, Manifestations of evidentiality and authority in German mass media texts, *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”*, 1 (2014) 71–75.
- [7] **Popović L.**, Lexical and grammatical evidentiality markers in Serbian and other Slavic languages, *The Serbian Language as Viewed by the East and the West: Synchrony, Diachrony, and Typology. Slavic Eurasian Studies 28. Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, Sapporo*, 2015, pp. 219–250.
- [8] **Plungian V.A.**, Introduction to grammar semantics: Grammar meaning and grammar systems in the languages of the world, RSUH, Moscow, 2011.
- [9] **Kozlovskii D.V.**, Classifying the types of evidentiality according to the subject of communication in the space of modern artistic discourse, *Philology. Theory & Practice*, 3-2 (81) (2018) 333–337.
- [10] **Nitsolova R.**, Interaction of evidentiality and admirativity with categories of verbal tense and person in Bulgarian, *Voprosy Jazykoznanija (“Topics in the Study of Language”)*, 4 (2006) 27–45.
- [11] **Vlakhova-Ruikova P.**, Practical grammar. Bulgarian language, University “St. Kliment Ohridski”. Available at: <https://www.slav.uni-sofia.bg/grammar/morf31.html> (accessed 03.07.2025).
- [12] **Kobrina O.A.**, Category of Evidentiality: its status and forms of expression, *Issues of Cognitive Linguistics (Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki in Russian)*, 1 (2005) 86–98.
- [13] **Keinänen S.**, A metalinguistic analysis of the terminology of evidential categories: experiential, conjecture or deduced?, *Folia Linguistica*, 55 (2) (2021) 547–587. DOI: 10.1515/flin-2021-2030
- [14] **Verhees S.**, Defining evidentiality, *Voprosy Jazykoznanija (“Topics in the Study of Language”)*, 6 (2019) 113–133. DOI: 10.31857/S0373658X0007549-2
- [15] **Marín-Arrese J.I., Carretero M., Usonienè A.**, Evidentiality in English, *Evidential Marking in European Languages: Toward a Unitary Comparative Account*, De Gruyter Mouton, Berlin, Boston, 2022, pp. 57–94. DOI: 10.1515/9783110726077-002
- [16] **Kaksin A.D., Chertykova M.D.**, On expressing evidential meanings: inference, citation and mirative in the Russian language, *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”*, 2 (2019) 22–30. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.2.22
- [17] **Azpiazu S.**, Evidentiality, epistemic modality and temporality in the Spanish verbal system, Tense, aspect and discourse structure, *De Gruyter*, Berlin, 2024, pp. 123–149. DOI: 10.1515/97-83111453897-005
- [18] **Murray S.E.**, Evidentiality, Modality, and Speech Acts, *Annual Review of Linguistics*, 7 (2021) 213–233. DOI: 10.1146/annurev-linguistics-011718-012625
- [19] **Leclercq P., Mélac E.**, Second language acquisition of evidentiality in French and English in a narrative task, *Language, Interaction and Acquisition*, 12 (2) (2021) 251–283. DOI: 10.1075/lia.20025.lec
- [20] **Saratsli D., Papafragou A.**, Pragmatic effects on semantic learnability: Insights from evidentiality, *Journal of Memory and Language*, 131 (2023) 104426. DOI: 10.1016/j.jml.2023.104426
- [21] **Zhang D.**, The Functions of Evidentiality in English News Corpus from the Perspective of Transitivity based on the Data Mining, *2020 International Conference on Modern Education and Information Management (ICMEIM)*, IEEE, Dalian, 2020, pp. 366–369. DOI: 10.1109/ICMEIM-51375.2020.00090
- [22] **Basovets I.M.**, Subject reference expressing evidentiality in English and Belarusian media texts, *Terra Linguistica*, 14 (4) (2023) 7–24. DOI: 10.18721/JHSS.14401
- [23] **Coddington M., Molyneux L.**, Making Sources Visible: Representation of Evidence in News Texts, 2007–2019, *Journalism Practice*, 17 (4) (2021) 664–682. DOI: 10.1080/17512786.2021.1949629
- [24] **Postevaya E.**, Evidentiality and epistemic modality in the text of mass media reportage, *Man, Society, Communication. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 108 (2020) 284–291. DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.02.34

[25] **Sivenkova N.V.**, The category of evidentiality in the mass media language – evidence from Bulgarian, English and Russian news sources, *Magiya INNO: novyye izmereniya v lingvistike i lingvodidaktike* [Magia INNO: new dimensions in linguistics and linguodidactics], vol. 1, MGIMO-University, Moscow, 2017, pp. 338–342.

[26] **Strakhova V.S.**, Evidential markers in the language of mass media, *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities* 6 (745) (2016) 165–174.

[27] **Kozlovsky D.V.**, The category of “evidentiality” as a means of transmitting fake information in the English-language media discourse, *Terra Linguistica*, 15 (1) (2024) 49–62. DOI: 10.18721/JHSS.15104

[28] **Permiakova T.N.**, *Reprezentatsiia kategorii evidentsial'nosti v sovremennykh mediatekstakh* [Representation of the category of evidentiality in modern mass media texts], *Vektory razvitiia rusistiki i lingvodidaktiki v kontekste sovremennogo filologicheskogo obrazovaniia* [Vectors of development of Russian language studies and language teaching in the context of modern philological education], Astrakhan State University, Astrakhan, 2022, pp. 186–189.

[29] **Koivunen A., Kanner A., Janicki M., Harju A., Hokkanen J., Mäkelä E.**, Emotive, evaluative, epistemic: A linguistic analysis of affectivity in news journalism, *Journalism*, 22 (5) (2021) 1190–1206. DOI: 10.1177/1464884920985724

[30] **Zhang H.**, Evidentiality in American media’s coverage of China-related epidemics from the perspective of critical discourse analysis, *Journal of Contemporary Language Research*, 2 (4) (2023) 181–191. DOI: 10.58803/jclr.v2i4.83

[31] **Paducheva Ye.V.**, Is there grammatically expressed evidentiality in Russian?, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (26) (2013) 9–29.

[32] **Kaksin A.D.**, Means of expressing an evidentiality and mirative in a context of a discourse research, *Communication Studies*, 1 (2014) 252–259.

[33] **Makartsev M.M.**, *Evidentsialnost v prostranstve balkanskogo teksta* [Evidentiality within the Balkan text space], Nestor-Istoria, Moscow, St. Petersburg, 2014.

[34] **Oruzbaeva B.O.**, *Kirgizskii iazyk* [Kyrgyz language], *Iazyki mira: Tiurkskie iazyki* [Languages of the world: Turkic languages], ed.-in-chief E.R. Tenishev, Indrik, Moscow, 1997, pp. 286–297.

[35] **Derbisheva Z.K.**, Language Contacts in the Field of Bilingualism in Kyrgyzstan, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13 (1) (2022) 144–155. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-144-155

[36] **Sartbekova N.K., Abakulov R.A.**, To the issue of bilinguism in Kyrgyzstan, *Science and Innovative Technologies*, 2 (27) (2023) 232–239. DOI: 10.33942/sit042327

[37] **Rezanova Z.I., Dybo A.V.**, Deviations from the speech standard in the regional version of oral Russian speech: Intralingual and interlingual interactions, *Rusin*, 62 (2020) 144–158. DOI: 10.17223/18572685/62/8

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Краснощекова Софья Викторовна

Sofia V. Krasnoshchekova

E-mail: krasnoshchekova_sv@iling.spb.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8830-5121>

Галкина Елена Владимировна

Elena V. Galkina

E-mail: dinomama@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5041-2498>

Поступила: 18.07.2025; Одобрена: 17.09.2025; Принята: 29.01.2026.

Submitted: 18.07.2025; Approved: 17.09.2025; Accepted: 29.01.2026.

Научная статья

УДК 811.11-112

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17103>

EDN: <https://elibrary/OQWNWC>

ДИНАМИКА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М.А. Чигашева , Е.Д. Кузнецова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

 mchigasheva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается функционирование англоязычных заимствований в индивидуальном дискурсе политических деятелей современной Германии, представляющих разные партии. В условиях доминирования транснациональных политических идей англицизмы трансформируются в значимый маркер политического автопортрета. Авторы исходят из положения, что их использование является осознанной стратегией стилизации профессиональной коммуникации и формирования гибридной идентичности политического актора. Эмпирическую базу исследования формирует текст предвыборных книг Аннелены Бербок («Союз 90/Зеленые») и Сары Вагенкнехт («Левая партия»), опубликованных в период предвыборной кампании в бундестаг XX созыва (2021 г.). Методология исследования интегрирует количественные методы корпусной лингвистики и качественный дискурс-анализ, позволяющий эксплицировать скрытые идеологические установки. Представлена авторская классификация англицизмов, включающая пять функционально-семантических групп: терминологические обоснованные, концептуальные, стилистические, ложные англицизмы и цитатные заимствования. В ходе исследования выявлены преобладание в дискурсе обоих политиков терминологически обоснованных заимствований (по количеству единиц и их словоупотреблений) и минимальная доля ложных и цитатных заимствований (не выше 1,5%). Концептуальные англицизмы представлены одинаково по количеству употреблений (19%), но отличаются по количеству единиц (27% у А. Бербок и 16% у С. Вагенкнехт.) В дискурсе А. Бербок также преобладают стилистические англицизмы (23%), в отличие от дискурса С. Вагенкнехт (8%). Результаты исследования демонстрируют, что, несмотря на различную партийную принадлежность и идеологическую ориентацию, оба политика активно прибегают к англоязычным обозначениям для восполнения терминологических лагун. Вместе с тем индивидуальный опыт оказывает детерминирующее влияние на частотность и функциональную нагрузку заимствований. Анализ подтвердил, что англицизмы служат инструментом самопрезентации, выступая индикатором прогрессивности или приверженности конкретным идеологическим течениям. В заключение намечаются перспективы дальнейшего расширения исследования за счет привлечения большего объема текстов представителей различных политических спектров Германии.

Ключевые слова: индивидуальный политический дискурс, немецкий язык, англицизмы, политический автопортрет, семантика.

Для цитирования: Чигашева М.А., Кузнецова Е.Д. Динамика англоязычных заимствований в политическом дискурсе Германии: функционально-семантический аспект // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 1. С. 43–59. DOI: 10.18721/JHSS.17103

DYNAMICS OF ENGLISH BORROWINGS IN GERMAN POLITICAL DISCOURSE: FUNCTIONAL AND SEMANTIC ASPECT

M.A. Chigasheva , E.D. Kuznetsova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 mchigasheva@mail.ru

Abstract. This paper examines the functioning of English borrowings in the individual discourse of leading German politicians representing different parties. Within the context of dominant transnational political ideas, English borrowings serve as a significant marker of political self-portrayal. The authors proceed from the premise that their use constitutes a deliberate strategy for stylizing professional communication and shaping the hybrid identity of a political actor. The empirical basis of the study is formed by the pre-election books written by Annalena Baerbock (Alliance 90/The Greens) and Sahra Wagenknecht (The Left Party), published during the campaign for the 20th Bundestag (2021). The research methodology integrates quantitative methods of corpus linguistics and qualitative discourse analysis, which allows for the explication of hidden ideological attitudes. The authors present an original classification of English borrowings, comprising five functional and semantic groups: terminologically motivated borrowings, conceptual borrowings, stylistic borrowings, pseudo-borrowings, and quotation borrowings. The study reveals a predominance of terminologically motivated borrowings (in terms of the units' number and their usage frequency) in the discourse of both politicians, and a minimal proportion of pseudo-borrowings and quotation borrowings (no more than 1,5 %). The frequency of conceptual borrowings is consistent across both politicians' discourse (19 %). However, their lexical diversity differs: they account for 27 % of the unique borrowings used by A. Baerbock, compared to 16 % for S. Wagenknecht. Stylistic borrowings are far more prevalent in A. Baerbock's discourse (23 %) as opposed to S. Wagenknecht's, where they constitute only 8 %. The results demonstrate that, despite differing party affiliations and ideological orientations, both politicians actively employ English-language borrowings to fill terminological gaps. At the same time, individual experience exerts a determining influence on the frequency and functional load of the borrowings. The analysis confirms that English borrowings serve as a tool for self-presentation, acting as indicators of commitment to progressive values or allegiance to specific ideological movements. In conclusion, the paper outlines prospects for further research by incorporating a larger texts' volume from representatives of various political spectra in Germany.

Keywords: individual political discourse, German language, English borrowings, political self-portrait, semantics.

Citation: Chigasheva M.A., Kuznetsova E.D., Dynamics of English Borrowings in German Political Discourse: Functional and Semantic Aspect, *Terra Linguistica*, 17 (1) (2026) 43–59. DOI: 10.18721/JHSS.17103

Введение

Глобальная роль английского языка в современном мире оказывает значительное влияние на национальные языки, прежде всего благодаря его высокому коммуникативному рангу. Самая известная концепция, отражающая эту роль и это влияние, обозначается в лингвистике как English as a Lingua Franca (ELF), то есть концепция языка-посредника или лингва франка. Она предполагает «использование английского языка в межкультурном контексте» [1, с. 19] и определяет его функциональную сущность. Максимально наглядным влияние английского языка остается на лексическом уровне. В некоторых работах отмечается, что речь идет при этом, как правило, о формальном заимствовании, без изменения звукобуквенной формы лексической единицы, поскольку иностранные слова не приводят к нарушению коммуникации в ином языковом сообществе [2]. Данное утверждение, однако, релевантно не во всех случаях. Наибольшее

количество англо-американизмов фиксируется в интернет-дискурсе¹ и в профессиональных сферах, прежде всего там, где США и Великобритания имеют приоритет в инновационных разработках, например в IT-технологиях или экономике [3]. Подчеркнем также, что довольно интенсивно англо-американизмы проникают в медийный и политический дискурсы. На это обращал внимание еще в 1973 г. федеральный президент Густав Хайнеман². Это отмечается и сегодня в работах немецких исследователей [4]. На засилье англоязычных заимствований, в том числе в политике, сетуют даже журналисты³.

В данной работе под англицизмами понимаются лексические или синтаксические единицы (слова, словосочетания, фразовые единства, предложения), имеющие орфографические, фонетические, морфологические и семантические признаки заимствования из английского языка независимо от его национального варианта. Сюда мы также относим номинации англоязычного дискурса, этимологически восходящие к латинизмам или галлицизмам, гибридные формы и единицы, созданные на основе английских корней или по словообразовательной модели английского языка. Часть речи и степень ассимиляции заимствованных единиц в нашем случае имеют второстепенное значение.

Зарубежные авторы говорят сегодня об ‘англизации’ (Anglisierung) немецкого языка, отмечая, что чаще всего англоязычные заимствования употребляются в медийном дискурсе [5]. К интересным результатам в ходе эмпирического исследования на материале статей газеты *Die Welt* (1994–2004 гг.) приходит С. Бурмасова. В своей монографии она отмечает, что большая часть заимствований приходит из сферы «политика» и максимальное их количество также фиксируется в этой области, наряду со сферой «экономика». За десятилетний период, по данным исследователя, их количество увеличилось в 1,8 раз [6, с. 223–224]. Долю англицизмов в материале трех австрийских онлайн-изданий *Wiener Zeitung*, *Der Standard*, *Heute* выявляла М. Радтке. В первых двух источниках основное внимание уделяется политической тематике, но доля выявленных автором англицизмов в них оказывается менее значительной (0,5%), чем в издании *Heute* (1,5%), где публикуются материалы о женщинах и актуальных тенденциях образа жизни современного человека [7, с. 107]. В фокусе исследования Р. Борша находится употребление англоязычных заимствований немецкими политиками. При этом автор отмечает недостаточное количество работ на эту тему и потребность в классификации такого лексического феномена как англицизмы на основе эмпирических данных [8, с. 116–118]. Вина за чрезмерное распространение англицизмов в немецком языке возлагается, по мнению Ф. Пфальцграфа, преимущественно на акторов, занимающих лидирующие позиции в экономике и политике [5, с. 299].

Англо-американизмы политического дискурса рассматриваются с разных позиций и на материале разных языков. Так, Ч. Юйцян считает, что в русском языке они проходят практически полную ассимиляцию, приводя в качестве аргумента их словообразовательные возможности и градацию их словообразовательного потенциала [9]. На разную степень адаптации англицизмов в лингвопрагматическом аспекте указывают также В.А. Каменева и Н.В. Рабкина. На примере индивидуального политического дискурса Д.А. Медведева авторы выделяют ряд функций таких заимствований: номинация актуальных понятий глобальной экономической и политической коммуникации; языковая экономия; создание имиджа современного политика;

¹ Горбунова И.В. Функционально-стратегический потенциал англицизмов в интернет-дискурсе: специальность 10.02.19 «Теория языка»: дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011. 183 с.; Букина Л.М. Функционально-семантические и структурные особенности англоязычных заимствований во французском Интернет-дискурсе: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: дисс. ... канд. филол. наук. Коломна, 2019. 209 с.

² Heinemann G.W. Pflege der deutschen Sprache. URL: <https://jochenteuffel.com/wp-content/uploads/2022/01/heinemann-pflege-der-deutschen-sprache.pdf> (дата обращения: 07.03.2026).

³ Anglizismen im Wahlkampf // *Die Welt*. URL: <https://www.welt.de/kultur/medien/plus255405112/Anglizismen-im-Wahlkampf-Wie-die-deutsche-Sprache-ihre-Definitionshoheit-verliert.html> (дата обращения: 12.02.2026); Schindler S.-S. Schenkt der deutschen Sprache mehr Liebe! // *Corrigenda*. URL: <https://www.corrigenda.online/kultur/sprachverfall-schenkt-der-deutschen-sprache-mehr-liebe> (дата обращения: 12.02.2026).

нейтрализация (эвфемизация) закрепившихся негативных коннотаций слов родного языка; функция пароля и идеологическая [10, с. 37]. Почти к таким же выводам, на материале русского и чешского языков, приходит Е.А. Рычева [11]. Функциональный аспект англицизмов в российском политическом дискурсе заявлен в исследовании Е.М. Ручкиной, Е.Е. Беловой и А.А. Карпенко, однако авторы фокусируют внимание на этапах адаптации заимствованной лексики и ее стилистической коннотации – позитивной или негативной [12]. Анализируя функции англоамериканизмов в итальянском языке, О.А. Погорецкая выделяет два противоположных вектора коммуникативной обоснованности заимствований: оправданность/неоправданность [13]. Данная позиция совпадает отчасти с рассуждениями Р. Борша, который с прагматической точки зрения предлагает различать две категории: *vermeidbare Anglizismen* (избыточные) и *unvermeidbare Anglizismen* (необходимые) [8, с. 119–126].

По мнению Р.А. Винника, политические англицизмы являются наиболее емкими носителями ценностных ориентиров и идеологических установок. Они не просто именуют новые явления и понятия, но и транслируют специфические мировоззренческие рамки, сформированные в англоязычном дискурсе. Разделяем точку зрения автора, что каждое заимствование в политической сфере потенциально несет в себе идеологический контекст, культурный и исторический «шлейф» англоязычного дискурса [14, с. 3933].

Согласно концепции культурных трансферов М. Эспаня и М. Вернера, любой культурный объект, включая слово или идею, при переходе из одной среды в другую не просто копируется, а подвергается реинтерпретации, семантической трансформации и функциональной адаптации [15]. Заимствование рассматривается как сложный процесс «культурного перевода», в результате которого элемент, подвергаемый трансферу, встраивается в новую систему, изменяя ее, что позволяет сместить фокус с причин заимствования на процесс адаптации, отчуждения или сохранения «культурного шлейфа» в новом контексте, а также трансформации принимающего языка и культуры [16]. В соответствии с данной концепцией англицизмы в немецком политическом дискурсе представляют собой не просто иноязычные лексические единицы, а «упакованный» результат межъязыкового и межкультурного трансфера. Они импортируют в немецкий контекст целый пласт идеологических представлений англосаксонского мира.

Для понимания смысла сложных коммуникативных ситуаций, к которым по праву относится политический дискурс, только лингвистическое знание оказывается малоинформативным, в дискурсивных исследованиях объем экстралингвистических параметров расширяется и лингвистический анализ приобретает прагматический характер [17, с. 85–86]. Предполагаем, что, употребляя англицизмы в своей речи, устной или письменной, политик сигнализирует в том числе о своей приверженности к определенной модели политической культуры.

Немецкий исследователь и критик П. Литтгер также считает, что заимствования не ограничиваются отдельными лексемами, они включают целые культурные коды, присоединяющие определенные социальные группы в Германии к доминирующему англо-американскому культурному пространству. Он проводит параллель с гибридным двигателем (*hybrider Antrieb*), питающимся из нескольких источников, что подчеркивает статус профессионального дискурса немецкого политика как гибридной системы, черпающей политическое вдохновение из автохтонных немецких и глобальных англизированных ресурсов [18].

Массовые заимствования из английского языка вызывают обеспокоенность немецких лингвистов. В Германии нет государственного органа, который бы ограничивал или регулировал употребление англицизмов в общественно-политической сфере, устанавливал бы их количественные нормы, как и нет единого критерия, закрепленного в нормативных документах, в отличие, например, от Швейцарии, где в 2020 г. ведомство канцлера выпустило рекомендации по употреблению англицизмов в текстах органов власти (но отметим, что они довольно размыты и

носят общий характер⁴). За чистоту немецкого языка в Германии выступают общественные объединения филологов. Самым известным является Общество немецкого языка (*Verein Deutsche Sprache*), хотя некоторые исследователи обвиняют его представителей в субъективности и необоснованной критике употребления англицизмов [19]. Несмотря на отсутствие в Германии нормативных ограничений на использование англицизмов, в академическом дискурсе широко обсуждается их реальный удельный вес. Так, ученый-лингвист П. Айзенберг, опираясь на лексикографические данные, указывает, что доля англицизмов в лексиконе, не представляющая реальной угрозы суверенитету немецкого языка, не должна превышать 3,5–4%⁵. На наш взгляд, подобный «порог допустимости» можно применять в отношении отдельных монологических высказываний политиков (выступлений, книг, интервью и др.).

В упомянутых научных публикациях англицизмы не рассматриваются с позиции дискурса политического актора во взаимосвязи семантики и их функций, что определяет новизну проведенного исследования.

Цель данной работы заключается в выявлении и систематизации основных групп англицизмов немецкоязычного политического дискурса в соответствии с их семантическим содержанием и функциональной направленностью, что продолжает начатые ранее исследования [20]. Материалом для анализа был выбран индивидуальный политический дискурс Анналены Бербок («Союз 90/Зеленые») и Сары Вагенкнехт (в то время – «Левая партия»). По данным разных источников, в период кампании по выборам в бундестаг 2021 г., они входили в число десяти самых популярных политиков Германии⁶. В этом же году вышли их книги, представляющие собой предвыборные программы: “Jetzt. Wie wir unser Land erneuern” (А. Бербок) и “Die Selbstgerechten” (С. Вагенкнехт). Данные политики имеют разный профессиональный опыт, а также разную, порой противоположную политическую направленность.

Анналена Бербок, уроженка Западной Германии (Ганновер), представляет собой типаж наиболее западно-ориентированного современного политика с богатым международным опытом. В школьные годы она училась по обмену в США, затем получала высшее образование в Великобритании в Лондонской школе экономики и политических наук, проходила стажировку в Британском институте международного публичного и сравнительного права, что оказало непосредственное влияние на формирование ее политической идентичности. На различных этапах своей карьеры она входила в рабочую группу «Европа» партии «Союз 90/Зеленые», занималась разработкой внешнеполитического направления, находилась в составе правления Европейской партии «Зеленые», принимала участие в программе «Молодые глобальные лидеры» (Young Global Leaders) и в работе Союза европейских федералистов (Union of European Federalists)⁷. Отметим, что вскоре после выхода ее книги австрийский специалист по авторскому праву Штефан Вебер обвинил автора в плагиате, так как были выявлены многочисленные фрагменты текста, заимствованные из других источников без указания авторства⁸, что негативно сказалось как на рейтинге партии, так и на авторитете самой А. Бербок в партийно-политическом ландшафте Германии.

Сара Вагенкнехт родилась в Восточной Германии (Йена) и, напротив, известна своей про-российской позицией и поддержкой антикапиталистического движения. Ее мировоззрение

⁴ Empfehlungen für den Umgang mit Anglizismen in deutschsprachigen Texten des Bundes // Schweizerische Eidgenossenschaft. URL: <https://www.bk.admin.ch/bk/de/home/dokumentation/sprachen/hilfsmittel-textredaktion/empfehlungen.html> (дата обращения: 12.02.2026).

⁵ Eisenberg P. Anglizismen im Deutschen // Reichtum und Armut der deutschen Sprache: Erster Bericht zur Lage der deutschen Sprache / hrsg. von Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung. Berlin; Boston: De Gruyter, 2013. S. 57–119.

⁶ Zustimmungswerte Spitzenpolitiker // Ilium. URL: <https://ilium.de/zustimmung/politiker> (дата обращения: 07.02.2026); Politbarometer 2021 // Forschungsgruppe Wahlen. URL: https://www.forschungsgruppe.de/Umfragen/Politbarometer/Archiv/Politbarometer_2021/ (дата обращения: 07.02.2026)

⁷ Abgeordnete Annalena Baerbock // Deutscher Bundestag. URL: https://www.bundestag.de/webarchiv/abgeordnete/biografien19/B/baerbock_annalena-518092 (дата обращения: 05.05.2025).

⁸ Matthias M. Bericht: Annalena Baerbock hat bei ihrem Buch 100-mal abgekupfert // Ostfriesen Zeitung. URL: <https://www.oz-online.de/artikel/1076730/Bericht-Annalena-Baerbock-hat-bei-ihrem-Buch-100-mal-abgekupfert> (дата обращения: 08.02.2026).

формировалось под влиянием общественно-политической жизни в ГДР, а также личных обстоятельств: еще в школе она была своего рода аутсайдером, что закалило ее характер. Затем она изучала философию и немецкую литературу в Йене, Берлине, а также в Университете Гронингена (Rijksuniversiteit Groningen, Нидерланды). Позже защитила диссертацию и получила степень доктора экономики⁹. Свою политическую карьеру она начала в рядах Партии демократического социализма (ПДС), правопреемнице СЕПГ (Социалистическая единая партия Германии), правящей партии ГДР, и не изменяла этому политическому спектру на протяжении всего периода своей политической деятельности. Сегодня, по мнению политологов, она является одним из самых ярких и вместе с тем весьма неоднозначных политиков современной Германии [21].

В работе также выдвигается гипотеза о том, что частотность употребления англицизмов в индивидуальном политическом дискурсе А. Бербок и С. Вагенкнехт не столько детерминирована их формальной партийной принадлежностью, сколько связана с их личной идеологической ориентацией. Предполагается, что А. Бербок чаще прибегает к англицизмам ввиду ярко выраженной глобалистской направленности ее персональной политической стратегии, в то время как С. Вагенкнехт более ориентирована на национальный контекст, что не характерно для современного леволиберального блока, тяготеющего к западным нарративам. Тем самым полученные результаты можно рассматривать как один из критериев оценки национальной vs. гибридной идентичности политического актора.

По данным исследовательской группы Гогенгеймского университета (Universität Hohenheim, Штутгарт), анализирующей программы политических партий по шкале понятности (Verständlichkeitsindex), одним из препятствий, осложняющих понимание, является употребление заимствованных слов, прежде всего англицизмов¹⁰. В программах обеих партий 2021 г. было отмечено незначительное количество англо-американизмов, а в 2025 г. исследователи выделили этот критерий отдельно¹¹, возможно, по причине увеличения их доли и влияния на понимание текста. Внимание к англо-американизмам не только с научной, но и с прагматической точки зрения подтверждает их важную роль в современном политическом дискурсе и требует разностороннего анализа.

Методология и методика исследования

Методологическую основу исследования составляет качественный и количественный контент-анализ в корпус-менеджере AntConc, а также дискурс-анализ, позволяющий выявить идеологические и социальные импликации языкового выбора. Материалом для анализа послужили авторские книги А. Бербок “Jetzt. Wie wir unser Land erneuern”¹² («Сейчас. Как мы обновим нашу страну») и С. Вагенкнехт “Die Selbstgerechten”¹³ (Самодовольные), изданные в 2021 г., в период предвыборной кампании в бундестаг XX созыва. В то время С. Вагенкнехт представляла «Левую партию», а А. Бербок – «Союз 90/Зеленые». Объемы проанализированных текстов отличаются, статистические данные представлены в табл. 1.

Объем книги С. Вагенкнехт на 46 % больше объема книги А. Бербок, что, однако, не является препятствием для цели данного исследования.

На следующем этапе с привлечением метода сплошной выборки из обоих текстов были отобраны единицы, представляющие собой англо-американизмы. Эти данные отражены в табл. 2.

⁹ Abgeordnete Dr. Sahra Wagenknecht // Deutscher Bundestag. URL: https://www.bundestag.de/webarchiv/abgeordnete/biografien20/W/wagenknecht_sahra-858202 (дата обращения: 07.02.2026).

¹⁰ Brettschneider F., Thoms C. Bundestagswahl 2021: Wahlprogramme im Vergleich // Universität Hohenheim. URL: https://komm.uni-hohenheim.de/fileadmin/einrichtungen/komm/PDFs/Komm/Bundestagswahl_2021/Wahlprogramm-Check_2021_Bundestagswahl.pdf (дата обращения: 07.02.2026).

¹¹ Brettschneider F., Thoms C. Bundestagswahl 2025: Wahlprogramme im Vergleich // Universität Hohenheim. URL: https://komm.uni-hohenheim.de/fileadmin/einrichtungen/komm/PDFs/Komm/Wahlprogramm-Check/Wahlprogramm-Check_BTW_2025.pdf (дата обращения: 07.02.2026 г.)

¹² Baerbock A. Jetzt. Wie wir unser Land erneuern. Berlin: Ullstein, 2021. 240 S.

¹³ Wagenknecht S. Die Selbstgerechten. Meine Gegenprogramm – für Gemeinnut und Zusammenhalt. Frankfurt; New York. Campus Verlag, 2021. 345 S.

Таблица 1. Объем проанализированных текстов
Table 1. Text Corpus Size

Критерий \ Книга	Jetzt. Wie wir unser Land erneuern	Die Selbstgerechten
Количество страниц	240	390
Количество слов	45 748	99 260

Таблица 2. Количество выявленных заимствований
Table 2. Number of Identified Borrowings

Критерий \ Книга	Jetzt. Wie wir unser Land erneuern	Die Selbstgerechten
Количество единиц	165	205
Количество словоупотреблений	356	883
Доля от общего объема книги	0,78%	0,89%
Нормированное количество заимствований на 1000 слов	7,8	8,9

В выборку включались существительные (они составляют значительную часть корпуса), прилагательные и глаголы (их значительно меньше), а также цитатные заимствования в виде словосочетаний, фразовых единств и предложений. Уточнение заимствованного характера или пути заимствования, а также значения выявленных единиц производилось при помощи онлайн-корпуса современного немецкого языка *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS)*, что позволило исключить ряд единиц, совпадающих по графическому оформлению с англоязычным словом, например *just*, *simpel*. Как следует из табл. 2, доля англицизмов в книге А. Бербок составляет в среднем 1:128 – одно английское слово приходится на 128 немецких слов. В книге С. Вагенкнехт наблюдается иное соотношение – 1:111, то есть на 111 немецких слов приходится 1 заимствование. Отметим, что в обоих случаях доля англицизмов не превышает 1%, что в целом соответствует неофициальным рекомендациям лингвистов.

На основе контекстуального анализа были выделены пять групп англицизмов, с учетом их семантики и функционального предназначения: 1) терминологически обоснованные англицизмы, 2) концептуальные англицизмы, 3) стилистические англицизмы, 4) цитатные заимствования, 5) ложные англицизмы или псевдоанглицизмы. Ключевым критерием дифференциации выступает наличие/отсутствие в немецком языке синонима, имеющего расхождение в объеме значений, стилистической окраске или сфере употребления. При анализе использовался сопоставительный метод на базе данных толковых словарей современного немецкого¹⁴ и английского языков¹⁵, что позволило выстроить классификацию, учитывающую как содержательные, так и прагматические параметры заимствованных единиц.

Результаты исследования

Проведенный анализ выявленных заимствований позволяет утверждать, что они не являются однородными как по своей семантике, так и по своим функциям. Предлагаем выделить следующие группы англицизмов, представляя их в порядке значимости для политического дискурса.

¹⁴ Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 01.02.2026).

¹⁵ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 20.02.2026); Oxford Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 20.02.2026).

В первую группу, по нашему мнению, относятся **терминологически обоснованные англицизмы**. Они соответствуют принципам лексической лакунарности, семантической точности или дифференциации и являются релевантными как для языка-источника, так и для принимающего языка. Их функциональная нагрузка заключается в номинации нового явления, для которого отсутствует обозначение в принимающей культуре (*die Software, digital, das/der Burn-out, die Patchwork-Beziehungen, der Hedgefonds, das Know-how*), а также в уточнении понятия и сужении его семантики. Так, например, единица с англоязычным компонентом *der Premierminister/die Premierministerin* в политическом дискурсе относится к зарубежным политикам и не употребляется по отношению к немецким. Подтверждается это примерами из анализируемых книг: “Die ersten Matadore der neuen politischen Agenda, die auf den Abbau sozialer Sicherheit und die Entfesselung von Gewinnstreben und Finanzmärkten zielte, waren die 1979 ins Amt gekommene britische Premierministerin Margaret Thatcher und der ab 1981 regierende US-Präsident Ronald Reagan” (Wagenknecht, с. 98) – “Als Trudeau 2015 Premierminister von Kanada wurde, bildete er ein Kabinett, in dem die gesamte Vielfalt des Landes vertreten war” (Baerbock, с. 60). В этом случае заимствование позволяет сфокусировать внимание на ситуации, типичной для иного языкового общества, сделать акцент на определенной тематической соотнесенности. Или англицизм *der Job*, обозначающий не работу вообще, а ту, которая приносит заработок и ограничена по времени. В отдельных случаях заимствованное слово выступает в том числе средством языковой экономии, например *die Talkshow* вместо “*Unterhaltungssendung, in der ein Gesprächsleiter (bekannte) Personen durch Fragen zu Äußerungen über private, berufliche und allgemein interessierende Dinge anregt*”¹⁶ или *die Lobby* вместо “*Interessengruppe, die durch Beeinflussung von Politikern ihre Interessen auf politischer Ebene durchzusetzen beabsichtigt*”¹⁷.

Подобные заимствования свидетельствуют о том, что наибольшей подвижностью отличается лексика, обозначающая понятия и реалии, характерные для нескольких общественных систем. При интенсификации международных контактов эти понятия, а вместе с ними и новые обозначения заимствуют другие языки и культуры. Лексическая система, несмотря на всю свою гибкость и мобильность, не успевает реагировать на происходящие процессы, и в обиходе иного языкового сообщества появляются иностранные термины. Признаком определенной степени адаптации заимствованных единиц в принимающем языке является их словообразовательный потенциал, например: *der Marketing-Trick, die Marketingstrategie, die Marketingfachleute; die Überwachungssoftware, der Softwareanbieter, die Spionagesoftware, der Softwareprogrammierer; der Job, jobben; Twitter, twitternd, twittern, die Twittergemeinde*. Вместе с тем наблюдается отсутствие единой орфографической нормы, что свидетельствует о неустоявшемся узусе. Так в нашем материале мы выявили параллельное упоминание следующих форм: *Online-Händler* и *Onlinehandel, Fracking-Gas* и *Frackinggas, Top-Manager* и *Topmanager, der Klick* (у А. Бербок) и *der Click* (у С. Вагенкнехт). С одной стороны, это может быть следствием отчасти форсированного характера инкорпорации заимствований в немецкий язык, с другой – спецификой индивидуального дискурса политического актора.

В первую группу мы также относим уже интегрированные в немецкий язык англицизмы, такие как *das Team, das Ticket, das Baby, der Fan, das Training, der Manager, der Spray, das Tablet, das Display, das Match, der Chat* и др. Их употребление можно считать вполне оправданным, так как они соответствуют принципам восполнения лексической лакуны или семантической точности.

Терминологически обоснованных заимствований в современном немецкоязычном политическом дискурсе, в том числе индивидуальном, по нашему мнению, может быть большинство, поскольку политика как сфера деятельности существует не изолированно, а отличается интердискурсивным характером, что отражается в использовании специфических понятий смежных

¹⁶ Talkshow, die // Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Talkshow> (дата обращения: 15.02.2026).

¹⁷ Lobby, die // Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Lobby> (дата обращения: 15.02.2026).

областей (технологии, экономика, культура и др.). Кроме того, именно эта группа, заполняя лакуны, является свидетельством глобального/единого дискурсивного пространства любой профессиональной сферы деятельности.

Вторую группу составляют **концептуальные англицизмы**. Они также имеют важное значение для политического дискурса, так как несут в себе пласт идеологических коннотаций иного лингвокультурного общества. Эти заимствования обозначают понятия, тесно связанные с определенными идеологическими, политическими или экономическими концепциями, пришедшими из англосаксонского мира. Их немецкие эквиваленты либо отсутствуют, либо не передают всей полноты заложенных в них смыслов.

Концептуальные заимствования были выявлены в индивидуальном дискурсе обоих политиков, однако их наибольшее количество было зафиксировано у А. Бербок. В ее книге были отмечены употребления таких концептуальных англицизмов, как *Governance, Leadership, Recovery, Window of Opportunity, Gender Pay Gap, Green Deal, Race to the Top, one stop shop* и др. В книге С. Вагенкнехт были обнаружены следующие примеры: *die Cancel Culture, Fridays for Future, Hidden Champions, Shareholder-Value, creative economy, Homo oeconomicus, Bank-Run* и др. Концептуальные англицизмы отражают общественно-политические либо экономические модели, разработанные преимущественно в США и перенесенные позже в европейский контекст, или именуют специфические для иного культурного и языкового сообщества идейные установки (*Black-Lives-Matter, New Deal*).

Основная функция этой группы англицизмов заключается в культурном трансфере общественно-значимых понятий и демонстрации политиком своей включенности в глобальный диалог, а также в транслировании идеологии англосаксонского мира. В отдельных случаях они также выполняют функцию эвфемизации, вуалируя прямые и однозначные номинации с целью избежать нежелательной реакции со стороны получателей информации. Например, в дискурсе А. Бербок при описании миграционных проблем используются англицизмы *Working Poor, Resettlement, Shuttle* вместо более негативно окрашенных немецких понятий *Erwerbsarmut, Umsiedlung, Pendelverkehr*. По этой причине именно такие заимствования могут приводить к нарушению политической коммуникации, так как требуют от адресата определенных фоновых знаний. Их отсутствие может привести к неверному пониманию сообщения политического актора и противоположному эффекту. Отметим также, что такие англицизмы могут служить средством формирования ценностного политического нарратива и манипуляции восприятием некоторых социально-экономических реалий, позволяя уходить от прямых и однозначных формулировок, более уязвимых для критики. В этом смысле они создают и транслируют «социально обусловленные смыслы» [22, с. 386] и отражают общественную идеологию определенной политической системы.

В третью группу входят **стилистические англицизмы**. С одной стороны, они выступают средством семантической вариативности, поскольку имеют лексические дублиеты в немецком языке, с другой – отражают тенденции поколенческой идентификации или языковой моды, так как не содержат никакой дополнительной или дифференцирующей семантики. Можно утверждать, что стилистические заимствования отражают «языковой вкус эпохи» (в терминологии В.Г. Костомарова [23]), придают речи оттенок экспрессии и неформальности, производят классовую и поколенческую дифференциацию. С нашей точки зрения, такие англицизмы привлекают более широкую аудиторию, в основном молодое поколение, к актуальной политической повестке. В качестве примеров приведем следующие заимствования: *der Sound* (вместо *der Ton*), *die Kids* (вместо *die Kinder*), *uncool* (вместо *unmodern*), *up to date* (вместо *topaktuell*), *der Background* (вместо *der Hintergrund*) и др.

Сюда мы включили и так называемые «престижные» заимствования: *das richtige Auspowern, die volle Power, attraktive Hotspots, das Welcome Dinner, das Highlight, das Statement, das Storytelling*,

das/der Level, Social Media, die News и др. Причиной употребления таких заимствований может быть международный опыт политика и «координативный тип билингвизма» [24, с. 472–473], позволяющий переключаться с одного языкового кода на другой, формируя при этом портрет политика новой генерации за счет стремления к неформальности и глобальности, признаком которых зачастую и является англизация национального языка. Вместе с тем это может восприниматься электоратом как нечто искусственное и наигранное, что потенциально подрывает его доверие к аутентичности политического деятеля, а также вызывает отторжение у более консервативной и взрослой аудитории.

Четвертую группу формируют **цитатные заимствования**. Элементы интертекстуальности довольно часто встречаются в политическом дискурсе. По форме они представляют собой прямые цитаты, оформленные, как правило, в скобках или с указанием автора. Их функция заключается в апелляции к чужому мнению, в «трансфере чужой мысли» в терминологии М. Эспаня, с целью усиления собственной позиции либо с целью критической оценки упомянутой цитаты. Данные заимствования также требуют фоновых знаний от реципиента и могут представлять определенную сложность в декодировании информации, особенно при отсутствии соответствующих пояснений со стороны политического актора. Конкретные примеры цитатных заимствований в индивидуальном политическом дискурсе А. Бербок и С. Вагенкнехт рассматриваются в следующем разделе статьи.

В пятую группу мы включили **ложные англицизмы** или **псевдоанглицизмы**. В данном случае речь идет о словах, созданных на основе английских слов и словообразовательных моделей английского языка, что может вводить в заблуждение даже исследователей, как, например, в случае с единицей *das Handy* [4]. В самом английском языке таких обозначений либо не существует, либо они имеют иное значение. В нашем материале были обнаружены четыре псевдоанглицизма. Так, оба политика упоминали *Homeoffice*: С. Вагенкнехт трижды, А. Бербок – дважды. “Die Ursachen liegen auf der Hand: Kein *Homeoffice* ohne Videokonferenz, kein Homeschooling ohne entsprechende Software” (Wagenknecht, с. 377) – “...wenn Familien in manchen Dörfern, aber auch in etlichen Stadtteilen an Homeschooling und *Homeoffice* scheitern, weil das Netz zu langsam ist” (Baerbock, с. 13). В приведенных примерах подразумевается работа на дому, получившая широкое распространение во время пандемии COVID-19. Однако в английском языке эта лексема, по данным онлайн-корпуса DWDS, обозначает министерство внутренних дел Великобритании¹⁸. У А. Бербок также встретились единицы *das Handy* (одно употребление) и *die Ehegattensplitting* (два случая). С функциональной точки зрения включение в индивидуальный дискурс ложных англицизмов направлено на поддержание собственного имиджа и свидетельствует, по нашему мнению, о глобализации политической риторики, возможно, о ее модернизации в духе «языкового вкуса эпохи». Однако значимой роли при оценке политической направленности или идентичности политика эта группа не играет.

Предлагаемая классификация подтверждает идеи, рассмотренные ранее в работах других исследователей, но дополняет и уточняет их, не претендуя при этом на исключительность.

Выявленные в анализируемом материале англицизмы мы распределили по указанным группам. Их соотношение у разных авторов представлено в табл. 3. Погрешность подсчетов составляет менее 1%.

Значительную часть заимствований в анализируемых источниках – как по количеству единиц, так и по количеству словоупотреблений – составляют терминологически обоснованные англицизмы: у А. Бербок около половины, у С. Вагенкнехт значительно больше половины. Они закрывают лексические лакуны немецкого языка, емко и в то же время экономно представляя то или иное понятие. В дискурсе С. Вагенкнехт наибольшей частотностью отличались единицы с англоязычными компонентами *digital* (85 случаев), *der Job* (47 случаев), *der Trend* (25 случаев),

¹⁸ Homeoffice, das // Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Homeoffice> (дата обращения: 08.02.2026).

die Lobby (18 случаев), *online* (14 случаев), *das Internet* и *das Dumping* (по 12 случаев). Автор также часто упоминала англоязычные эргонимы, например *Facebook*¹⁹ (20 случаев), *Google* и *Amazon* (по 17 случаев), *Microsoft* и *Silicon Valley* (по 8 случаев). Политик обращалась к терминам англосаксонского мира: *Labour*, *New Labour*, *Old Labour*, *CIA* и др., причем исключительно в критическом контексте, например: “Auch New Labour erreichte mit Tony Blair mehr Zustimmung unter den Einkommensstärksten als Labour je bei einer Wahl zuvor, während die Arbeiter in den einstigen Industrieregionen der Partei in Scharen davonliefen” (Wagenknecht, с. 62). В данном предложении С. Вагенкнехт критикует новых лейбористов во главе с Тони Блэром²⁰ за ориентацию на хорошо обеспеченные слои населения и игнорирование нужд и потребностей трудящихся, что привело к потере данной части электората.

Таблица 3. Доля выявленных англицизмов по группам (в %)
Table 3. Distribution of Identified English Borrowings by Group (%)

Группа	Книга	Jetzt. Wie wir unser Land erneuern		Die Selbstgerechten	
		Количество единиц	Количество употребл.	Количество единиц	Количество употребл.
Терминологически обоснованные англицизмы		43%	54%	65,8%	70,5%
Концептуальные англицизмы		27%	19%	16%	19,3%
Стилистические англицизмы		24,8%	23,3%	13,1%	8%
Цитатные заимствования		3%	1,4%	3,9%	1,2%
Ложные англицизмы		1,8%	1,4%	0,97%	0,79%

В дискурсе А. Бербок заметна более низкая частота употребления терминологически обоснованных англицизмов. Лидирующую позицию, как и в книге С. Вагенкнехт, занимает англоязычная лексема *digital* и ее производные (53 случая употребления), далее со значительным отрывом следуют англицизмы *Job* (девять случаев), *Recycling* (семь случаев), *Lobby* (шесть случаев), *Internet* и *Trainer* (по пять случаев). Продуктивными и употребительными оказываются единицы с компонентами *Cyber* и *Hack* (также по пять случаев), что маркирует тематический пункт «цифровизация» в политической программе А. Бербок. В среднем терминологически обоснованные англицизмы повторялись у данного автора не более двух раз.

Примерно одинаковое соотношение в дискурсе обоих политиков было выявлено в употреблении ложных и цитатных заимствований. Они занимают незначительную долю от общего числа выявленных англицизмов в обеих книгах (не более 1,5% по количеству словоупотреблений). Отметим, что цитатные заимствования в индивидуальном дискурсе политиков отличаются по своей функциональности. В дискурсе А. Бербок зафиксированы случаи интеграции в немецкий текст цитат на английском языке без перевода или комментария, поясняющего суть его содержания: “Diesen politischen Kraftakt fasste Alexis Tsipras bei der Münchner Sicherheitskonferenz im Februar 2019 wie folgt zusammen: “»Leadership is a matter of creating opportunities for the generations to come to a prosperous future. History must not be written by those who invest in fear and division. It should be written by those who have the courage and strategic vision to rise to the occasion«” (Ваербок, с. 190). Сохраняя цитату на языке оригинала и апеллируя эксплицитно к мнению зарубежного политического лидера (А. Ципраса²¹), А. Бербок интегрирует свою позицию в глобальный контекст, тем самым усиливая собственную аргументацию. Однако большой объем

¹⁹ Принадлежит экстремистской корпорации Meta и запрещена к использованию на территории Российской Федерации.

²⁰ Прим.: Т. Блэр возглавлял лейбористскую партию Великобритании с 1994 по 2010 г. вместе с Г. Брауном, трансформировав ее в ново-лейбористскую, отмежевываясь от старых лейбористов, сохранявшим связи с профсоюзами и ориентированных на трудящихся. Название политонима восходит к девизу “New Labour, New Life For Britain”.

²¹ Прим.: Алексис Ципрас – греческий политик, с 2015 по 2019 г. глава правительства Греции.

цитаты выглядит инородно в немецком тексте и «выключает» из общей линии повествования читателя, не владеющего английским языком в достаточной степени.

Цитатные заимствования в дискурсе С. Вагенкнехт, напротив, приводятся с переводом или пояснением. “Als Hillary Clinton im US-Wahlkampf 2016 die möglichen Trump-Wähler als *basket of deplorables* beschimpfte, was frei übersetzt *Ansammlung von Erbärmlichen bedeutet*, war das zwar wahl-taktisch unklug, aber sicher einer der wenigen ehrlichen Momente in ihrer ganzen Wahlkampagne” (Wagenknecht, с. 48). “Ein wichtiger Grund dafür sind *die Deaths of Despair*, die »Tode aus Verzweiflung«, denen die Ökonomen Anne Case und Angus Deaton in einem Anfang 2020 erschienenen Buch auf den Grund gegangen sind” (Wagenknecht, с. 102). Приводя такие примеры из англосаксонского политического дискурса, политик считает необходимым пояснить их для своих читателей, носителей немецкого языка. В этом случае вряд ли возникнет недопонимание, и коммуникативное намерение автора достигнет своей цели.

Наибольшие различия наблюдаются в группе стилистических англицизмов: в дискурсе «зеленого» политика они преобладают и достигают 23%, в отличие от 8% у С. Вагенкнехт (по количеству употреблений). В своей политической программе А. Бербок стремится говорить на языке, близком молодому, урбанизированному поколению, для которого смешение языковых кодов является нормой повседневного общения. Например, наряду с немецкой лексемой *leicht*, полностью справляющейся со своей номинативной функцией, она предпочитает употреблять популярный в разговорной речи молодежи краткий стилистический англицизм, что создает впечатление легкости и динамичности изложения: “Was so *easy* klingt, war keineswegs leicht” (Baerbock, с. 191). Стилистические англицизмы в дискурсе данного политика также служат ярким маркером социальной дифференциации. Так, было отмечено употребление англицизмов при описании семейного окружения, что имплицитно акцентирует принадлежность политика к развитой социальной группе: “meine Schwestern plus *Family*” (Baerbock, с. 239), “zu den *Kids* gehörten” (Baerbock, с. 141), “als selbstbewusster *Teenager* der frühen Generation Y dachte ich...” (Baerbock, с. 55). Данные англицизмы позволяют более точно обрисовать социокультурный контекст, в котором формировалась личность политика, делая его персональный нарратив более узнаваемым и понятным для молодой аудитории.

В дискурсе С. Вагенкнехт также встречается много стилистических англицизмов, но их доля значительно меньше – как по количеству единиц, так и по количеству употреблений. Стоит отметить, что также были выявлены неоправданные с коммуникативной точки зрения случаи их употребления: “Galt gestern noch als *up to date*...” (Wagenknecht, с. 45), “In dem *Statement* der jungen Mutter...” (Wagenknecht, с. 224). В целом употребление стилистических англицизмов в дискурсе «левого» политика также является свидетельством поколенческой моды и стремления привлечь как можно больше сторонников.

Что касается концептуальных заимствований, то по количеству употреблений эта группа представлена в дискурсе обоих политиков примерно одинаково (19%). Однако по количеству уникальных единиц наблюдается явное преобладание англицизмов рассматриваемой группы у А. Бербок (27% против 16%). Контекстуальный анализ выявил частотные единицы, транслирующие глобальные тенденции западноевропейской политики: *Diversity, Gender, Fridays for Future*. Однако если у А. Бербок они преподносятся с положительной стороны, то у С. Вагенкнехт – с отрицательной. Так, А. Бербок с явным сожалением говорит о слабой реализации программы гендерного бюджетирования в стране, в то время как С. Вагенкнехт характеризует сам концепт гендера в политике исключительно негативно: “Aber am *Gender Pay Gap*, also am Lohnunterschied zwischen Frauen und Männern, hat sich auch zwei Jahrzehnte später nicht wirklich etwas geändert” (Baerbock, с. 56) – “Um den Hintergrund der Kampagne zu verstehen, muss man wissen, dass die linksliberale *Gendertheorie* die Existenz eines biologischen Geschlechts allen Ernstes leugnet” (Wagenknecht, с. 51).

Самой частотной единицей у С. Вагенкнехт является единица *Lifestyle*, проходящая красной нитью через всю книгу (67 употреблений). Контекстуальный анализ также позволил нам отнести единицу (*die Appeasement-Politik*) к концептуальным заимствованиям, несмотря на наличие немецкоязычной номинации (*die Beschwichtigungspolitik*). В примере “*Mit Putin zu verhandeln ist Appeasement-Politik*“ (Wagenknecht, с. 10) содержится явная критика в адрес политических оппонентов. Возможно, по этой причине автор прибегает к употреблению англицизма, дистанцируясь тем самым от концепта западноевропейской политики в отношении России. В дискурсе данного политика были отмечены примеры не только политической, но и экономической или социальной повестки: *New Deal, Failed States, Jailed states, Cancel Culture, Brexit, Hidden Champions, Shareholder-Value, creative economy, Queer-Theorie, Welfare Queen* и др.

Концептуальные англицизмы играют значительную роль в индивидуальном политическом дискурсе А. Бербок. Так, рассматривая в своей книге вопросы управления, политик немецкой лексеме *Steuerung* предпочитает американизированное понятие *Governance*: “*Gemeinsame Initiativen für eine bessere globale Governance*” (Baerbock, с. 198). Оно отражает иную «горизонтальную» модель управления и закладывает более широкий комплекс идей, который зародился и был теоретически осмыслен в англоязычном академическом и политическом пространстве. Идеологизированный лексический выбор, обусловленный в том числе глубокими культурно-историческими причинами, демонстрирует и следующий пример: “*Transformationsprozesse brauchen politisches Leadership*” (Baerbock, с. 102). Точный немецкоязычный эквивалент *Führung* все еще несет в себе негативные коннотации тоталитарного прошлого, в то время как *leadership* привносит позитивный, почти мифический ореол, сложившийся вокруг англосаксонской концепции лидерства. Англицизм импортирует позитивные коннотации американской управленческой и политической культуры, включающие харизму, способность мотивировать и вдохновлять. Употребление политиком данной лексемы выступает, по нашему мнению, в некоторой степени манипулятивным инструментом предвыборной риторики. В дискурсе А. Бербок также встречаются понятия из сферы экономики, преимущественно бизнес-терминологии, менеджмента и маркетинга: *Top-Runner-Programm, Game Changer, Boost, CEO* и др. Подобные англицизмы позволяют политику позиционировать себя перед потенциальными избирателями как успешного менеджера, способного решать задачи актуальной повестки.

Заключение

Проведенный анализ эмпирического материала подтверждает значимость англицизмов в индивидуальном политическом дискурсе. Они выступают органичной частью портрета немецкого политика, который формируется в той или иной степени под влиянием англоязычной среды или в силу международного, в том числе профессионального, опыта. Единые политические концепции вследствие глобализации или доминирования одной политической системы требуют единых номинаций, что отражается в насыщении немецкого политического дискурса иноязычными терминами. Предлагаемое распределение англицизмов на группы базируется на основе единых критериев с учетом внеязыковых факторов, имеющих важное значение в дискурсивной практике, особенно политической сферы деятельности. В широком понимании к англицизмам относится спектр функционально-семантических единиц англоязычной природы от точных терминов до стилистических вкраплений и искусственных новообразований, отражающих современную политическую картину, в нашем случае, Германии. Привлечение большего по объему эмпирического материала позволит дополнить предлагаемое теоретическое обоснование, а также уточнить и расширить представленную классификацию.

Совокупность проанализированных примеров позволяет утверждать, что использование англицизмов в индивидуальном дискурсе политика является не случайностью, а важным элементом конструирования политического автопортрета и признаком проявления гибридной

идентичности. Употребление заимствований в речи становится инструментом самопрезентации политического актора и стилизации политической коммуникации. Они могут служить, с одной стороны, маркером прогрессивности и принадлежности к определенному идеологическому течению, с другой, сигналом ориентации на международную повестку и включенность в глобальный диалог.

В результате анализа эмпирического материала подтвердилось предположение, что большая часть заимствований представлена терминологически обоснованными англицизмами. Они необходимы для восполнения семантических лакун немецкого языка и точных номинаций, одинаково воспринимаемых в едином западноевропейском пространстве, отражая вместе с тем интердискурсивный характер современного политического дискурса. Второе предположение о взаимосвязи профиля политика и частотности употребления англицизмов подтвердилось частично. Несмотря на то, что представители разных партий практически в равной степени прибегают к англоязычным наименованиям в своем индивидуальном дискурсе, контекстуальный анализ реализации англицизмов показал различные коммуникативные намерения политиков. В частности, в дискурсе А. Бербок суммарное количество концептуальных и стилистических заимствований значительно превышает число терминологически обоснованных. Ее индивидуальный дискурс отличается большей ориентацией на западную культуру и англо-американские политические стандарты, что выступает одной из граней проявления гибридной идентичности. Таким образом, полученные результаты позволяют рассматривать англицизмы как один из критериев оценки идентичности политического актора. Перспективными представляются дальнейшие исследования на материале индивидуального дискурса представителей других партий различного политического спектра с последующим сопоставительным анализом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Прошина З.Г. Концепции глобализации английского языка // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 1–2 (32–33). С. 12–30.
2. Дойникова М.И. Англо-американизмы как источник пополнения современного немецкого языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 6. С. 135–138. DOI: 10.30853/filnauki.2019.6.27
3. Бадаева Н.В., Омельченко М.С. Морфологическая ассимиляция англо-американизмов в современном немецком языке (на материале экономического дискурса в 2020–2023 гг.) // Terra Linguistica. 2025. Т. 16, № 1. С. 7–18. DOI: 10.18721/JHSS.16101
4. Kovács É. Anglizismen im Deutschen: Eine Gefahr oder eine natürliche Erscheinung? // Germanistische Studien. 2009. Bd. 7. S. 181–190.
5. Pfalzgraf F. 12. ‚Anglisierung‘ und ‚Globalisierung‘: Aktuelle Diskurse zu Entlehnungen und moderner Sprachpurismus // Handbuch Sprache im Urteil der Öffentlichkeit / hrsg. von G. Antos, T. Niehr, J. Spitzmüller. Berlin; Boston: De Gruyter, 2019. S. 291–308. DOI: 10.1515/9783110296150-013
6. Burmasova S. Empirische Untersuchung der Anglizismen im Deutschen am Material der Zeitung Die WELT (Jahrgänge 1994 und 2004). Bamberg: University of Bamberg Press, 2010. 293 S. DOI: 10.26530/OAPEN_368157
7. Radtke M. Anglizismen im österreichischen Deutsch am Beispiel von ausgewählten Onlinezeitungen // Studia Germanica Gedanensia. 2022. Bd. 47. S. 103–109. DOI: 10.26881/ssg.2022.47.07
8. Borsch R. Politiker und ihr Umgang mit Anglizismen. Eine Untersuchung englischen Sprachinflusses auf Bundestagsdebatten. Hamburg: Verlag Dr. Kovac, 2008. 482 S.
9. Юйцянь Ч. Словообразовательный потенциал англицизмов в политической лексике // Неофилология. 2022. Т. 8, № 2. С. 254–260. DOI: 10.20310/2587-6953-2022-8-2-254-260
10. Каменева В.А., Рабкина Н.В. Англоязычная лексика в политическом дискурсе (лингво-персонологический подход) // Политическая лингвистика. 2021. № 1 (85). С. 33–40. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_01_03

11. **Рычева Е.А.** Англоязычные заимствования в политическом дискурсе в России и Чехии: прагматический аспект // Поволжский педагогический вестник. 2021. Т. 9, № 4 (33). С. 197–202.
12. **Ручкина Е.М., Белова Е.Е., Карпенко А.А.** Динамика изменения функции англоязычной лексики в отечественном политическом дискурсе // Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 102, № 1. С. 99–104. DOI: 10.18522/2070-1403-2024-102-1-99-104
13. **Погорецкая О.А.** Англоязычная интерференция в итальянском политическом дискурсе. Функциональный подход // Политическая лингвистика. 2024. № 2(104). С. 117–126.
14. **Винник Р.А.** Идеологическая функция англицизмов в политическом дискурсе России и Германии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, № 9. С. 3927–3935. DOI: 10.30853/phil20250538
15. **Espagne M., Werner M.** Deutsch-Französischer Kulturtransfer im 18. und 19. Jahrhundert. Zu einem neuen interdisziplinären Forschungsprogramm des C.N.R.S. // Francia. 1985. Bd. 13. S. 502–510. DOI: 10.11588/fr.1985.0.52120
16. **Schmale W.** Erkenntnisinteressen der Kulturtransferforschung. Frankfurt am Main: Campus, 2006. 120 S.
17. **Нефедов С.Т., Чернявская В.Е.** Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 83–97. DOI: 10.17223/19986645/63/5
18. **Littger P.** Hello in the round. Der Trouble mit unserem Englisch und wie man ihn shootet. München: Verlag C.H. Beck, 2022. 256 S.
19. **Fingerhuth M., Boas H.C.** Anglizismen zwischen Linguistik und Laien-Linguistik: Zum Fremdwortpurismus des Vereins Deutsche Sprache im Anglizismen-Index. Eine frame-semantische Analyse seiner Metatexte // Sprach- und Textkulturen – interkulturelle und vergleichende Konzepte / hrsg. von Cs. Földes. Tübingen: Narr Francke Attempto, 2018. S. 19–41.
20. **Чигашева М.А.** Семантический аспект англоязычных заимствований в немецком политическом медиадискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 3 (819). С. 151–159.
21. **Белинский А.В.** Сара Вагенкнехт. Реалист. Популист. Мадонна левых // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 3 (127). С. 176–189. DOI: 10.31249/ape/2025.03.10
22. **Чернявская В.Е.** Социальное значение в зеркале политической корректности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18, № 2. С. 383–399. DOI: 10.21638/spbu09.2021.208
23. **Костомаров В.Г.** Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой массмедиа. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.
24. **Жаркынбекова Ш.К., Чернявская В.Е.** Казахско-русская билингвальная практика: смешение кода как ресурс в коммуникативном взаимодействии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 2. С. 468–482. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-468-482

REFERENCES

- [1] **Proshina Z.G.**, Conceptions of the English language globalization, Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects, 1–2 (32–33) (2018) 12–30.
- [2] **Doinikova M.I.**, Anglo-Americanisms as a Source for Replenishing the Modern German Language, Philology. Theory & Practice, 12 (6) (2019) 135–138. DOI: 10.30853/filnauki.2019.6.27
- [3] **Badaeva N.V., Omelchenko M.S.**, Morphological assimilation of english borrowings in modern German (based on economic discourse in 2020–2023), Terra Linguistica, 16 (1) (2025) 7–18. DOI: 10.18721/JHSS.16101.
- [4] **Kovács É.**, Anglizismen im Deutschen: Eine Gefahr oder eine natürliche Erscheinung?, Germanistische Studien, 7 (2009) 181–190.
- [5] **Pfalzgraf F.**, 12. ‚Anglisierung‘ und ‚Globalisierung‘: Aktuelle Diskurse zu Entlehnungen und moderner Sprachpurismus, ed. by G. Antos, T. Niehr, J. Spitzmüller, Handbuch Sprache im Urteil der Öffentlichkeit, De Gruyter, Berlin, Boston, 2019, pp. 291–308. DOI: 10.1515/9783110296150-013.

- [6] **Burmasova S.**, Empirische Untersuchung der Anglizismen im Deutschen am Material der Zeitung Die WELT (Jahrgänge 1994 und 2004), University of Bamberg Press, Bamberg, 2010. DOI: 10.26530/OAPEN_368157
- [7] **Radtke M.**, Anglizismen im österreichischen Deutsch am Beispiel von ausgewählten Onlinezeitungen, *Studia Germanica Gedanensia*, 47 (2022) 103–109. DOI: 10.26881/sgg.2022.47.07.
- [8] **Borsch R.**, Politiker und ihr Umgang mit Anglizismen. Eine Untersuchung englischen Sprachinflusses auf Bundestagsdebatten, Verlag Dr. Kovac, Hamburg, 2008.
- [9] **Yuqian Zh.**, The word-formation potential of anglicisms in political vocabulary, *Neophilology*, 8 (2) (2022) 254–260. DOI: 10.20310/2587-6953-2022-8-2-254-260.
- [10] **Kameneva V.A., Rabkina N.V.**, English Borrowings in Russian Political Discourse: A Linguistic Personology Approach, *Political Linguistics*, 1(85) (2021) 33–40. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_01_03
- [11] **Rycheva E.A.**, English Borrowings in Political Discourse in Russia and Czech Republic: Pragmatic Aspect, *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik [Volga Region Pedagogical Bulletin]*, 9 (4 (33)) (2021) 197–202.
- [12] **Ruchkina E.M., Belova E. E., Karpenko A.A.**, Dynamics of Changes in Function of English Vocabulary in Russian Political Discourse, *The Humanities and social sciences*, 102 (1) (2024) 99–104. DOI: 10.18522/2070-1403-2024-102-1-99-104.
- [13] **Pogoretskaya O.A.**, English-Language Interference in Italian Political Discourse: A Functional Approach, *Political Linguistics*, 2 (104) (2024) 117–126.
- [14] **Vinnik R.A.**, The ideological function of Anglicisms in the political discourse of Russia and Germany, *Philology. Theory & Practice*, 18 (9) (2025) 3927–3935. DOI: 10.30853/phil20250538.
- [15] **Espagne M., Werner M.**, Deutsch-Französischer Kulturtransfer im 18. und 19. Jahrhundert. Zu einem neuen interdisziplinären Forschungsprogramm des C.N.R.S., *Francia*, 13 (1985) 502–510. DOI: 10.11588/fr.1985.0.52120
- [16] **Schmale W.**, Erkenntnisinteressen der Kulturtransferforschung, Campus, Frankfurt am Main, 2006.
- [17] **Nefedov S.T., Chernyavskaya V.E.**, Context in Linguistics: Pragmatic and Discourse Analytical Dimensions, *Tomsk State University Journal of Philology*, 63 (2020) 83–97. DOI: 10.17223/19986645/63/5
- [18] **Littger P.**, Hello in the round. Der Trouble mit unserem Englisch und wie man ihn shootet, Verlag C.H. Beck, München, 2022.
- [19] **Fingerhuth M., Boas H.C.**, Anglizismen zwischen Linguistik und Laien-Linguistik: Zum Fremdwortpurismus des Vereins Deutsche Sprache im Anglizismen-Index. Eine frame-semantische Analyse seiner Metatexte, *Sprach- und Textkulturen – interkulturelle und vergleichende Konzepte*, ed by Cs. Földes, Narr Francke Attempto, Tübingen, 2018, pp. 19–41.
- [20] **Chigasheva M.A.**, Semantic Aspect of English Borrowings in German Political Media Discourse, *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3 (819) (2019) 151–159.
- [21] **Belinsky A.V.**, Sahara Wagenknecht. Realist. Populist. Madonna of the Left, *Current problems of Europe*, 3 (127) (2025) 176–189. DOI: 10.31249/ape/2025.03.10
- [22] **Chernyavskaya V. E.**, Social meaning in the mirror of political correctness, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 18 (2) (2021) 383–399. DOI: 10.21638/spbu09.2021.208
- [23] **Kostomarov V.G.**, Yazykovoy vkus epokhi: iz nablyudeniy nad rechevoy praktikoy massmedia [The Linguistic Taste of the Era: From Observations of the Speech Practices of the Mass Media], Zlatoust, St. Petersburg, 1999.
- [24] **Zharkynbekova S.K., Chernyavskaya V.E.**, Kazakh-Russian Bilingual Practice: Code-Mixing as a Resource in Communicative Interaction, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13 (2) (2022) 468–482. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-468-482

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Чигашева Марина Анатольевна

Marina A. Chigasheva

E-mail: mchigasheva@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1423-5479>

Кузнецова Екатерина Дмитриевна

Ekaterina D. Kuznetsova

E-mail: rio14032014@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5619-5360>

Поступила: 10.01.2026; Одобрена: 20.03.2026; Принята: 24.03.2026.

Submitted: 10.01.2026; Approved: 20.03.2026; Accepted: 24.03.2026.

Научная статья

УДК 811.112.2`255.4:325

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17104>

EDN: <https://elibrary/LYKUVR>

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КАУЗАЛЬНОГО ПАРАМЕТРА КАТЕГОРИЗАЦИИ МИГРАНТОВ В НЕМЕЦКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Г.М. Юсифли , А.В. Ленец

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 chopsieva@sfedu.ru

Аннотация. Статья посвящена лингвистическому анализу категоризации мигрантов в немецком медиадискурсе через систематизацию номинативных единиц, указывающих на причины миграции (каузальный параметр). Целью исследования являются выявление, систематизация и определение дискурсивных функций номинаций каузального параметра в немецком языке. Материалом исследования послужили 12 024 контекста из Мангеймского корпуса немецкого языка Deutsches Referenzkorpus, основанного на ведущих общенациональных („Süddeutsche Zeitung“, „Die Zeit“) и региональных („Rheinische Post“) изданиях Германии за 2016–2022 гг. Для определения содержательных, ценностных и прагматических особенностей немецкого медиадискурса использовались метод корпусной лингвистики (анализ частотных лексических единиц с помощью программы автоматического анализа текстов) и дискурс-анализ. В результате обосновано введение в научный оборот понятия «каузальный параметр категоризации мигрантов» и выделены шесть соответствующих маркеров: образовательный, трудовой, «поиск убежища», военно-политический, экономический и экологический. Каузальный параметр функционирует в немецком медиадискурсе как дискурсивно-прагматическая категория, конструирующая социальную реальность посредством актуальных наименований мигрантов. Установлено доминирование в анализируемый период маркеров «поиск убежища» и военно-политического. Выявлены тематические доминанты: федеральные издания фокусируются на административно-политических и правовых аспектах миграции, тогда как региональное издание смещает акцент на вопросы интеграции, размещения и гуманитарной помощи. Раскрыта динамика употребления исследуемых номинаций в немецком языке в зависимости от миграционной повестки. Определены семантические различия номинаций *Asylbewerber* и *Kriegsflüchtling*, уточнена специфика их функционирования в медийном дискурсе Германии. Исследование вносит вклад в развитие миграционной и корпусной лингвистики, медиалингвистики и дискурс-анализа, уточняя представления о роли номинативных единиц в функционировании современного немецкого языка в обществе.

Ключевые слова: мигрант, немецкий язык, каузальный параметр, медиадискурс, категоризация, дискурс-анализ, корпусный анализ.

Для цитирования: Юсифли Г.М., Ленец А.В. Вербализация каузального параметра категоризации мигрантов в немецком медиадискурсе // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 1. С. 60–78. DOI: 10.18721/JHSS.17104

THE VERBALIZATION OF THE CAUSAL PARAMETER IN MIGRANT CATEGORIZATION IN GERMAN MEDIA DISCOURSE

G.M. Iusifli , A.V. Lenets

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 chopsieva@sfedu.ru

Abstract. The article is devoted to a linguistic analysis of the categorization of migrants in German media discourse through the systematization of nominative units indicating the reasons of migration (the causal parameter). The aim of the study is to identify, systematize, and determine the discursive functions of causal parameter nominations in the German language. The research material consists of 12024 contexts from the Mannheim German Reference Corpus (Deutsches Referenzkorpus) based on leading national (“Süddeutsche Zeitung”, “Die Zeit”) and regional (“Rheinische Post”) German newspapers from 2016 to 2022. Methods of corpus analysis (the analysis of high-frequency lexical units using automated text analysis software) and discourse analysis were applied to identify the substantive, axiological, and pragmatic features of German media discourse. As a result, the introduction of the concept of “the causal parameter of migrant categorization” into academic circulation is substantiated, and six corresponding markers are identified: educational, labor, asylum-seeking, military-political, economic, and environmental. The causal parameter functions in German media discourse as a discursive-pragmatic category that constructs social reality through relevant migrant nominations. The analysis demonstrates the dominance of the military-political and asylum-seeking markers in the analyzed period. Thematic dominants are identified: national newspapers focus on the political and legal aspects, whereas the regional newspaper emphasizes issues of migrant integration, accommodation, and humanitarian assistance. The dynamics of the use of the analyzed nominations in the German language, depending on the migration agenda, are revealed. The semantic differences between the nominations *Asylbewerber* (asylum seeker) and *Kriegsflüchtling* (war refugee) are determined, and the specifics of their functioning in the German media discourse are clarified. The study contributes to the development of migration and corpus linguistics, media linguistics, and discourse analysis by refining the understanding of the role of nominative units in the functioning of the modern German language in society.

Keywords: migrant, German language, causal parameter, media discourse, categorization, discourse analysis, corpus analysis.

Citation: Iusifli G.M., Lenets A.V., The Verbalization of the Causal Parameter in Migrant Categorization in German Media Discourse, *Terra Linguistica*, 17 (1) (2026) 60–78. DOI: 10.18721/JHSS.17104

Введение

В условиях, когда миграционные процессы в Германии находят все более активное отражение в немецком медийном дискурсе и языковых практиках, критически важным представляется лингвистический анализ дискурсивных механизмов конструирования образа мигранта, поскольку именно с помощью лексических номинаций в немецких медиатекстах формируются, закрепляются или оспариваются ключевые представления общества о данной социальной группе. Миграционный дискурс, сформировавшийся в Германии как самостоятельная разновидность общественного дискурса, стал объектом пристального внимания для исследователей начиная с 1990-х гг. [1, с. 225]. В связи с тем, что дискурс с позиций лингвистики определяется как «содержательно-тематическая общность текстов, текстовый корпус, определяемый на основе тех или иных критериев» [2, с. 141–142], в данный период начались дискуссии о необходимости определения и детального анализа нового миграционного дискурса. Задачей дискурс-анализа является выявление механизмов конструирования и модификации общих смыслов в

тексте [3, с. 84; 4, с. 114]. При этом лексико-семантический анализ приобретает первостепенное значение, так как лексические единицы в медиадискурсе являются «маркерами мировоззрения, системы ценностей общества и актуальных социальных проблем» [5, с. 81] и выступают в качестве индикаторов социальных изменений [6, с. 63]. На сегодняшний день миграционный дискурс трактуется как «идеологический конструкт, который выражает определённую позицию общества, формирует отношение к миграции и мигрантам» [7, с. 40]. Манипулятивный потенциал миграционного дискурса реализуется не только в формировании определенных образов мигрантов в общественном сознании, но и в их стереотипизации [8, с. 78; 9, с. 28], в последующем закреплении и в трансформации [10, с. 5].

Язык медиа в данном процессе выступает в качестве ключевого посредника между обществом и институтами власти, определяя векторы формирования общественного мнения в зависимости от социально-политического контекста и направления миграционной политики государства. Эти вопросы входят в область миграционной лингвистики. В последнее время активно исследуется и категоризация мигрантов – формирование их различных образов в немецком медиапространстве, которое осуществляется посредством комплекса лексических номинативных единиц, так как это во многом влияет на общественное восприятие данной социальной группы, закрепляя в массовом сознании устойчивые, часто поляризованные и стереотипные представления (например, *Asylant*, *Gastarbeiter*, *Wirtschaftsflüchtling* и др.). В данных лексических единицах зафиксированы категориальные признаки [10, с. 65], с помощью которых осуществляется дифференциация групп мигрантов. Процесс категоризации действительности индивидом, будучи «неотъемлемым элементом социального познания, осуществляется с помощью языковых средств и находит свою реализацию в речевой деятельности» [11, с. 76]. В дискурсивно-аналитической перспективе анализ номинаций мигрантов представляет собой исследование социального конструирования через язык, поскольку номинативные практики выступают инструментом закрепления интерпретаций социальных явлений. С присвоением реалиям окружающего мира определенных обозначений происходит их «закрепление в сознании, что свидетельствует о том, что категоризация является одной из стратегий конструирования образа мигранта» [13, с. 49]. Следует отметить, что категоризация мигрантов в значительной степени зависима от социокультурного и исторического контекстов, что препятствует созданию универсальной классификации мигрантов [14, с. 265].

Вопросы восприятия и классификации различных групп мигрантов являются предметом анализа как в отечественной [15], так и в зарубежной [16, 17] лингвистической и социологической науке. Важное место при этом занимают исследования, посвященные категоризации мигрантов в медиадискурсе [13, 15, 18, 19], в особенности в немецком миграционном медиадискурсе [20, 21]. На языковую репрезентацию мигрантов в немецких СМИ влияет комплекс факторов, включая национальную и религиозную принадлежность, возраст, пол и т.д. Однако ключевым критерием категоризации выступают причины миграции, поскольку их указание в номинациях мигрантов не только является инструментом описания, но и влияет на формирование коллективного восприятия мигрантов, что подчеркивает тесную связь прагматической функции языка с его внутренней системой, где категории каузативности и эмотивности оказываются тесно взаимосвязанными. Данные языковые категории проявляются на различных уровнях языка, в том числе на лексическом [22, с. 58]. В связи с этим вследствие употребления в медиа тех или иных номинаций, в семантике которых содержится указание на причины миграции, формируются различные представления о группах мигрантов в зависимости от причин их миграции. Например, люди, бегущие от войны или преследований (*Kriegsflüchtling*), не воспринимаются как угроза, а вызывают сочувствие. Образ мигрантов, прибывших в другую страну с целью использования возможностей развитой экономики страны и улучшения жизненных условий (*Wirtschaftsflüchtling*), зачастую негативен.

В связи с вышесказанным **актуальность** предлагаемого **исследования** обусловлена ключевой ролью языковых средств в конструировании социальной реальности. В контексте миграционных процессов в Германии анализ лексических номинаций, вербализующих каузальный параметр (причины миграции), позволяет раскрыть лингвистический потенциал медиадискурса как инструмента категоризации и формирования интерпретационных рамок, что является важной задачей современной лингвистики. **Новизна** данного **исследования** заключается в систематизации номинаций мигрантов, имеющих в своем составе указание на причины миграции, в введении понятия «каузальный параметр категоризации мигрантов» и в выявлении его роли как языкового средства интерпретации миграционных процессов в медиадискурсе. **Впервые** в рамках немецкого языкознания систематизирован корпус номинаций мигрантов, обладающих семантическим признаком причины миграции, и в научный оборот введен термин «каузальный параметр категоризации мигрантов». Последний трактуется как вербализуемая и системно организованная языковая категория, реализующаяся посредством номинативных единиц в немецком медиадискурсе. Описание и анализ каузального параметра позволяют перейти от описания отдельных лексем к выявлению универсального лингвистического механизма, структурирующего публичную дискуссию о миграции в Германии.

Цель настоящего исследования – выявить, систематизировать и определить дискурсивные функции номинативных единиц, вербализующих каузальный параметр категоризации мигрантов в немецком медиадискурсе, на материале федеральных и региональных изданий Германии. Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) проанализировать лексико-семантическое значение номинаций мигрантов и выявить ключевые маркеры категорий мигрантов;
- 2) определить частотные номинации наиболее выраженных маркеров категоризации мигрантов;
- 3) выявить тематические доминанты в медиатекстах о мигрантах и определить их прагматический потенциал.

Материал и методология исследования

Отбор номинаций для дальнейшей категоризации проводился на основе глоссария миграционных процессов *Glossar der Neuen deutschen Medienmacher* (далее – NdM)¹ и контекстов из статей немецких газет о мигрантах. Проведенный анализ позволил определить 35 номинаций мигрантов, имеющих в своем составе указание на причины миграции и формирующих каузальный параметр. Сбор медиатекстов для последующего анализа осуществлялся методом сплошной выборки на основе данных Мангеймского корпуса немецкого языка *Deutsches Referenzkorpus* (далее – DeReKo)² посредством выбора необходимой газеты и ввода выявленной номинативной единицы каждого маркера (например, по формуле **asylbewerber**) в строку поиска. Корпус DeReKo позволил определить наиболее частотные номинации мигрантов и определить доминирующий маркер каузального параметра. Далее был сформирован собственный корпус контекстов с анализируемыми номинациями для исследования в программе автоматического анализа текстов и подсчета количественных данных о наиболее частотных лексических единицах в корпусе за определенный временной промежуток.

Объем проанализированного материала составил **12 024** контекста за 2016–2022 гг. Выбор данного временного промежутка обусловлен следующими факторами: во-первых, большим количеством статей на тему миграции в 2016 г. из-за наплыва мигрантов с Ближнего Востока в Германию, и, во-вторых, ростом миграционных потоков с Украины в 2022 г. Анализ статей за указанный период позволил установить динамику частотности номинаций и преобладающие

¹ Glossar der neuen deutschen Medienmacher. URL: <https://glossar.neuemedienmacher.de/themen/> (дата обращения: 10.11.2025).

² Deutsches Referenzkorpus (DeReKo) // Leibniz Institut für deutsche Sprache (IDS). URL: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/> (дата обращения: 28.10.2025).

в СМИ образы мигрантов. Для определения сходств и различий в конструировании образа мигранта в федеральных и региональных изданиях в основу анализа легли контексты из газет „Süddeutsche Zeitung“ (далее – SDZ) и „Die Zeit“ (далее – DZ), которые пользуются популярностью у немецких читателей, а также из регионального издания Северного Рейна-Вестфалии (далее – RP). Данная федеральная земля принимает наибольший процент мигрантов по сравнению с другими регионами Германии [23, с. 214].

В ходе исследования использовался ряд общенаучных и лингвистических методов анализа. С помощью методов наблюдения, обобщения и классификации были выявлены и категоризованы номинации, содержащие в своей семантике указание на причины миграции. Методологическую основу исследования составляет синтез методов корпусной лингвистики, лексико-семантического и дискурс-анализа. Корпусные методы (анализ частотности слов и коллокаций) позволили выявить репрезентативные номинативные единицы для эмпирического подтверждения роли каузального параметра как ключевого средства интерпретации миграционных процессов. Выявленные с помощью корпусных технологий тематические доминанты обогащают методический аппарат стилистики немецкого языка и дискурс-анализа немецкоязычных медиатекстов.

Метод анализа частотных лексических единиц с помощью программы MAXQDA позволил проанализировать корпус контекстов из немецких изданий, обнаружить различия в лексико-семантическом конструировании образа мигрантов, установить прагматические особенности немецкого миграционного медиадискурса и манипулятивный потенциал языковых средств категоризации мигрантов. Возможности автоматического анализа текста программы MAXQDA включают генерацию статистики частотных языковых единиц как абсолютной, так и относительной частоты, что является необходимым условием для последующей интерпретации полученных результатов. Лексико-семантический анализ использован для определения специфики смысловых особенностей номинаций, а дискурс-анализ – для интерпретации функций выявленных языковых фактов.

Результаты исследования

В основу классификации номинаций мигрантов в настоящей статье положен каузальный параметр категоризации мигрантов. Этот термин введен с целью уточнения и разграничения номинаций, имеющих в семантике указание на причины миграции, так как данные лексические единицы обладают высоким прагматическим потенциалом. Анализ дефиниций терминов, представленных в NdM, и лексико-семантический анализ контекстов из статей немецких газет позволил выявить следующие маркеры, категорирующие мигрантов согласно причинам миграции:

- образовательный (цель миграции – получение образования в Германии);
- трудовой (цель миграции – трудоустройство в Германии);
- «поиск убежища» (цель миграции – получение убежища в Германии);
- военно-политический (цель миграции – побег от преследования, военных действий);
- экономический (цель миграции – улучшение материального положения);
- экологический (цель миграции – поиск места жительства, не угрожающего жизни и здоровью).

Рассмотрим данные маркеры подробнее.

Германия является одной из самых привлекательных стран для обучения. Данный факт обусловлен высокими образовательными стандартами страны и возможностями карьерного роста. Номинации мигрантов, причиной прибытия которых является получение образования, выделяются в особую категорию – с **образовательным маркером**. Номинациями, определяющими данную группу, могут выступать как составные существительные, содержащие в своем составе

компонент *Bildung-* (*Bildungsausländer*) или *Student-* (*Auslandsstudent/in*) (иностранный студент) (здесь и далее перевод наш. — Ю.Г., Л.А.), так и словосочетания с определением (*ausländische Studenten*, *Studenten aus Afrika*, *russische Studenten* и др.). В примере ниже приведены данные, подтверждающие растущую привлекательность миграции в Германию для получения образования:

Zwei Jahrzehnte lang war die Zahl der Bewerbungen ausländischer Studenten gestiegen (DZ, 13.07.2021).

Группу мигрантов, преследующих цель получить образование или повысить квалификацию, преимущественно составляют молодые люди, демонстрирующие высокие показатели мобильности. Данная категория мигрантов рассматривается как одна из наиболее предпочтительных для государства. Это объясняется тем, что мигранты, мотивированные на обучение за рубежом, проявляют более выраженную способность к социально-культурной адаптации и могут принести пользу немецкому обществу, восполнив нехватку кадров. Об этом свидетельствует пример ниже:

Ausländische Studierende können einen wichtigen Beitrag leisten, den Fachkräftemangel in Deutschland zu bekämpfen (SDZ, 15.09.2022).

Исторически миграционные потоки в Германию были связаны с потребностями немецкого рынка труда в рабочей силе, что находило непосредственное отражение в эволюции номинаций мигрантов. Выбор Германии в качестве страны иммиграции мотивирован рядом факторов, включая конкурентоспособный уровень заработной платы, развитую систему социального обеспечения и высокие стандарты образования. Номинациями, вербализирующими *трудоовой маркер*, являются, например, *Arbeitseinwanderer* (трудоовой иммигрант), *Arbeitsmigrant* (трудоовой мигрант), *Saisonarbeiter* (сезонный рабочий), *ausländische Fachkräfte (Arbeitskräfte)* (иностранные (квалифицированные) специалисты). Лексические единицы *Fremdarbeiter* (иностранный рабочий), *Gastarbeiter* (гастарбайтер, рабочий-мигрант) также относятся к данной группе, однако в связи с негативной коннотацией редко используются в текстах СМИ. Следует выделить также номинацию *Inhaber einer Blauen Karte* (владелец Голубой карты): Голубая карта указывает на высококвалифицированного специалиста с высшим образованием, прибывшего в Германию с целью трудоустройства. Пример ниже иллюстрирует функционирование в современном немецком медийном дискурсе лексемы *Arbeitsmigrant*. Контекст употребления раскрывает экономическую модель, в которой иностранная рабочая сила компенсирует дефицит в непривлекательных для местного населения сегментах рынка труда, формируя тем самым образ мигранта, приносящего пользу немецкому обществу:

Asiatische Arbeitsmigranten übernehmen Jobs, die die Deutschen nicht länger machen wollen, etwa in der Gastronomie oder als Reinigungskraft (SDZ, 12.10.2019).

В связи с Европейским миграционным кризисом 2015 г. и его дальнейшими последствиями наибольшую группу по численности составляют беженцы — люди, ищущие убежище. Данная категория мигрантов вербализируется с помощью номинаций с компонентом «*поиск убежища*»: „*Asyl-*“ или „*Schutz-*“: *Asylbewerber* (соискатель убежища, лицо подавшее ходатайство о предоставлении убежища), *Asylsuchende* (ищущие убежище), *Asylberechtigte* (признанные беженцы), *Schutzsuchende* (лица, ищущие защиты) и др. До 2000 г. частотной была также и лексическая единица *Asylant* (проситель убежища), которая использовалась для репрезентации беженцев. С течением времени она приобрела негативную коннотацию и вышла из употребления. Данные номинации имеют некоторые семантические различия, о чем свидетельствуют примеры ниже. В контексте проиллюстрировано, что номинация *Schutzsuchende* является довольно широким понятием и охватывает три ключевые правовые группы: лица с незавершенной процедурой предоставления убежища, признанные беженцы и лица, пребывающие в стране после отказа в предоставлении убежища.

Zu den Schutzsuchenden zählen Menschen, bei denen ein Asylverfahren läuft, die einen Schutzstatus bekommen haben oder die sich nach Ablehnung ihres Asylantrags weiter in Deutschland aufhalten (SDZ, 24.07.2020).

Лексическая единица *Asylberechtigte* обозначает лиц, чье прошение об убежище было удовлетворено³:

Asylberechtigte werden sodann in der Europäischen Union verteilt, Nichtberechtigte in ihre Herkunftsländer zurückgeführt (SDZ, 29.06.2018).

К категории «поиск убежища» нами отнесен ряд лексических единиц с компонентом *Not-* (нужда), а именно *Notleidende* (пострадавшие), *Notflüchtlinge* (вынужденные беженцы, беженцы из-за чрезвычайной ситуации), *notleidende Menschen* (люди в бедственном положении). Данные номинации вербализируют крайнюю нужду, идентифицируя соответствующие категории мигрантов как группы, находящиеся в кризисном положении и имеющие потребность в получении помощи на территории другого государства:

Trotz einer Waffenruhe warten Hunderttausende notleidende Menschen im Bürgerkriegsland Syrien weiter auf Hilfe (SDZ, 15.09.2016).

Военно-политический маркер тесно связан с вышеописанным нами маркером «поиск убежища». Однако номинации, вербализирующие военно-политический маркер, точнее указывают на причины миграции, которыми являются политические преследования и военные конфликты, представляющие угрозу жизни и здоровью мигранта. Соответствующая группа номинаций, представлена рядом лексических единиц с компонентом *Krieg* (*Bürgerkriegsflüchtling* (беженец от гражданской войны), *Kriegsflüchtlinge* (военный беженец), словосочетания *Geflüchtete vor Krieg und Verfolgung* (бегущие от войны и преследования), *politisch Verfolgte* (лица, подвергающиеся политическим преследованиям) и номинации с приставками *aus-* и *ver-* (*Ausgebürgerter* (лицо, лишенное гражданства), *Ausgewiesener* (высланный), *Verbannter* (изгнанник), *Vertriebene* (изгнанные, перемещенные лица)), которые имеют значение отдаления или изгнания. В примере ниже подчеркивается дихотомия между вынужденной миграцией, детерминированной угрозой жизни в условиях военного конфликта (*Kriegsflüchtlinge*), и принудительной миграцией, обусловленной преследованием по политическим мотивам (*politisch Verfolgten*). Таким мотивом выступают изменение политического строя или изгнание в связи с политическими воззрениями:

Deutschland müsse die Unterscheidung zwischen jenen treffen, die mit Asylgründen oder als Kriegsflüchtlinge Schutz suchten, und denen, die nach „einem wirtschaftlich besseren Leben“ strebten. „Vor allem um den politisch Verfolgten gerecht werden zu können, müssen wir diese Unterscheidung wieder ernst nehmen“, erklärte Steinmeier (RP, 29.01.2018).

В приведенном примере подчеркивается также необходимость закрепления для военных беженцев особого правового статуса, обеспечивающего четкое разграничение с другими группами мигрантов.

Лексические единицы *heimatlose Flüchtlinge* (беженцы без родины), *Heimatloser* (лицо без родины, апатрид), *Heimatvertriebener* (изгнанник с родины, перемещенное лицо) формируют обособленную группу, что обусловлено актуализацией в их семантике аспекта «утрата Родины». Данный семантический компонент обладает значимым прагматическим потенциалом, направленным на формирование у принимающего общества эмпатичного отношения к мигрантам. Номинация *Exilierte* (лица в изгнании) обозначает лиц, подвергшихся депортации ввиду политико-правовых причин.

Экономический маркер в структуре каузального параметра категоризации мигрантов определяется семантическим признаком «побег от бедности». Миграция в данном случае инициируется стремлением к профессиональной самореализации и улучшению качества жизни, что обусловлено отсутствием возможностей для самореализации в своей стране. Данный маркер вербализируется с помощью лексических единиц, содержащих компоненты *Armut-* и *Wirtschafts-*: *Armut-flüchtling/Armutsmigrant/Armutszuwanderer* (экономический беженец / мигрант, мигрирующий из-за бедности), *Wirtschaftsflüchtling* (экономический беженец) и др. Следует отметить,

³ *Asylberechtigte* // Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Asylberechtigte> (дата обращения: 22.10.2025).

что номинации, репрезентирующие данный маркер, обладают негативной коннотацией [24, с. 608]. Например, в контексте ниже указывается, что экономические беженцы прямо противопоставляются беженцам, имеющим право на убежище. Их мотивация, хотя и характеризуется как «понятная» (*verständlichen Wunsch*), не признается легитимным основанием для пребывания в стране. Использование лексемы *begrenzen* и требование возвращаться в свои страны (*müssten sie rasch in ihre Länder zurückkehren*) формируют образ данной группы как нежелательной:

Begrenzen möchte Merkel allerdings die Zahl der Wirtschaftsflüchtlinge. Sie betonte, es kämen auch Menschen aus sicheren Staaten, „gerade vom Balkan, zu uns, mit dem – aus ihrer Sicht – verständlichen Wunsch, ein besseres Leben zu führen“. Aber wenn sich keine Asylgründe ergäben, und das sei bei diesen Menschen in fast allen Fällen so, dann müssten sie rasch in ihre Länder zurückkehren (RP, 30.12.2016).

Следующим маркером в категоризации мигрантов выступает экологический маркер, который характеризует вынужденную миграцию в связи с угрозой жизни и здоровью, вызванной изменением состояния окружающей среды (экологические и техногенные катастрофы, истощение природных ресурсов, климатические изменения и загрязнение) [25, с. 156]. Номинации, вербализующие данный маркер, содержат в составе компонент *Klima* и *Umwelt*: *Klimaflüchtling/Umweltflüchtling* (экологический беженец). Пример ниже приписывает данной категории мигрантов статус количественно доминирующей (*Der weitaus überwiegende Teil*). Утверждение, что климатических беженцев зачастую называют экономическими, демонстрирует, что экологический маркер находится в состоянии конкуренции с экономическим маркером. Это свидетельствует о процессе становления данной категории и определении ее специфики:

Nur ein Teil der Flüchtlinge flieht vor Krieg und Verfolgung. Der weitaus überwiegende Teil sind mittlerweile tatsächlich Klimaflüchtlinge, die in der Diskussion in Deutschland oft fälschlich als Wirtschaftsflüchtlinge bezeichnet werden (RP, 17.08.2019).

Представленный анализ номинаций мигранта по каузальному параметру наглядно демонстрирует, как под влиянием миграционной повестки в немецком медиадискурсе кристаллизуется системная номинативная категория «каузальный параметр», которая через устойчивые лексические модели (*Arbeitsmigrant, Asylbewerber, Kriegsflüchtling*) формирует причинно-следственные интерпретационные рамки. Очевидно, что с семантической точки зрения компоненты сложных номинаций (например, морфемы *Asyl-*, *Kriegs-*, *Wirtschafts-*) присваивают мигрантам целостную причинно-следственную интерпретационную рамку, что создает возможные коннотации (сострадание, угроза, польза) и задает вектор дальнейшего обсуждения в медийном дискурсе. В этой связи справедливо утверждать, что немецкий язык не только чутко реагирует на социальные изменения в обществе, но и выступает в качестве активного инструмента конструирования образа мигранта в социуме Германии.

На следующем этапе для анализа степени актуализации каузального параметра категоризации мигрантов был проведен количественный анализ частотности лексических единиц, репрезентирующих вышеуказанные маркеры. На основе публикаций федеральной газеты SDZ за 2016, 2019 и 2022 гг. был осуществлен подсчет контекстов с номинациями, вербализующими каждый маркер каузального параметра. Объем выборки составил 1 567 контекстов за 2016 г., 628 за 2019 г. и 563 за 2022 г. Полученные результаты представлены в табл. 1 (самые высокие и самые низкие показатели выделены жирным шрифтом).

Результаты анализа демонстрируют: доминирующую позицию по частотности употребления занимает маркер «поиск убежища», что обусловлено высокой частотностью лексических единиц *Asylbewerber* и *Asylsuchende*. В анализируемый период данные номинации использовались преимущественно для обозначения беженцев с Ближнего Востока и Украины. Несмотря на динамику снижения частотности данных номинаций к 2022 г., тематика, связанная с лицами, ищущими убежище, сохраняет лидирующие позиции в немецком медиадискурсе.

Таблица 1. Количество контекстов с номинациями, вербализирующими каузальный параметр (на примере газеты SDZ 2016, 2019, 2022 гг.)
Table 1. The number of contexts containing nominations that verbalize the causal parameter (based on SDZ newspaper, 2016, 2019, 2022)

№	Маркеры каузального параметра	Период		
		2016 г.	2019 г.	2022 г.
	Общее количество контекстов	1567	628	563
Количество контекстов по маркерам (%)				
1.	образовательный	0,1	0,2	0,2
2.	трудовой	6,5	8,1	17,1
3.	«поиск убежища»	82,3	76,9	55,8
4.	военно-политический	8,2	9,7	24,4
5.	экономический	2,7	2,8	1,9
6.	экологический	0,2	2,3	0,6

На втором месте по степени актуализации в немецких СМИ занимает военно-политический маркер. Пиковые значения в 2016 и 2022 гг. коррелируют с геополитической обстановкой в мире, а именно с вооруженными конфликтами в Сирии и Украине, которые стали причиной возникновения новых волн вынужденной миграции из указанных стран в Германию. К 2022 г. рост количества словоупотреблений увеличился втрое, так как в основном беженцы из Украины определялись как *Kriegsflüchtling*.

Трудовой маркер занимает третье место в рейтинге частотности словоупотреблений. В таблице наблюдается рост показателей к 2022 г., что объясняется несколькими причинами. Во-первых, данные показатели обусловлены экономической ситуацией в стране. В 2022 г. в Германии были зафиксированы рекордные показатели безработицы, в связи чем в немецких медиатекстах упоминались трудовые мигранты. Во-вторых, всплеск количества номинаций, вербализирующих трудовой маркер, в 2022 г. связан с международной дискуссией в СМИ о бойкоте Чемпионата мира по футболу в Катаре на фоне сообщений о нарушении прав трудовых мигрантов.

Употребление лексических единиц с экономическим маркером в немецких медиатекстах характеризуется значительным снижением к 2022 г. Данная тенденция объясняется смещением дискурсивных норм в сторону большей толерантности, в рамках которых указание на экономические мотивы миграции является неэтичным в публикациях СМИ.

Согласно полученным данным, образовательный и экологический маркеры на протяжении всего исследуемого периода остаются наименее выраженными. Частотность номинаций, связанных с образовательной миграцией, остается стабильно низкой во всех трех временных срезах. Экологический маркер является самым малоупотребительным и функционирует преимущественно в контексте прогнозов о глобальных климатических изменениях или дебатах о защите окружающей среды. Лишь небольшой рост словоупотреблений наблюдается в 2019 г., что совпадает с периодом высокой активности молодежного движения “Fridays for future”, участники которого выступают за разработку мер по борьбе с глобальным потеплением.

Следующий этап исследования включает подсчет частотности лексических единиц, репрезентирующих маркер «поиск убежища» и военно-политический маркер, для определения наиболее употребительной номинации в СМИ и последующего анализа контекстов с частотными номинациями. Для начала в корпусе DeReKo осуществлен поиск всех словоформ каждой номинации, далее произведен подсчет всех контекстов с номинациями каждого маркера. В табл. 2

представлено количество контекстов с соответствующими номинациями в процентном соотношении к общему количеству собранных контекстов по каждой газете (жирным выделены самые высокие показатели).

Данные таблицы свидетельствуют о высокой частотности лексической единицы *Asylbewerber* в структуре каузального параметра категоризации мигрантов. Анализ медиатекстов позволил выявить тенденцию к употреблению номинаций *Asylbewerber* и *Asylsuchende* в качестве синонимов, однако NdM фиксирует между данными номинациями некоторые семантические расхождения. Термином *Asylbewerber* обозначают лиц, уже подавших ходатайство о предоставлении убежища, но еще не получивших официального решения от Федерального ведомства по миграции и беженцам. Номинация *Asylsuchende* применяется к беженцам, которые лишь планируют подать заявление на предоставление убежища⁴. Следует отметить, что в дефиниции лексической единицы *Asylbewerber* указывается на ее некорректность, поскольку право на убежище является неотъемлемым правом человека и не подлежит одобрению или же неодобрению [26, с.142]. В качестве предпочтительной альтернативы предлагается использование термина *Schutzsuchende*. Однако анализ контекстов продемонстрировал игнорирование данной рекомендации авторами медиатекстов, что подтверждается частотностью ее употребления.

Таблица 2. Количество контекстов с номинациями, вербализирующими маркер «поиск убежища»
Table 2. The number of contexts containing nominations that verbalize the marker “asylum seeking”

№	Лексические единицы	Название газеты	Количество контекстов с существительными (%)		
			Süddeutsche Zeitung	Rheinische Post	Die Zeit
Всего контекстов за 2016–2022 гг.			3198	4041	910
1.	Asylberechtigte		2	2	2
2.	Asylbewerber		68	68	67
3.	Asylsuchende		19	20	18
4.	Schutzsuchende		10	9	10
5.	Kontingentflüchtlinge		1	1	3

Наименьшие частотные показатели зафиксированы у лексических единиц *Asylberechtigte* и *Kontingentflüchtling*. Пик употребления данной номинации, согласно словарю DWDS⁵, приходится на 1989 г., далее наблюдается спад количества словоупотреблений. За 2016–2022 гг. ее использование минимизировано, что отражает общую тенденцию к толерантной репрезентации немцев в СМИ. Номинация *Kontingentflüchtling* служит для обозначения двух групп: лиц, принимаемых Германией в рамках квотных гуманитарных программ, а также репатриантов еврейского происхождения из постсоветского пространства. В исследуемом нами корпусе данная лексическая единица использовалась в незначительном количестве. Число словоупотреблений лексической единицы *Asylberechtigte* низкое, так как фокус внимания СМИ находится на проблемах не тех, кто получил убежище, а только подающих заявление.

Для дальнейшего определения тематических доминант в немецких медиатекстах с маркером «поиск убежища» нами проведен корпусный анализ контекстов с лексической единицей *Asylbewerber*, так как данная лексическая единица является наиболее частотной номинацией анализируемого маркера. Динамика употребления данной номинации за 2016–2022 гг. (рис. 1)

⁴ Glossar der neuen deutschen Medienmacher. URL: <https://glossar.neuemedienmacher.de/themen/> (дата обращения: 10.11.2025).

⁵ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 18.11.2025).

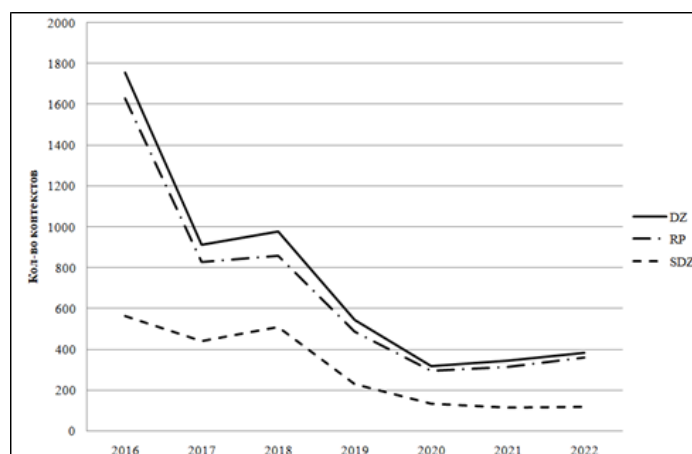

Рис. 1. Динамика частотности номинации „Asylbewerber“ в газетах DZ, SDZ, RP за 2016–2022 гг.

Fig. 1. Dynamics of the frequency of the nomination “Asylbewerber” in the newspapers DZ, SDZ, RP from 2016 to 2022

наглядно демонстрирует спад количества словоупотреблений после 2016 г., что связано с уменьшением количества публикаций в СМИ на тему прибытия беженцев в Германию и вопросов, связанных с предоставлением убежища.

Показательно, что в 2022 г., несмотря на массовый поток украинских беженцев, частотность употребления исследуемой лексической единицы сохранила стабильность относительно показателей 2021 г. Данный факт позволяет сделать вывод о формировании различных медиаобразов сирийских и украинских беженцев, несмотря на единую цель их прибытия – получение убежища. В то время как сирийские беженцы проходили стандартную процедуру рассмотрения ходатайств, для выходцев из Украины действовали специальные правовые механизмы, упрощающие данный процесс.

С помощью программы автоматического анализа текстов MAXQDA нами установлены наиболее частотные языковые единицы, их абсолютная частота (далее – АЧ) в контекстах с лексической единицей *Asylbewerber* (табл. 3).

Анализ частотных лексических единиц в контекстах позволил выявить некоторые сходства и различия в конструировании образа данной группы в федеральных СМИ и региональной газете. Во всех исследуемых изданиях наблюдается высокая частотность лексемы *Flüchtling*, которая организует тематическое единство миграционного медиадискурса. Высокая частотность лексических единиц *Land*, *Monat*, *Zahl*, *Prozent*, *Polizei* указывает на преобладание в медиатекстах информации о административных и статистических аспектах миграции. В медиaprостранстве обсуждаются вопросы количества беженцев, проценты удовлетворения прошений на предоставление убежища, а также меры поддержания правопорядка. Тем самым частотный лексический состав медиатекстов свидетельствует о прагматической установке дискурса на категоризацию мигрантов в рамках административных и статистических показателей, что формирует институционализованные способы интерпретации данного социального явления и позволяет манипулировать мнением читателей.

Следует отметить, что в общенациональных изданиях SDZ и DZ дискурс имеет ярко выраженную политизированность. Об этом свидетельствует частотность употребления имен политических деятелей (H. Seehofer, A. Merkel, J. Herrmann, T. de Maizière) и партий (CSU), что отражает идеологическое противоборство вокруг миграционной политики государства по отношению к ищущим убежища с Ближнего Востока. Топонимы *Berlin* и *Chemnitz* служат дискурсивными маркерами локализации наиболее острых дискуссий о мигрантах. Кроме того, активное использование лексики, связанной с депортацией (*abgelehnte Asylbewerber*, *Abschiebung*),

Таблица 3. Частотность лексических единиц с ключевым словом „Asylbewerber“
Table 3. The frequency of lexical units containing the keyword “Asylbewerber”

№	Süddeutsche Zeitung		Rheinische Post		Die Zeit	
	Слово	АЧ	Слово	АЧ	Слово	АЧ
1.	Flüchtling	1502	Flüchtling	2732	Flüchtling	291
2.	Land	781	Stadt	1652	abgelehnt	82
3.	Abschiebung	499	Euro	796	Prozent	74
4.	Zahl	478	Zahl	743	Staat	68
5.	abgelehnt	456	Land	725	Chemnitz	65
6.	Seehofer	395	Unterkunft	657	Monat	61
7.	CSU	360	Person	629	Zahl	61
8.	Monat	341	Prozent	553	fragen	55
9.	Prozent	336	unterbringen	508	neu	55
10.	abschieben	321	Wohnung	494	Abschiebung	52
11.	Berlin	310	Kind	427	Stadt	52
12.	Polizei	309	anerkannte	416	Migrant	50
13.	Behörde	283	Monat	389	Polizei	48
14.	Euro	261	Familie	365	Merkel	47
15.	Merkel	255	Polizei	353	Asyl	46

подчеркивает проблемные аспекты, фокусирует внимание на регулятивных аспектах миграционного дискурса, способствует формированию образа определенной части мигрантов как социальной и экономической нагрузки для страны. Частотность слов *Behörde* (SDZ) и *Staat* (DZ) в общенациональных газетах подчеркивает роль государственных институтов в управлении миграционными процессами, включая финансовые аспекты, а именно выплату социальных пособий мигрантам (*Euro*). В федеральном издании *DZ* глагол *fragen* отражает проблемную направленность немецкого миграционного дискурса, что свидетельствует о возникновении в обществе и правительстве множества вопросов и опасений в связи с динамикой прибытия новых мигрантов (*neu*).

В региональной газете *RP* фокус смещен в сторону вопросов интеграции мигрантов, о чем свидетельствует частотность словосочетания *anerkannte Flüchtlinge* (табл. 4). Это позволяет сделать вывод о том, что федеральные издания сконцентрированы на макрополитических и проблемных аспектах прибытия мигрантов в Германию, в то время как региональное издание уделяет внимание непосредственно вопросам размещения мигрантов и их адаптации.

Анализ частотных лексических единиц в региональном издании *RP* позволил выявить особую гуманистическую направленность дискурса. Частотность использования номинации *Person* актуализирует принципы юридического равенства и универсальности прав человека вне зависимости от происхождения, что свидетельствует о формировании в региональных СМИ образа мигрантов, как людей, нуждающихся в правовой защите.

Акцент на интеграции, адаптации и необходимости принятия беженцев реализуется также через группу лексических единиц, связанных с размещением беженцев: *Asylbewerber unterbringen*, *städtische Unterkunft*, *angemietete Wohnung* (табл. 4). Особое внимание в медиадискурсе уделяется теме семьи, где в фокусе находятся вопросы интеграции детей в немецкое общество, воссоединения семей беженцев. Освещение данных аспектов миграции подчеркивает трудности уязвимой группы населения (детей) и вызывает сочувствие у читателей.

Таблица 4. Частотность словосочетаний со словом „Asylbewerber“
Table 4. The frequency of collocations with the word “Asylbewerber”

№	Süddeutsche Zeitung		Rheinische Post		Die Zeit	
	Словосочетание	АЧ	Словосочетание	АЧ	Словосочетание	АЧ
1.	abgelehnt Asylbewerber	416	anerkannte Flüchtlinge	93	abgelehnte Asylbewerber	80
2.	Horst Seehofer	121	Jahre alt	86	Angela Merkel	12
3.	de Maizièrè	91	Asylbewerber unterbringen	77	Horst Seehofer	9
4.	Angela Merkel	72	städtische Unterkunft	63	Jahr alt	8
5.	Flüchtling BAMF	61	geflüchtete Menschen	53	Asyl beantragen	8
6.	anerkannte Asylbewerber	57	Kreis Viersen	50	Hartz IV	8
7.	Joachim Herrmann	56	Hartz IV	49	Asylbewerber klagen	7
8.	Inland Berlin	44	Stadt Kleve	44	Flüchtlinge aufnehmen	7
9.	Rückführung abgelehnt	37	angemietete Wohnung	44	syrische Asylbewerber	7

Сравнительный анализ федеральных и региональных СМИ позволяет выявить различия в дискурсивных стратегиях освещения миграционных процессов в Германии. В общенациональных изданиях доминируют административные аспекты, о чем свидетельствуют имена собственные, наименования организаций (*BAMF*), словосочетания (*Asyl beantragen*, *Flüchtlinge aufnehmen*). Региональное издание ориентируется на локальный контекст, который прослеживается в частотности употребления наименования городов и районов федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия (*Kreis Viersen*, *Stadt Kleve*), маркирующих конкретные места расселения мигрантов. Тема социальных пособий для беженцев (*Hartz IV*) также отражает практические аспекты интеграции в регионе.

Далее нами будут рассмотрены номинации, вербализирующие **военно-политический маркер** каузального параметра категоризации мигрантов. Помимо указанных в табл. 5 лексических единиц, военно-политический маркер включает номинации *Ausgebürgerter*, *Verbannter*, *Heimatloser*, однако количество их словоупотреблений за анализируемый период составило менее 1%. В связи с этим они не учитывались в ходе дальнейшего анализа.

Таблица 5. Количество контекстов с номинациями, вербализирующими военно-политический маркер
Table 5. The number of contexts containing nominations that verbalize the marker “military-political”

№	Лексические единицы	Название газеты	Süddeutsche Zeitung	Rheinische Post	Die Zeit
Всего контекстов за 2016–2022 гг.			536	523	181
Количество контекстов со словосочетаниями (%)					
1	Politisch Verfolgte		26	13	31
Количество контекстов с существительными (%)					
2	Kriegsflüchtlinge/Bürgerkriegsflüchtlinge		61	77	55
3	Heimatvertriebener		13	10	14

Лексическая единица *politisch Verfolgte* с 2016 по 2022 г. использовалась в контексте обсуждения правовых аспектов миграционной политики, однако не применялась для непосредственного описания статуса беженцев с Ближнего Востока и Украины. Номинация *Heimatvertriebener* подчеркивает вынужденный характер миграции и употреблялась для обозначения обеих групп мигрантов, подчеркивая, что люди остались без родины. Доминирующей номинацией в данной

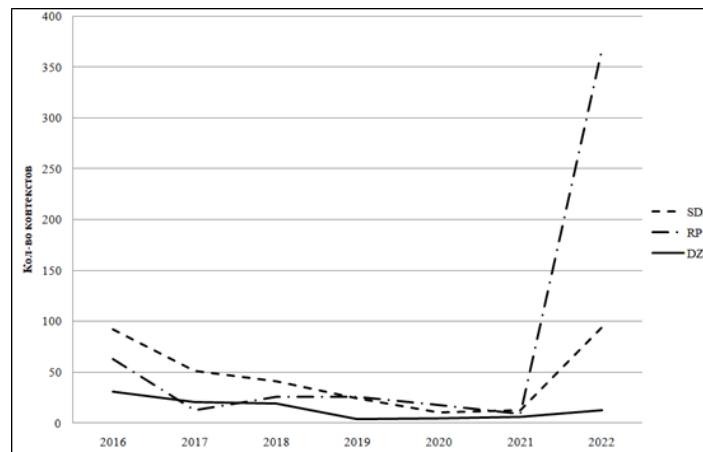

Рис. 2. Динамика частотности номинации „Kriegsflüchtling“ в газетах DZ, SDZ, RP за 2016–2022 г.

Fig. 2. Dynamics of the frequency of the nomination “Kriegsflüchtling” in the newspapers DZ, SDZ, RP from 2016 to 2022

категории выступает *Kriegsflüchtling*, что подтверждается количественными показателями (324 – SDZ, 523 – RP, 99 – DZ). Для обеспечения полноты выборки для автоматического анализа контекстов использовалась поисковая формула **kriegsflüchtling**, которая позволила включить в результаты поиска также контексты с номинацией *Bürgerkriegsflüchtling*. Динамика употребления данной номинации (рис. 2.) свидетельствует о различной репрезентации миграционных волн в Германию в 2016 и 2022 г. Пик частотности словоупотребления лексической единицы *Kriegsflüchtling* приходится на 2022 г., т.е. на время прибытия украинских беженцев. Исходя из данных графика можем заключить, что для обозначения беженцев с Ближнего Востока данная номинация использовалась незначительно.

Анализ количественных данных позволяет выявить значимую корреляцию между миграционными потоками и дискурсивными практиками. Из графика частотности номинации *Asylbewerber* (рис. 1) следует, что термин не являлся доминирующим в медиадискурсе в 2022 г., по сравнению с *Kriegsflüchtling* (рис. 2). Это свидетельствует о целенаправленном использовании номинации *Kriegsflüchtling* для обозначения именно украинских беженцев, что соответствует статистическим данным: в 2023 г. Германия приняла рекордные 1 056 416 лиц из Украины, превысив показатели приема других европейских стран⁶. Использование данного термина позволяет заключить о стремлении подчеркнуть особые причины миграции с целью формирования эмпатичного отношения к группе военных беженцев и побуждения к содействию их интеграции [25, с. 156].

Отметим, что военные беженцы (*Kriegsflüchtling*), в отличие от заявителей на предоставление убежища (*Asylbewerber*), «получают статус субсидиарной защиты, если они не соответствуют критериям Женевской конвенции, но нуждаются в защите»⁷. Этот правовой режим предусматривает предоставление военным беженцам упрощенную процедуру трудоустройства, получения образования и социальных пособий, что способствует их ускоренной интеграции в немецкое общество.

Наиболее частотные лексические единицы в контекстах с лексической единицей *Kriegsflüchtling* представлены в табл. 6.

⁶ Flüchtlinge aus der Ukraine // Mediendienst Integration. URL: <https://mediendienst-integration.de/migration/flucht-asyl/ukrainische-fluechtlinge.html> (дата обращения 20.10.2025).

⁷ Чопсиева Г.М. Дискурсивные практики языкового конструирования образа мигранта в немецкоязычном медиадискурсе: дисс. ... канд. филол. наук: 5.9.6. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2024. С. 149.

Таблица 6. Частотность лексических единиц
с ключевым словом „Kriegsflüchtling/Bürgerkriegsflüchtling“

Table 6. The frequency of lexical units containing the keyword “Kriegsflüchtling/Bürgerkriegsflüchtling”

№	Süddeutsche Zeitung		Rheinische Post		Die Zeit	
	Слово	АЧ	Слово	АЧ	Слово	АЧ
1.	Flüchtling	167	Ukraine	397	Flüchtling	29
2.	Land	112	Flüchtling	308	Land	25
3.	Ukraine	89	Stadt	282	Syrien	15
4.	Zahl	69	Kind	171	neu	13
5.	Syrien	59	Land	129	Europa	12
6.	Türkei	55	helfen	115	fliehen	11
7.	Prozent	49	Kreis	112	Recht	11
8.	Schutz	49	ukrainisch	97	Asyl	10
9.	Europa	48	Hilfe	94	Krieg	10
10.	aufnehmen	41	Euro	90	Schutz	10
11.	syrisch	38	aufnehmen	88	aufnehmen	9
12.	Krieg	37	geflüchtete	86	Heimat	9
13.	Kind	35	unterbringen	79	helfen	9

Во всех трех изданиях в числе самых частотных единиц находятся *Flüchtling*, *Land*, *aufnehmen*. Данные лексические единицы свидетельствуют о повсеместной проблеме массового прибытия беженцев, их размещения и интеграции в стране.

Сопоставительный анализ частотных лексических единиц, выявленных в корпусе текстов с номинацией *Kriegsflüchtling*, подтверждает различные подходы изданий к конструированию образа мигрантов. Региональное издание RP демонстрирует выраженную практико-ориентированную направленность дискурса, сфокусированную на решении актуальных проблем. Высокая частотность лексических единиц *Ukraine/ukrainisch*, *Stadt/Kreis*, *unterbringen* и *Euro* свидетельствует о фокусе на локализации проблемы размещения и финансирования украинских беженцев в земле Северный Рейн-Вестфалия. Активное использование единиц *helfen/Hilfe* и *Kind* формирует образ мигрантов как нуждающихся в активном социальном участии и эмпатии.

Общенациональные издания, в свою очередь, освещают более глобальные вопросы. SDZ, наряду с освещением украинского кризиса, сохраняет фокус на беженцах из Сирии и Турции (*Ukraine*, *Syrien*, *Türkei*), что отражает аналитический подход издания и комплексный анализ миграционной повестки, включая международный контекст. Частотность лексики *Zahl/Prozent*, *Europa* подчеркивает статистический и геополитический ракурс освещения. В отличие от нее, DZ имеет гуманитарный фокус, концентрируется на нормативно-правовом аспекте, актуализируя понятия *Schutz*, *Asyl*, *Recht* в рамках общеевропейских ценностей (*Europa*).

Общим для всех изданий является точка зрения относительно необходимости приема беженцев, которая вербализируется через глагол *aufnehmen*. Однако пути освещения этой темы кардинально различаются: от решения конкретных задач на региональном уровне (RP) до анализа глобальных последствий (SDZ) и обсуждения фундаментальных прав человека (DZ).

Заключение

Проведенное корпусно-дискурсивное исследование позволило установить, что лингвистическая категоризация мигрантов в немецком медиапространстве осуществляется посредством устойчивой и воспроизводимой системы лексических номинаций, семантический центр которых образует каузальный параметр, т.е. имплицитное или эксплицитное указание на причину

миграционного притока. Выявленная лингвистическая система номинаций мигрантов в немецком языке, включающая маркеры: образовательный, трудовой, «поиск убежища», военно-политический, экономический и экологический, выступает не пассивным отражением, а активным дискурсивным механизмом конструирования социальной реальности. Верификация концепции каузального параметра как системной и вербализуемой семантико-прагматической категории на материале немецкого миграционного дискурса позволила перейти от изолированного анализа отдельных лексем немецкого языка к описанию целостного лингвистического механизма, управляющего процессом социальной категоризации. Установлено, что наиболее выраженными в анализируемый период в немецком медиадискурсе являются военно-политический маркер и маркер «поиск убежища», что отражает актуальные причины миграции.

Корпусный анализ использования номинаций каузального параметра в федеральных („Süddeutsche Zeitung“, „Die Zeit“) и региональных („Rheinische Post“) изданиях не только позволяет выявить тематические доминанты в медиатекстах о мигрантах, но и вносит вклад в понимание функционирования современного немецкого языка. Так, в общенациональных немецких СМИ актуализируются номинации, связанные с административно-правовым полем (*Abschiebung, Asylbewerber, Behörde*), что формирует образ миграции как макрополитической проблемы и регуляторного вызова, а в региональном издании фокус смещается на лексику интеграции и гуманитарной помощи (*anerkannte Flüchtlinge, helfen, unterbringen*), способствуя формированию более эмпатичного восприятия мигрантов.

Динамика употребления ключевых номинаций каузального параметра наглядно демонстрирует, как немецкий язык оперативно реагирует на изменения социально-политической повестки, предлагая различные номинативные рамки для сходных миграционных потоков. Это свидетельствует о глубокой связи между языковым выбором, текущим историческим моментом и формируемым медиаобразом мигранта в Германии. Диахронический анализ показал, что конструирование образа мигранта зависит от социокультурного контекста. Эволюция употребления номинаций *Asylbewerber* и *Kriegsflüchtling* в периоды интенсификации миграционных потоков в страну (2016 и 2022 гг.) демонстрирует, что каузальный компонент номинации мигрантов коррелирует с изменением актуальной социо-политической ситуации.

Таким образом, полученные результаты имеют значение для осмысления динамики языковых явлений в Германии в период миграционных процессов, а также вносят вклад в развитие миграционной лингвистики, корпусной лингвистики, дискурс-анализа и медиалингвистики, уточняя представления о роли номинативных единиц в функционировании немецкого языка. Расхождение между рекомендуемой лингвистической нормой (например, в немецких глоссариях) и реальной немецкой медиапрактикой (в проанализированных изданиях) указывает на то, что языковая политика в Германии, направленная на гуманизацию дискурса, сталкивается с инерцией сложившихся немецких дискурсивных практик и, возможно, с неосознаваемыми идеологическими установками. С другой стороны, фиксация снижения частотности экономических номинаций в немецком медиадискурсе отражает постепенную эволюцию языковой нормы в сторону большей семантической точности и этической корректности. В результате немецкий миграционный медиадискурс выступает как платформа, где происходит борьба за значение используемых номинаций, а язык служит не только инструментом, но и полем социальных трансформаций. В перспективе предложенная методология анализа каузального параметра может быть применена для сопоставительных исследований в других лингвокультурных контекстах, что позволит выявить универсальные и специфические черты языковой репрезентации миграции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Niehr T.** Migrationsdiskurs // *Handbuch Sprachkritik* / hrsg. von T. Niehr, J. Kilian, J. Schiewe. Stuttgart: J.B. Metzler, 2020. S. 225–232. DOI: 978-3-476-04852-3_2981
2. **Чернявская В.Е.** Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017. № 50. С. 135–148. DOI: 10.17223/19986645/50/9
3. **Чернявская В.Е.** Деонтическое значение ключевого слова в дискурсе: westliche Werte (западные ценности) в немецком общественном пространстве как предмет анализа, направляемого корпусом // *Terra Linguistica*. 2025. Т. 16, № 1. С. 82–98. DOI: 10.18721/JHSS.16106
4. **Niehr T., Dickmeis E., Jakobs E.-M., Trevisan B.** Neue Wege der linguistischen Diskursforschung // *Zeitschrift für Diskursforschung*. 2015. Bd. 3, Nr. 2. S. 113–136.
5. **Иссерс О.С.** Разговор о гражданском обществе: дискурсивные практики в СМИ и блогосфере // *Мова*. 2013. № 20. С. 80–84.
6. **Нефедова Л.А.** Дискурсивные практики коммуникации в условиях социального дистанцирования (взгляд сквозь призму немецкого языка) // *Язык и культура*. 2021. № 56. С. 62–75 DOI: 10.17223/19996195/56/4
7. **Зубарева Е.О.** Модель миграционного дискурса // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2019. Т. 5, № 1. С. 35–45. DOI: 10.22250/2410-7190_2019_5_1_35_45
8. **Ленец А.В., Зарипова А.Н.** Лингвокультурный и прагматический аспекты использования терминов-реалий в медийных сообщениях о миграции (на материале медийного дискурса Германии и Австрии) // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*. 2018. Т. 8, № 4 (29). С. 73–81.
9. **Боровицкая Е.И., Серебрякова С.В.** Лингвокультурный образ мигранта в современных американских романах и их переводах. Ставрополь: Ставропольское издательство «Параграф», 2022. 208 с.
10. **Wodak R. Russo K.E.** Introduction. The Representation of “Exceptional Migrants” in Media Discourse // *Anglistica AION*. 2017. Vol. 21, Iss. 2. P. 1–6. DOI: 10.19231/angl-aion.201720
11. **Морозова М.Е.** «Социальный новояз» в современном немецком языке (практика лингвосемантических отношений в языке). М.: Проспект, 2022. 168 с.
12. **Ядченко Е.И.** Тематический анализ дискурсии как базовый этап в исследовании дискурса мигрантов // *Бизнес. Образование. Право*. 2012. № 4 (21). С. 30–34.
13. **Волков Ю.Г., Курбатов В.И.** Форматы конструирования образа мигранта в современном российском медийном дискурсе // *Социально-гуманитарные знания*. 2023. № 7. С. 47–52.
14. **Findor A., Hruška M., Jankovská P., Pobudová M.** Re-examining public opinion preferences for migrant categorizations: “Refugees” are evaluated more negatively than “migrants” and “foreigners” related to participants’ direct, extended, and mass-mediated intergroup contact experiences // *International Journal of Intercultural Relations*. 2021. Vol. 80. P. 262–273. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.12.004
15. **Рыбаковский Л.Л.** Классификация миграции: основания и таксоны // *Народонаселение*. 2016. № 3 (73). С. 4–16.
16. **Kritzman-Amir T.** The Shifting Categorization of Immigration Law // *Columbia Journal of Transnational Law*. 2020. Vol. 58, Iss. 1. P. 279–331.
17. **Robertson Sh.** Status-making: Rethinking migrant // *Journal of Sociology*. 2019. Vol. 55, Iss. 2. P. 219–233. DOI: 10.1177/1440783318791761
18. **Пантина А.В.** Медиапортрет современного иммигранта (на примере интернет-издания *Regnum*) // *Век информации*. 2020. Т. 8, № 2. С. 67–72.
19. **Якимова О.А.** Репрезентация мигрантов в российских массмедиа и ее динамика (2010–2020 гг.) // *Siberian Socium*. 2020. Т. 4, № 4 (14). С. 22–40. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-4-22-40
20. **Зубарева Е.О.** Когнитивно-корпусный анализ образа «мигрант» // *Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом*. 2021. № 2. С. 51–55.
21. **Иванова О.А.** Лингвокультурная идентификация понятия “der Fremde” – «чужой» в материалах СМИ Германии // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2019. № 11 (827). С. 178–189.
22. **Сюткина Н.П.** К вопросу об эмотивно-интенсивно-каузативном категориальном семантическом комплексе // *Евразийский филологический вестник*. 2024. № 1 (5). С. 49–60.

23. **Чопсиева Г.М., Ленец А.В.** Актуализация экзогенного признака мигрантов в немецком миграционном медиадискурсе: корпусный анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2025. Т. 22, № 1. С. 212–231. DOI: 10.21638/spbu09.2025.112

24. **Wyszynski M.C., Guerra R., Bierwaczonek K.** Good refugees, bad migrants? Intergroup helping orientations toward refugees, migrants, and economic migrants in Germany // Journal of Applied Social Psychology. 2020. Vol. 50, Iss. 10. P. 607–618. DOI: 10.1111/jasp.12699

25. **Ленец А.В., Чопсиева Г.М.** Стратегия номинации как способ социальной категоризации образа мигранта в немецкоязычном медиадискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 152–160. DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_152

REFERENCES

[1] **Niehr T.**, Migrationsdiskurs, Handbuch Sprachkritik, ed. by T. Niehr, J. Kilian, J. Schiewe, J.B. Metzler, Stuttgart, 2020, pp. 225–232. DOI: 978-3-476-04852-3_2981

[2] **Chernyavskaya V.E.**, Towards Methodological Application of Discourse Analysis in Corpus-Driven Linguist, Tomsk State University Journal of Philology, 50 (2017) 135–148. DOI: 10.17223/19986645/50/9

[3] **Chernyavskaya V.E.**, Deontic meaning of a discursive key word: corpus-assisted analysis of westliche Werte (western values), Terra Linguistica, 16 (1) (2025) 82–98. DOI: 10.18721/JHSS.16106

[4] **Niehr T., Dickmeis E., Jakobs E.-M., Trevisan B.**, Neue Wege der linguistischen Diskursforschung, Zeitschrift für Diskursforschung, 3 (2) (2015) 113–136.

[5] **Issers O.S.**, Onversation about Civil Society: Discursive Practices in the Media and the Blogosphere, Mova, 20 (2013) 80–84.

[6] **Nefedova L.A.**, Discursive Communication Practices in Conditions of Social Distancing (A Look through the Prism of the German Language), Language and Culture, 56 (2021) 62–75. DOI 10.17223/19996195/56/4

[7] **Zubareva E.O.**, The Model of Migration Discourse, Theoretical and Applied Linguistics, 5 (1) (2019) 35–45. DOI: 10.22250/2410-7190_2019_5_1_35_45

[8] **Lenets A.V., Zaripova A.N.**, Linguoculture and Pragmatics Aspects of the USE of Culture-Bound terms in Mass Media Messages Regarding Migration (Based on Mass Media Discourse in Germany and Austria), Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics, 8 (4 (29)) (2018) 73–81.

[9] **Borovitskaya Ye.I., Serebryakova S.V.**, Lingvokulturnyy obraz migranta v sovremennykh amerikanskikh romanakh i ikh perevodakh [The linguacultural image of the migrant in contemporary American novels and their translations], Stavropol Publisher “Paragraph”, Stavropol, 2022.

[10] **Wodak R. Russo K.E.**, The Representation of “Exceptional Migrants” in Media Discourse. Introduction, Anglistica AION, 21 (2) (2017) 1–6. DOI: 10.19231/angl-aion.201720

[11] **Morozova M.Ye.**, “Sotsialnyy novoyaz” v sovremennom nemetskom yazyke (praktika lingvosemanticheskikh otnosheniy v yazyke) [“Social newspeak” in modern German: practices of linguosemantic relations in language], Prospekt, Moscow, 2022.

[12] **Yadchenko Ye.I.**, Thematic Discourse Analysis as a Basic Step in the Study of Discourse of Migrants, Business. Education. Law, 4 (21) (2012) 30–34.

[13] **Volkov Yu.G., Kurbatov V.I.**, Formats for Constructing the Image of a Migrant in Modern Russian Media Discourse, Social and Humanitarian Knowledge, 7 (2023) 47–52.

[14] **Findor A., Hruška M., Jankovská P., Pobudová M.**, Re-examining public opinion preferences for migrant categorizations: “Refugees” are evaluated more negatively than “migrants” and “foreigners” related to participants’ direct, extended, and mass-mediated intergroup contact experiences, International Journal of Intercultural Relations, 80 (2021) 262–273. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.12.004

[15] **Rybakovsky L.L.**, Classification of Migration: Base and Taxons, Population, 3 (73) (2016) 4–16.

[16] **Kritzman-Amir T.**, The Shifting Categorization of Immigration Law, Columbia Journal of Transnational Law, 58 (1) (2020) 279–331.

[17] **Robertson Sh.**, Status-making: Rethinking migrant, Journal of Sociology, 55 (2) (2019) 219–233. DOI: 10.1177/1440783318791761

[18] **Pantina A.V.**, A Media Portrait of a Modern Immigrant (an Example of the “Regnum” Internet Media), *Information Age*, 8 (2) (2020) 67–72.

[19] **Iakimova O.A.**, Representation of Migrants in the Russian Mass Media and Its Dynamics (2010–2020), *Siberian Socium*, 4 (4 (14) (2020) 22–40. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-4-22-40

[20] **Zubareva E.O.**, Cognitive and Corpus Analysis of the Image of ‘Migrant’, *Mezhdunarodnyy aspirantskiy vestnik. Russkiy yazyk za rubezhom [International Postgraduate Bulletin. Russian Language Abroad]*, 2 (2021) 51–55.

[21] **Ivanova O.A.**, Linguistic and Cultural Identification of the Notion ‘Der Fremde’ – “Alien” in the German Media, *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11 (827) (2019) 178–189.

[22] **Syutkina N.P.**, To the Issue of Emotional-Intensive-Causative Categorical Semantic Complex (by the Example of the German Verbs), *Eurasian Philological Bulletin*, 1 (5) (2024) 49–60.

[23] **Chopsieva G.M., Lenets A.V.**, Actualization of the exogenous feature of migrants in German migration media discourse: Corpus analysis, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 22 (1) (2025) 212–231. DOI: 10.21638/spbu09.2025.112

[24] **Wyszynski M.C., Guerra R., Bierwiazzonek K.**, Good refugees, bad migrants? Intergroup helping orientations toward refugees, migrants, and economic migrants in Germany, *Journal of Applied Social Psychology*, 50 (10) (2020) 607–618. DOI: 10.1111/jasp.12699

[25] **Lenets A.V., Chopsieva G.M.**, Nomination strategy as a way to socially categorize the image of a migrant in german media discourse, *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2 (33) (2023) 152–160. DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_152

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Юсифли Гюльсум МамедКызы

Giulsum M. Iusifli

E-mail: chopsieva@sfedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4039-2064>

Ленец Анна Викторовна

Anna V. Lenets

E-mail: annalenets@sfedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7394-3259>

Поступила: 30.11.2025; Одобрена: 19.02.2026; Принята: 25.02.2026.

Submitted: 30.11.2025; Approved: 19.02.2026; Accepted: 25.02.2026.

Research article

UDC 81'42

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17105>

EDN: <https://elibrary/OJSYMF>

DISCURSIVE MARKERS OF AUTHORIAL STANCE IN ENGLISH-LANGUAGE ACADEMIC COMMUNICATION BY NATIVE AND NON-NATIVE SPEAKERS (BASED ON AZERBAIJANI PRACTICE)

N. Dashdamirova

Azerbaijan Medicine University, Baku, Azerbaijan

 ndasdemirova@amu.edu.az

Abstract. This study examines how authorial stance is expressed in academic writing by native English speakers (L1) and non-native English speakers (L2), with a focus on the use of discourse markers such as hedges (markers of mitigation), boosters (markers of epistemic strengthening), attitude markers, and self-mentions. The aim of the study is to identify cross-linguistic and cross-disciplinary differences and evaluate how rhetorical and institutional conventions influence L2 authors' stance strategies. A comparative corpus-based methodology was employed. The analysis drew on two corpora: the British Academic Written English and the Michigan Corpus of Upper-Level Student Papers, supplemented by original academic texts written by students at the Azerbaijan Medical University. Using Hyland's metadiscourse model, stance markers were extracted through lexicon-based queries and manually verified in context. Data were compared across disciplines (engineering vs business) and author status (L1 vs L2). The findings reveal that L2 authors, especially in technical disciplines, tend to overuse hedging and avoid self-mentions, often due to rhetorical traditions that discourage personal voice. In contrast, L1 authors exhibit greater lexical diversity and a balanced use of stance markers. In business-related texts, L2 authors show more assertive and expressive stance, though still limited in range compared to native speakers. Stance in academic writing is not only a linguistic but also a culturally and institutionally mediated phenomenon. The study underscores the need for targeted instruction in metadiscourse to enhance L2 authors' rhetorical awareness and help them align with academic norms of different disciplines.

Keywords: stance, academic writing, hedge, booster, attitude marker, self-mention.

Citation: Dashdamirova N., Discursive Markers of Authorial Stance in English-Language Academic Communication by Native and Non-Native Speakers (Based on Azerbaijani Practice), Terra Linguistica, 17 (1) (2026) 79–100. DOI: 10.18721/JHSS.17105

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ НА РОДНОМ И НЕРОДНОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПРАКТИКИ)

Н. Дашдамирова

Азербайджанский медицинский университет, Баку, Азербайджан

 ndasdemirova@amu.edu.az

Аннотация. В данном исследовании рассматривается, как выражается авторская позиция (stance) в академическом письме носителями английского языка (L1) и теми, для кого английский является неродным (L2), с акцентом на использование дискурсивных маркеров, таких как хеджеры (маркеры смягчения высказывания), бустеры (маркеры усиления эпистемической уверенности), маркеры оценки и выражения авторского «я». Целью является выявление межъязыковых и междисциплинарных различий, а также оценка того, как риторические и институциональные нормы влияют на стратегии выражения позиции у L2-авторов. Исследование основано на сопоставительном корпусном анализе. В качестве эмпирической базы использовались два корпуса – British Academic Written English и Michigan Corpus of Upper-Level Student Papers, дополненные оригинальными академическими текстами студентов Азербайджанского медицинского университета. С использованием модели метадискурса Хайланда маркеры оценки извлекались по лексическим признакам и проверялись вручную в контексте. Данные сравнивались по дисциплинам (инженерия vs. бизнес) и по статусу авторов (L1 vs. L2). Результаты показывают, что L2-авторы, особенно в технических дисциплинах, склонны к чрезмерному использованию хеджеров и избеганию самоупоминаний, что часто обусловлено риторическими традициями, не поощряющими персонализированный стиль. В отличие от них, L1-авторы демонстрируют большую лексическую вариативность и более сбалансированное использование маркеров позиции. В текстах по бизнесу L2-авторы проявляют более уверенную и экспрессивную позицию, хотя их речевая лексическая база недостаточно широкая по сравнению с носителями языка. Авторская позиция в академическом письме определяется не только языковыми, но и культурными и институциональными факторами. Исследование подчеркивает необходимость целенаправленного обучения метадискурсу для повышения риторической осведомленности L2-авторов и их успешной адаптации к академическим нормам разных дисциплин.

Ключевые слова: позиция говорящего, академическое письмо, хеджер, усиливающее высказывание, маркер оценки, выражение авторского «я».

Для цитирования: Дашдамирова Н. Дискурсивные маркеры авторской позиции в англоязычной академической коммуникации на родном и неродном языке (на материале азербайджанской практики) // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 1. С. 79–100. DOI: 10.18721/JHSS.17105

Introduction

In academic writing, authors employ various linguistic resources to communicate effectively with readers, one of the most important being the expression of *authorial stance* – the writer’s attitude, viewpoint, or degree of commitment to the propositional content [1]. Stance is broadly defined as “the feeling, attitude, perspective, or position of the speaker/writer as expressed in discourse” [2], or, as Zheltova formulates, “the linguistic mechanisms used by speakers and writers to convey their personal feelings and assessments” [3]. Through stance, authors signal their orientation to the topic, calibrate the strength of their claims, and persuade readers of their arguments. Concordance analysis provides micro-contexts in which stance is realized, showing how specific lexical items function syntactically

and semantically, and helping verify whether hedges, boosters, and attitude markers are used in a nuanced and discipline-appropriate way [4].

In this study, stance-related terms follow established frameworks. According to Hyland [5, 6], *hedging* expresses tentativeness or reduced commitment (e.g., *might, possibly, it seems that...*), while *boosting* strengthens epistemic certainty (e.g., *clearly, undoubtedly, it is evident that...*). The broader notion of *epistemic stance* is drawn from Biber et al.¹ and Martin & White [7], referring to the writer's epistemic or attitudinal positioning. These definitions ensure consistency and clear differentiation among stance phenomena.

Constructing an appropriate stance is essential in academic discourse. As Hyland notes, "it is impossible not to take a position in a text," and writers inevitably present themselves as either confident or cautious, shaping how readers perceive their work [6]. Effective academic writing relies on interactional metadiscourse, including hedges, boosters, attitude markers, and self-mention, which help modulate commitment, express evaluation, and signal authorial presence. Proper use of these devices contributes to persuasive and coherent scientific argumentation [8].

The study of stance markers is justified because their mastery is widely viewed as a hallmark of advanced academic writing. For many students, especially non-native (L2) writers, articulating stance is challenging, as these linguistic mechanisms often remain tacit knowledge that is difficult to acquire without explicit instruction [9]. Research shows that novice writers, both native (L1) and L2, tend to misbalance stance expression: they may overuse boosters or underuse hedges. L1 English students usually achieve a more flexible balance between confidence and caution, whereas L2 writers often struggle to convey calibrated commitment. Hyland & Milton [10] note that many learners have a more limited range of mitigating devices compared to native speakers, resulting in texts that appear either overly blunt or overly cautious.

Corpus-based studies offer valuable evidence on how stance markers are deployed by different writer groups. The BAWE² corpus (≈ 6.5 million words) provides multidisciplinary samples of student writing [11], while the MICUSP³ corpus includes 2.6 million words of top-rated papers across 16 disciplines [12]. These corpora are widely used as representative benchmarks for comparing L1 and L2 academic writing [13].

The aim of this article is to examine how stance markers function in academic writing by L1 and L2 users of English. The study compares hedging (attenuation) and boosting (intensification) strategies in L1 and L2 student texts using data from BAWE and MICUSP, drawing on examples from several disciplines – including engineering and the social sciences – to determine how signalling of certainty and uncertainty varies depending on writers' linguistic backgrounds.

The present research is of significant theoretical and practical value for applied and corpus linguistics, as it advances understanding of how stance is expressed in academic writing across linguistic and cultural contexts. Prior studies [5, 14, 15] highlight that stance and engagement markers play a central role in constructing authorial identity and positioning within disciplinary discourse. The topic is increasingly relevant in light of the internationalization of higher education and the active involvement of L2 English speakers in global academic communication [16]. By comparing the use of hedges, boosters, attitude markers, and self-mentions in L1 and L2 academic writing, this study addresses a gap noted in earlier corpus-based research, which often lacked systematic comparison linking linguistic form to rhetorical function [10, 17, 18].

The findings also contribute to pedagogy by offering empirical insight into the difficulties L2 writers face in calibrating certainty and tentativeness – a recurring theme in studies of academic discourse competence [19, 20]. These results may inform targeted instructional practices aimed at improving

¹ Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E., Longman Grammar of Spoken and Written English, John Benjamins Publishing Company, London, 2021. DOI: 10.1075/z.232

² BAWE – British Academic Written English.

³ MICUSP – Michigan Corpus of Upper-Level Student Papers.

metadiscursive competence and rhetorical awareness. Moreover, the study supports the development of cross-linguistic models of academic discourse [21, 22], crucial for fostering effective intercultural communication in multilingual scholarly environments.

Despite extensive theoretical discussion of stance in academic discourse, less attention has been paid to how stance markers are actually distributed and function across disciplines in student academic writing. Much of the existing research focuses either on published expert texts or on isolated categories of stance, without systematically comparing L1 and L2 student writing across disciplinary domains. As a result, it remains unclear how differences in linguistic background interact with disciplinary conventions in shaping patterns of hedging, boosting, evaluation, and authorial presence. Addressing this gap requires an empirical, corpus-based approach that can reveal not only overall frequencies but also discipline-specific tendencies in stance realization.

To succeed at the tertiary level, students must master not only disciplinary content and grammar but also the nuanced skill of expressing certainty, uncertainty, evaluation, and authorial presence. Mastery of stance marking is widely regarded as a key indicator of advanced academic literacy, as metadiscourse plays a central role in constructing authorial voice, negotiating claims, and engaging readers. Thus, focusing on stance markers is well-justified, as it targets a core dimension of academic writing proficiency and contributes to broader metadiscourse scholarship.

While previous studies have extensively documented L1–L2 differences in stance expression, including tendencies toward cautiousness in technical disciplines and limited repertoires of stance devices (e.g., Hyland, Vassileva, Hinkel), the present study does not aim to replicate these findings at a descriptive level. Its contribution lies in the integrated analytical design and interpretative focus. Specifically, this research combines writer status (L1 vs. L2), disciplinary domain (engineering vs. business/management), and corpus status (BAWE, MICUSP, and an original Azerbaijan Medical University (AMU) learner corpus) within a single comparative framework. Unlike earlier studies focusing on a single corpus type or disciplinary domain, the present analysis includes L2 academic writing from medical and technical contexts that remain underrepresented in previous research. Moreover, the study moves beyond frequency-based comparison to examine the functional diversity and repertoire breadth of stance markers, interpreting excessive cautiousness not as a linguistic deficit but as an institutionally and pedagogically conditioned rhetorical strategy. This multidimensional perspective allows for a more nuanced understanding of stance as a context-sensitive and socially mediated phenomenon.

This study addresses the following research questions:

(1) How do L1 and L2 student writers differ in their use of stance markers (hedges, boosters, attitude markers, self-mentions) across disciplinary domains?

(2) To what extent do these differences reflect disciplinary conventions versus language-proficiency factors?

Based on prior works [5, 9], the following hypotheses are proposed:

– L2 writers will use a narrower set of hedging and boosting devices, relying mainly on modal verbs to express epistemic stance;

– L1 writers will exhibit greater lexical diversity and more balanced stance profiles across genres;

– disciplinary norms (e.g., engineering vs. business/management) will shape these contrasts, producing more cautious tone in technical writing and greater assertiveness in social-science texts.

Literature Review

Corpus linguistics provides a crucial foundation for analyzing stance in academic writing, allowing quantitative and qualitative investigation of linguistic behavior across genres and disciplines. Prior research indicates that stance varies not only by proficiency level but also by rhetorical context. Aull [23], for example, shows that even advanced undergraduates display strong genre-dependent variation:

argumentative essays contain more attitude markers and self-mentions, while lab reports favor hedging and impersonal style. This demonstrates that stance is a rhetorical choice shaped by disciplinary norms rather than a fixed linguistic feature. This view is further supported by corpus-based studies of academic discourse, which show that increased explicitness in academic texts is often achieved through discourse-level resources. As noted by Serova, “increased text explicitness is characterized by a higher frequency of personal, possessive and demonstrative pronouns, as well as discourse markers used for clarification and contrast” [24].

Although corpus-based studies such as Siu et al. [1] and Dalaf [25] offer valuable empirical evidence, they often do not address the rhetorical or institutional motivations behind frequency patterns. Siu et al. [1] found that Hong Kong engineering students underused approximative hedges and self-mentions compared to U.S. peers, yet did not consider how local pedagogical traditions might promote excessive caution. Dalaf’s work [25] highlights L2 reliance on formulaic stance expressions but stops short of explaining how stance competence develops during academic socialization.

Other research provides complementary insights. Chen [26] shows that L2 business theses often combine excessive boosting with frequent hedging, producing oscillatory stance profiles. However, the study does not clarify whether this reflects uncertainty, L1 rhetorical transfer, or gaps in pedagogical training. The present study advances this line of inquiry by interpreting stance behavior through the interaction of linguistic, cultural, and institutional factors. This distinction is also confirmed by recent studies of evaluative discourse in academic communication. As shown in research on open peer review, “positive evaluations are mainly objectivized, explicit and non-graduated, whereas negative evaluations tend to be subjectivized, implicit, and dialogic, allowing room for alternative viewpoints” [27, p. 58].

However, Hyland’s studies [5, 6, 9, 10] primarily focus on expert and advanced student writing in Anglophone contexts and do not systematically address stance variation in medical and technical L2 student writing across disciplinary domains. Yet his model has been critiqued for emphasizing textual function while giving limited attention to the socio-institutional voices behind stance choices. Conversely, Biber’s multidimensional approach⁴ provides detailed grammatical correlates but lacks rhetorical interpretation. Although later studies have extended both frameworks, few integrate functional and sociocultural perspectives within a single empirical design [9, 14, 15].

Cross-cultural studies by Vassileva [17] and Dontcheva-Navratilova [18] demonstrate that writers from different linguistic backgrounds show distinct tendencies in self-reference and epistemic caution. However, these works focus primarily on published research articles rather than student writing, leaving open questions about how stance develops at earlier stages of academic literacy. More recent reviews, such as Pearson & Abdollahzadeh [13], emphasize the need for replication and clearer operationalization of stance categories, noting that many corpus-based studies lack methodological consistency or reflection on model applicability across genres. However, these studies focus predominantly on published research articles and do not examine how commitment and detachment are realized in student academic writing within specific disciplinary and institutional contexts.

The present study addresses these limitations by adopting an integrated comparative design. It combines quantitative corpus-based analysis with qualitative functional interpretation of stance markers and examines L1 and L2 student writing within a unified analytical framework. By comparing stance strategies across disciplines and institutional contexts, the study moves beyond descriptive inventories of markers and offers a more comprehensive account of how authorial positioning is negotiated in academic discourse. It re-evaluates Hyland’s framework [9, 10] through the lens of Biber’s grammatical insights and treats stance⁵ not only as a linguistic feature but also as a culturally shaped rhetorical practice. This view is supported by research on politeness and discourse markers in written

⁴ Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E., Longman Grammar of Spoken and Written English, John Benjamins Publishing Company, London, 2021. DOI: 10.1075/z.232

⁵ Ibid.

communication. As shown by Gurova, “the Danish written communication uses various politeness markers depending on the type of discourse and the imperative” [28, p. 60], which confirms that the choice of pragmatic markers is closely linked to genre- and discourse-specific conventions rather than purely grammatical factors.

Unlike previous research that examines L1 and L2 writing separately, this study places both within a unified comparative design, analyzing how hedging and boosting vary across disciplines and native-ness. Furthermore, it moves beyond simple inventories of markers to investigate their rhetorical functions in context, thereby linking quantitative patterns with qualitative insights. Through this integrated approach, the article offers a critical synthesis of prior work and provides empirical evidence that advances the theoretical understanding of stance as both a linguistic and socio-cognitive construct.

Methods and Materials

The empirical material for the study was drawn from two established student corpora, BAWE and MICUSP, complemented by a purpose-built learner subcorpus compiled by the author. The BAWE corpus was used as the baseline reference for L1 academic writing, as it consists of assessed texts produced by native speakers of English in UK higher education across multiple disciplines. From BAWE, texts in engineering and business-related fields were selected to establish discipline-specific stance norms characteristic of L1 student writing. The MICUSP corpus was employed as a benchmark corpus representing high-proficiency Anglophone academic writing. Given that MICUSP contains top-graded papers written by advanced undergraduate and graduate students, it was used to model target rhetorical and stance practices rather than to represent a separate L1 or L2 population (see Table 1).

Table 1. Composition of the study corpus

Corpus/Subcorpus	Writer status	Disciplinary domain	Number of texts (n)	Total words	Mean text length
BAWE	L1	Engineering	15	27,600	1,840
BAWE	L1	Management/business	15	28,200	1,880
MICUSP	High-proficiency reference	Engineering	15	29,100	1,940
MICUSP	High-proficiency reference	Management/business	15	30,000	2,000
The AMU learner corpus	L2 (Azerbaijan)	Engineering-oriented medical/technical writing	15	26,700	1,780
The AMU learner corpus	L2 (Azerbaijan)	Management-oriented medical writing	15	27 300	1,820
Total	–	–	90	168,900	–

All frequencies of stance markers were normalized per 1,000 words. Texts shorter than 1,500 words or longer than 2,000 words were excluded to ensure comparability across subcorpora.

Stance was operationalized through Hyland’s metadiscourse model [5], which distinguishes four categories: hedges (mitigation), boosters (assertive reinforcement), attitude markers, and self-mention. Texts by L1 and L2 writers were compared across disciplinary domains (technical vs. social-humanities). Candidate markers were extracted through targeted searches and validated using KWIC⁶ to confirm functional usage. The analysis is descriptive in distributional terms, with differences interpreted through pragmatic and pedagogical perspectives.

⁶ KWIC – Key Word in Context.

Although both Hyland [5] and Biber⁷ address stance-related features, Hyland's taxonomy serves as the primary analytical framework due to its functional coherence and direct relevance to rhetorical and pedagogical aims. Biber's multidimensional approach is used only for comparative reference. All markers were coded according to Hyland's four categories, following the definitional criteria in Hyland [6] and Hyland & F. Jiang [9], ensuring consistency and replicability.

The dataset consists of academic essays and reports taken from BAWE and MICUSP, balanced by discipline (engineering/civil vs. business/management) and writer status (15 L1 UK-based students; 15 advanced L2 students from AMU enrolled in ESP courses). Each student produced 1,500–2,000-word texts. Paratextual material (references, tables, appendices) was excluded to avoid skewing results.

Stance markers were counted only when they operated within clause-level propositional meaning to express epistemic commitment, evaluation, or authorial presence:

- *Hedges*: lexical/grammatical devices signaling probability or reduced commitment (e.g., *may*, *might*, *possibly*, *it seems that...*), excluding deontic uses;
- *Boosters*: expressions strengthening certainty or confidence (e.g., *clearly*, *undoubtedly*, *it is evident that...*);
- *Attitude markers*: items expressing evaluative or affective stance without increasing epistemic certainty (e.g., *importantly*, *notably*, *regrettably*, *we agree that...*);
- *Self-mention*: first-person references (*I*, *we*, *our*) marking the author's presence in relation to the current research, not humanity in general.

Ambiguous tokens were resolved through contextual paraphrase tests and coder consensus. Each stance marker was counted once per clause, and multiword units (e.g., *it is likely that...*, *it is clear that...*) were treated as single instances. The annotation process combined automated keyword retrieval with manual KWIC validation to confirm functional use. Two independent coders cross-checked a 20 % random sample, achieving an inter-rater reliability of $\kappa = 0.85$, which indicates strong agreement. Discrepancies and borderline cases were documented in an audit log to ensure traceability. The complete codebook and representative examples are provided in the appendices to facilitate replication by future researchers.

The identification and coding of stance markers followed a two-stage procedure. In the first stage, all potential stance-related items were automatically retrieved from the corpora using a pre-defined lexicon derived from Hyland's taxonomies [5, 9]. This lexicon included representative items for four functional categories – *hedges*, *boosters*, *attitude markers*, and *self-mentions*. In the second stage, each candidate occurrence was manually checked in its immediate context using KWIC concordances to verify its functional role and exclude false positives (e.g., modal verbs not used epistemically). Two trained coders independently validated 20 % of the data; inter-coder agreement reached 0.89 (Cohen's κ), indicating high reliability. Discrepancies were discussed and resolved through consensus. This multi-step coding ensured transparency, replicability, and functional accuracy of the stance classification. All frequencies were normalized per 1,000 words to enable comparability across texts and disciplines.

Results

Quantitative corpus analysis demonstrates statistically grounded differences in the distribution of stance markers between L1 and L2 academic writing. All frequencies were normalized per 1,000 words to ensure cross-corpus comparability. The analysis targeted four stance categories – hedges, boosters, attitude markers, and self-mention – identified via concordance-based procedures in the BAWE and MICUSP subcorpora. The results indicate a higher relative frequency of hedging and self-mention in L1 texts, contrasted with an increased use of boosters and attitude markers in L2 writing. The aggregated quantitative outcomes are reported in Table 2.

⁷ Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E., Longman Grammar of Spoken and Written English, John Benjamins Publishing Company, London, 2021. DOI: 10.1075/z.232

Table 2. Frequency of stance markers (per 1,000 words)

Type of marker	L1 writers (BAWE/MICUSP)	L2 writers	Difference (L2–L1)
Hedges	6.2	3.9	–2.3
Boosters	2.1	4.7	+2.6
Attitude markers	1.8	3.4	+1.6
Self-mention	4.5	2.2	–2.3

Quantitative analysis demonstrates a systematic overuse of boosters and attitude markers by L2 writers, combined with a relative underuse of hedging devices. As shown in Table 2, the frequency of attitude markers in L2 texts (3.4 per 1,000 words) almost doubles that observed in L1 academic writing (1.8), suggesting a tendency toward evaluative over-explicitness.

Stance in Academic Genres: Calibrating Commitment through Hedges and Boosters. The notion of stance is closely tied to metadiscourse and the authorial voice in academic texts. Within K. Hyland’s model, markers of author positioning fall into four categories: hedges (devices that signal uncertainty or soften commitment), boosters (devices that intensify commitment and assert confidence), attitude markers (items that express the writer’s evaluative or affective orientation to the proposition), and self-mention (explicit reference to the author through first-person forms such as *I* or *we*) [5]. These resources allow the writer to calibrate the strength of claims, signal an evaluative orientation to the proposition, and determine the degree of textual presence. “Modern concordancers can provide more accurate analyses based on the large-scale data stored in corpora, which facilitates the examination of various aspects of language.” [29, p. 201]. Leveraging such concordance-based evidence allows us to operationalize stance categories empirically – identifying the inventories, frequencies, and co-texts of hedging forms in BAWE/MICUSP – before turning to their functional definition.

As recent discourse-oriented research emphasizes, analytical attention should be directed to “discourse structures, lexical-semantic constellations, metaphorical models, and pragmatic strategies in the chosen writings” [30, p. 129]. Hedging refers to the use of lexical and grammatical devices that soften categorical force. Typical hedges include modal verbs and adverbs (e.g., *might*, *may*, *likely*, *perhaps*) and clausal frames such as *it is possible that...*, which recast a proposition as tentative or probabilistic rather than definitive [31]. By employing hedges, the author can disclaim full responsibility for the truth of a proposition, presenting it as probable – grounded in plausible reasoning – rather than as an established fact⁸. Thus, hedging preserves space for alternative viewpoints and signals politeness toward potential reader objections. In short, hedges indicate that the writer does not foreclose the discussion, thereby legitimizing alternative interpretations [32]. Examples of hedging in Russian academic prose include formulas such as *можно предположить, что...*, *вероятно, что...*, *не исключено, что...*; in Azerbaijani academic prose, comparable hedges are *güman etmək olar ki...*, *yəqin ki...*, *ola bilsin ki...*, *ola bilər ki...*, *ehtimal olunur ki...*, *istisna edilmir ki...*

Boosting (strengthening the claim), by contrast, has the opposite pragmatic effect: it asserts high speaker commitment and narrows the space for alternative readings (e.g., *definitely*, *certainly*, *clearly*, *undoubtedly*, *it is clear that...*), thereby inviting readers to accept the proposition as established rather than tentative [6]. Boosters (e.g., *definitely*, *certainly*; in Russian *безусловно*, *несомненно*; in Azerbaijani *şübhəsiz*, *mütləq*, *qəti*, *açıq-aydın*, *heç bir şübhə yoxdur ki...*, *şübhəsizdir ki...*, *təlumdur ki...*) signal a high degree of authorial commitment to the truth of a proposition and thus narrow the space for alternative interpretations. By employing boosters, the writer underscores the unequivocal validity of their results or arguments and aligns with the reader in accepting these claims [33]. For example, the sentence “Obviously, the data we obtained confirm the hypothesis” contains a certainty marker (*obviously*) that amplifies the categorical force of the claim. As Hyland & Jiang [9] observe, the choice

⁸ Khanbutayeva L., Psycholinguistic Problems of Syntactic Units. Doctor of Sciences (Philology) dissertation thesis, Baku, 2022.

between hedges and boosters indexes the writer's degree of commitment to a preferred interpretation of the evidence and a strategic intent to shape readers' perceptions. Polite academic interaction requires balance: overusing boosters can read as dogmatic, whereas judicious hedges project scientific caution and objectivity.

Attitude markers encode the writer's affective/evaluative orientation to a proposition (not epistemic certainty). Typical English items include *importantly, notably, fortunately/unfortunately, surprisingly, we agree / we are concerned that..., it is noteworthy that..., significant, striking, trivial*. Russian parallels: *важно отметить, что..., примечательно, что..., к сожалению..., удивительно, что..., мы считаем / согласны / не согласны, что...* Azerbaijani parallels: *vacibdir ki..., diqqətəlayiqdir ki..., təəssüf ki..., təəccüblüdür ki..., biz hesab edirik ki... / razıyıq / razı deyilik ki...* Used sparingly and in discipline-appropriate registers, these markers flag importance or (dis)agreement without inflating epistemic commitment [34]. They include, for example, verbs of opinion (*agree, prefer*), sentence adverbials (*unfortunately, surprisingly*), and composite constructions such as *we hope that...* In academic prose, the range of permissible emotions and evaluations is deliberately constrained – overt displays of strong feeling are generally avoided – yet it remains acceptable to signal the importance of a result (*it is important to note that...*), surprise (*it is noteworthy that...*), or agreement/disagreement. Phrases like *it should be noted with regret...* or *it is noteworthy that...* function as attitude markers indicating the writer's stance toward the reported facts. Studies show that student writers sometimes overuse highly affect-laden expressions where experienced authors would opt for a more neutral register; thus, student essays often feature words such as *incredible, astonishing, or stunning*, whereas faculty-authored articles are markedly more restrained. “Beginning students overused boosters and underused hedges as opposed to more advanced student writers and professional writers who preferred expressing stance with caution and tentativeness rather than assertiveness.” [34, p. 120]. At the same time, judicious attitude markers allow authors to foreground the salience or unexpectedness of findings while remaining within disciplinary decorum.

Based on the conducted analysis of the two participant groups, several consistent patterns emerged. For example, in the L1 corpus, attitude markers were used strategically and moderately, serving primarily to highlight significance (*it is important to note that...*) or indicate evaluative distance (*it is interesting to observe that...*). The L1 writers demonstrated a strong sense of disciplinary decorum, avoiding excessive emotional colouring and preferring neutral or hedged expressions. Their stance was typically encoded through adverbial constructions (*notably, significantly*) and metadiscursive comments that aligned with genre conventions of academic prose.

In contrast, L2 writers tended to overuse overtly affective or subjective expressions, often transferring discourse habits from their first language (Azerbaijani) into English. Frequent items included *unfortunately, very important*, and intensifiers such as *really* or *very interesting*. In several cases, L2 writers combined epistemic and affective stance in single clauses, resulting in redundant or stylistically inflated statements (e.g., *it is very important and we strongly believe that this result is true*).

Quantitative comparison showed that the mean frequency of attitude markers per 1,000 words was 1.8 for L1 and 3.4 for L2 participants. However, qualitative analysis revealed that L1 writers used a wider range of nuanced lexical items, whereas L2 writers relied on a limited set of high-salience adverbs. These findings confirm that the mastery of attitudinal stance involves not only lexical knowledge but also pragmatic awareness of academic tone and disciplinary conventions.

Self-mention denotes the writer's explicit presence in the text, typically realized through first-person forms (*I, we*) and other self-referential expressions [35]. The use of the first person in scholarly writing varies across disciplines and traditions: authors in the humanities employ first-person forms far more frequently, whereas an impersonal style predominates in the natural sciences. By inserting themselves into the text (e.g., *in this study, we propose...*), writers assume responsibility for the exposition, construct an authorial voice, and project a particular scholarly identity. An impersonal

presentation can create an aura of objectivity, but at the same time distances the author from their claims. Thus, the choice between first-person reference and impersonal constructions is a deliberate rhetorical move for managing authorial persona: a more “personal” style is characteristic of the social sciences and humanities, while a more “objectivized” style tends to characterize technical and hard-science prose [6]. It has been observed that many L2 writers avoid the first-person pronoun *I* as allegedly inappropriate for scientific prose, although in Anglophone practice the moderate use of *I/we* is acceptable, and at that time necessary for clarity (e.g., when describing research procedures).

Accordingly, stance markers furnish authors with tools for signalling degrees of certainty/uncertainty, expressing evaluative orientation, and marking authorial presence. A balanced deployment of these resources is a core component of academic literacy and shapes both the persuasiveness and the decorum of scholarly communication. As Mammadli & Habibova have noted, “persuasion is a normal part of scholarly rhetoric – researchers use evidence, logical argument, and appeals to shared values of inquiry to convince colleagues of a claim... the line between acceptable persuasion and unethical manipulation can be thin.” [36, p. 30].

To illustrate differences in the use of hedging and boosting by native and L2 writers, we consider two cases drawn from the BAWE and MICUSP corpora across distinct disciplines. This approach goes beyond general observation, grounding the analysis in concrete corpus examples. In this regard, concordance analysis is particularly relevant, as it enables systematic examination of the semantic and syntactic contexts in which hedging and boosting markers occur, thereby allowing more precise identification of their semantic–functional roles [4, p. 90].

Case 1: Engineering (civil engineering). In the BAWE corpus (L1 engineering essays), stance is typically realized through concise and cautious phrasing:

- (1) *It appears that the data collected in the second phase may not fully support the initial hypothesis.*
- (2) *This result seems to suggest a possible correlation rather than a definitive causal link.*

In contrast, the MICUSP-based L2 corpus demonstrates a narrower range of hedging expressions:

- (3) *It can be said that the pressure was possibly affected by the external conditions.*
- (4) *We can assume that the system might work in different environments.*

These examples show that L2 writers rely heavily on modal verbs (*may, might, can*), while L1 writers employ a broader set of epistemic verbs (*appear, suggest*) and adverbials (*likely, possibly*), signaling a more nuanced approach to uncertainty.

Siu et al. [1] compared final-year theses by engineering students in Hong Kong (English as L2, civil engineering) with those of American students (L1, from MICUSP) in the same field. It was found that in L2 students’ technical reports certain types of hedging occur markedly less frequently than in papers by native speakers. In particular, the Hong Kong authors employed approximative hedges (e.g., *generally, mostly*) and evidential verbs (e.g., *seem, appear, suggest*) less often. Moreover, L2 students virtually avoided pronominal hedging, i.e., cautious first-person statements (e.g., *I believe that..., we consider...*), whereas such forms appeared occasionally in L1 texts. Instead of a diverse repertoire of mitigating strategies, L2 writers relied primarily on modal verbs (*may, might, etc.*) as their chief means of signalling uncertainty. Consequently, the overall number of hedge markers in L2 texts even exceeded that in L1 (driven by frequent modals); however, the variety and subtlety of hedging in L2 were lower [1]. With respect to boosters, L2 engineering texts are marked by underuse: L2 students include expressions of confidence far less often than their American counterparts. In other words, L1 writers in engineering papers more readily employ categorical formulations (*definitely, beyond doubt, etc.*), whereas L2 authors tend to maintain a more cautious tone. This example indicates that in technical domains L2 students are over-cautious – their texts abound in modal conjectures but lack the degree of assertiveness typical of L1 work.

Case 2: Social sciences (economics/business). Typical L1 examples from BAWE business texts include:

(5) *It is important to note that consumer satisfaction largely depends on perceived service quality.*

(6) *The findings may be interpreted as indicative of a gradual market shift.*

By contrast, in L2 theses (Chen, 2025 corpus), expressions tend to be more assertive and affective:

(7) *Undoubtedly, the results clearly prove the success of the implemented strategy.*

(8) *It is very important to emphasize that our approach is more effective.*

These data illustrate the oscillatory stance noted in the quantitative findings – L2 writers combine categorical boosters (*clearly, undoubtedly*) with strong evaluative adjectives (*very important*), creating a more expressive rhetorical profile than their L1 counterparts.

A different picture emerges in Chen's [26] corpus study of business-administration theses written by Chinese L2 students, which were compared against the BAWE corpus. In contrast to the technical domain, the L2 texts here were more categorical than those of L1 writers. The number of boosting devices in the Chinese students' theses substantially exceeded that found in comparable texts by British students. Put simply, L2 business writers used assertive lexemes (e.g., *definitely, undoubtedly*) much more frequently than L1 writers, who articulated conclusions more cautiously. At the same time, hedging was also more frequent in the L2 texts. This ostensibly paradoxical pattern suggests that the Chinese students simultaneously loaded their writing with both mitigating qualifiers and categorical boosters, likely an attempt to deploy all familiar academic devices for scientific caution and persuasiveness, without always sensing the fine line between judicious hedging and over-assertion. The resulting stance profile in L2 business theses is more expressive, with frequent oscillation between strengthening and softening moves, whereas L1 texts are typically more even and balanced.

Taken together, these cases show that the impact of author status (L1 vs. L2) on stance varies by disciplinary domain. In engineering writing, both L1 and L2 authors face strong norms of objectivity, yet L2 writers tend to be overly cautious. In management/economics, by contrast, L2 students – seeking persuasiveness – may even exceed L1 peers in directness while also hedging heavily. Analyses should therefore consider not only nativeness but also disciplinary conventions: the social sciences/humanities are generally more tolerant of overt authorial presence and evaluation, whereas technical fields demand a more restrained tone [19]. This may partly explain why the differences between L1 and L2 authors manifest differently across the cases examined.

Case 3: Medical Sciences (the AMU learner corpus vs. the MICUSP corpus). L1 medical reports often present claims through cautious formulations:

(9) *The obtained results indicate a potential link between exposure level and immune response.*

(10) *It is plausible that the discrepancy arises from measurement limitations.*

In the AMU learner corpus, stance tends to be expressed more directly:

(11) *It is clear that the experiment strongly supports the hypothesis.*

(12) *Unfortunately, the number of participants was limited.*

The comparison shows that L2 writers compensate for restricted lexical variety with overt evaluative and emotional markers (it is clear, unfortunately), while L1 authors prefer implicit, evidential phrasing (indicate, plausible). This difference highlights how cultural and pedagogical traditions shape rhetorical choices.

In our study, a similar pattern was observed in the medical domain, where academic essays written by advanced Azerbaijani EFL⁹ students (L2) were compared to research reports authored by native English-speaking medical students (L1) from the MICUSP corpus. The results demonstrated both parallels and divergences from Siu et al.'s findings in engineering [1].

Like the Hong Kong group, Azerbaijani L2 writers displayed a restricted range of hedging and attitude devices. The most frequent hedges were modal verbs (*may, might, could*), often appearing in formulaic constructions such as *this may indicate...* or *it could be suggested that...* However, approximative adverbs (*roughly, generally, relatively*) and lexical hedges (*seems, tends to, suggests that*) were

⁹ EFL – English as a Foreign Language.

rare. As in Siu et al. [1], pronominal hedging (e.g., *we believe that...*, *we assume that...*) was almost absent, reflecting the influence of local academic conventions, where impersonality and deference to authority are highly valued.

Interestingly, L2 writers in the medical group overcompensated through attitude markers, using overt evaluative expressions like *it is very important to note that...*, *unfortunately, the data are limited...*, or *it is clear that...* In contrast, L1 writers preferred structurally embedded evaluations, e.g., *the data reveal a consistent pattern...*, which convey stance indirectly. Quantitative data revealed that L2 writers used 2.7 attitude markers per 1,000 words, compared to 1.5 in L1 texts, but only half the lexical diversity.

This finding supports Hyland & F. Jiang's [9] observation that disciplinary and cultural factors interact in stance expression: while native writers calibrate confidence through balanced use of hedges and boosters, L2 writers tend toward either over-hedging or explicit evaluation. In the AMU learner corpus, this tendency likely stems from interference of L1 rhetorical habits and limited exposure to discipline-specific English discourse models.

Discussion

Pedagogical practices contribute to L1–L2 differences in stance use, as metadiscourse is often insufficiently addressed in academic writing instruction. Numerous studies confirm that L2 writers experience persistent difficulties in expressing stance, as “stance expressions are difficult to master for learners in academic writing” [22, p. 250]. A key dimension, often overlooked, is the institutional and disciplinary context in which academic writing occurs. Stance is shaped not only by linguistic competence but also by the rhetorical norms of specific discourse communities. As Hyland [37] and Swales [38] note, disciplines cultivate distinct expectations regarding acceptable authorial presence, the framing of claims, and appropriate degrees of certainty. Technical and medical fields tend to promote impersonal, objectivity-oriented styles, whereas the social sciences encourage more dialogic and self-reflexive voices. Understanding these institutionalized conventions helps explain L1–L2 contrasts: L2 writers' choices reflect not only linguistic limitations but also the academic cultures in which they were trained. This perspective is reinforced by work in social and educational linguistics, which emphasizes the institutional grounding of communicative practices. As Kulikova argues, “language use should be viewed not only as a structural system but primarily as a socio-pragmatic resource shaped by institutional, educational and cultural practices” [39, p. 24].

Pragmatic competence plays a major role. Calibrating assertiveness and caution are a skill L1 writers acquire gradually through participation in academic discourse. L2 writers, by contrast, often struggle to express polite doubt and either avoid hedging or use it formulaically. Hyland & Milton [9] report that Chinese students frequently fail to mitigate categorical claims appropriately, despite having analogous means in their L1. This difficulty is reinforced by prior writing instruction where hedging and stance-taking were neither emphasized nor explicitly taught, leading L2 writers to sound either overly blunt or excessively cautious.

Cultural-rhetorical norms further shape stance. Academic traditions differ in how they construe the author's role and acceptable degrees of explicitness. In the Anglo-American context, independent authorial voice and acknowledgment of alternative views are both valued, motivating frequent use of hedges, caveats, and modals¹⁰. In other educational cultures, students are taught to write “objectively,” avoiding first-person reference and overt expressions of uncertainty. Consequently, many L2 writers avoid *I* in academic texts, having internalized an impersonal style. This tendency appears, for example, in engineering writing: Hong Kong students rarely used self-mention, whereas American students did so occasionally [1]. Attitudes toward expressing doubt also vary – in some contexts, it is perceived as weakness, while in international academic discourse, it signals intellectual rigor. These cultural and

¹⁰ Khanbutayeva L., Psycholinguistic Problems of Syntactic Units, Doctor of Sciences (Philology) dissertation thesis, Baku, 2022.

institutional factors jointly influence how actively students employ hedges, boosters, and other stance markers.

An important factor that must be taken into account is the pedagogy of academic writing itself. When instructors devote insufficient or only superficial attention to metadiscourse, L2 students may fail to develop even a basic awareness of what stance markers are, how they function rhetorically, and why they matter for the reception of a text by the academic community [40]. In such cases, students approach writing primarily as a matter of grammar and vocabulary, without grasping that a large part of persuasiveness, credibility, and disciplinary positioning depends on the ability to signal attitude, commitment, or caution.

Another complication lies in the inconsistent or even contradictory guidance students receive. For instance, some style manuals or instructors explicitly discourage the use of “tentative” language. A familiar dictum is: “If you do not have compelling evidence, do not hedge with formulations such as it may be possible that...” [4, p. 91]. Taken literally, such advice risks pushing novice writers into avoiding hedging altogether, even in contexts where it is pragmatically necessary, thereby producing a rigid, overly categorical, and sometimes confrontational prose style. Instead of nuance and careful qualification, the text ends up projecting “black-and-white” claims that may be rhetorically ineffective and academically inappropriate.

At the opposite end of stance-taking challenges, an overemphasis on objectivity in academic writing instruction can discourage students from expressing an explicit authorial voice. Research shows that in many educational contexts students associate the use of *I* or other overt stance markers with a lack of academic rigor [41–43]. Consequently, they avoid self-mention and compensate through passive constructions, nominalizations, and impersonal phrasing. Although these strategies may project objectivity, they often reduce clarity, obscure agency, and weaken argumentative precision. The present data reflect this tendency: several L2 writers in the corpus avoid self-reference even in interpretive sections, aligning with institutional norms that privilege impersonality over authorial visibility. This confirms that stance-taking is not purely linguistic but also socially and pedagogically conditioned. Such interpretation is consistent with a broader socio-pragmatic view of academic discourse. As noted in social and discourse linguistics, “critical discourse analysis is oriented not toward language as a structure, but toward the socio-cultural processes underlying language use” [44, p. 47], underscoring that stance choices are shaped by institutional norms and pedagogical traditions rather than grammar alone.

A further issue arising from this tension is the lack of clear instructional models for L2 writers. Without systematic guidance on how hedges, boosters, and other stance markers function rhetorically, students rely on guesswork or formulaic patterns. The corpus evidence demonstrates this: some texts display mechanical overuse of a few markers, while others avoid stance devices entirely, resulting in weakened academic communication. Targeted pedagogy is therefore essential, and not only for correcting errors but for cultivating the rhetorical awareness needed to balance caution and commitment in line with disciplinary norms.

Finally, overall linguistic and academic proficiency must be taken into account. Many apparent L1–L2 differences are in fact contrasts between experienced and novice writers. Native-speaker contributors to MICUSP are typically high-performing upper-level students already familiar with genre expectations, whereas many L2 writers are newcomers to Anglophone academic contexts. Unsurprisingly, novice writers (L1 and L2 alike) tend to simplify discourse: prior studies show that weaker papers contain more unjustifiably strong or overly broad claims, while high-rated texts exhibit nuance, qualification, and strategic hedging [45]. This affects not only argumentative content but also rhetorical organization, with less experienced writers demonstrating fewer hedges and more unbalanced, categorical statements, leading to reduced subtlety and diminished dialogic engagement in their academic prose.

As noted in previous work, “L2 learners’ essays overused some markers, such as temporal and inferential discourse markers, which affected the coherence of their essays” [45]. This shows that the difficulty lies not only in the absence of markers but also in their uneven and uncalibrated use, which disrupts cohesion and weakens rhetorical effectiveness. A similar pattern appears in stance-taking: L2 writers often omit attitude markers or use overly emotional ones. Instead of neutral academic formulations such as *it is important to note that...*, novice essays may contain affect-laden items like *astonishing*, *incredible*, *stunning*. Comparable tendencies are found cross-linguistically – e.g., Russian *удивительно*, *поразительно* or Azerbaijani *təəccüblüdür ki*, *inanılmazdır ki*. While these expressions technically function as attitude markers, their emotional intensity disrupts disciplinary register and reduces academic persuasiveness.

Such tendencies should be understood as part of a developmental trajectory rather than permanent L2 deficits. Novice writers initially rely on everyday evaluative lexicon instead of discipline-specific metadiscourse. With increased academic socialization, writers learn to calibrate evaluation more appropriately, favoring markers of importance (*importantly*, *notably*, *vacibdir ki*) or cautious evaluation (*it is regrettable that...*, *təəssüf ki...*) and adopting a more conventionalized rhetorical style. This suggests that differences often attributed to L1/L2 status may be overstated: experience and disciplinary enculturation play a larger role than nativeness.

Beyond linguistic proficiency, stance is also shaped by institutional and cultural ideologies. Anglophone academic traditions value explicit authorial presence as a sign of critical thinking, expecting writers to assert claims confidently while hedging uncertainty. In contrast, many non-Anglophone traditions, including post-Soviet and Azerbaijani contexts, prioritize impersonality, collective knowledge, and deference to authority. In such environments, overt self-reference can be perceived as inappropriate self-promotion. These norms help explain why L2 writers rely on impersonal constructions and display a narrower set of stance devices. Additionally, EFL programs often emphasize grammatical accuracy over rhetorical and pragmatic training, leaving learners unaware of stance as a socially patterned practice.

Thus, overuse or misuse of discourse markers should be viewed as evidence of developmental stages rather than permanent shortcomings. As one study concludes, “L2 speakers tended to use limited repertoires that caused the overuse of particular DMs... although the participants were Master’s degree students, their academic writings were not advanced yet” [45]. This finding underscores that mastery of stance and metadiscourse is a gradual process requiring sustained exposure, practice, and explicit instruction.

This observation underscores the importance of differentiating between linguistic competence and academic literacy. Even highly educated L2 learners may struggle if they have not yet internalized the rhetorical and discourse conventions of academic communities. Thus, the issue lies less in inherent L1–L2 contrasts and more in the degree of exposure to disciplinary norms and feedback. Crucially, these conventions are not automatically acquired with general language proficiency but must be explicitly taught, modeled, and reinforced in academic contexts. Over time, systematic training and immersion allow L2 writers to diversify their repertoire of discourse markers and align more closely with native-like academic standards.

Yet, empirical evidence confirms that this process is far from automatic: the evidence that Iraqi EFL students struggle with the use of discourse markers clearly points to the necessity of targeted pedagogical interventions, as learners left without explicit guidance risk stagnating in formulaic and mechanical patterns of writing [48]. This problem is not unique to Iraqi learners: in Azerbaijani academic prose, for instance, students often rely on clichés such as *nəticə etibarilə demək olar ki...* or *yuxarıda qeyd olunduğu kimi*, which, although functional, remain formulaic and do not demonstrate nuanced authorial stance. Similar tendencies are visible in Russian student essays, where fixed expressions like *следует отметить, что...* or *можно сказать, что...* are overused, reducing variability and

rhetorical subtlety. By contrast, proficient English academic writing, as seen in BAWE or MICUSP, features a much broader repertoire of stance devices – hedges such as *it is possible that...*, boosters like *undoubtedly*, and attitude markers (*importantly, notably*) – which balance caution with confidence and prevent discourse from sounding monotonous.

At the same time, broader developments in language education introduce additional complexity: “The integration of the Internet into language learning has brought both opportunities and challenges to the teaching process... teachers must balance modern linguistic trends with the need to uphold traditional grammar and writing standards.” [48, p. 300]. Online environments, while offering access to corpora, concordancers, and digital writing tools, also foster the spread of colloquial markers and conversational shortcuts (e.g., *kind of, sort of, like* in English; *muna* in Russian; *sanki* in colloquial Azerbaijani), which may seep into student writing if not properly filtered.

Put differently, while learners’ weaknesses in metadiscourse call for systematic training, instructors themselves face the dual challenge of innovating with digital resources and safeguarding the core conventions of academic literacy. This means not only introducing students to hedges, boosters, and attitude markers across languages but also showing how these devices differ cross-culturally and why academic writing norms privilege restraint, clarity, and precision over colloquial immediacy or emotional emphasis.

Without systematic instruction, even upper-level students risk stagnating at a stage characterized by limited repertoire and mechanical use of markers. Therefore, fostering metadiscursive competence must be seen as an integral part of academic writing pedagogy, ensuring that learners progress from formulaic usage toward a nuanced and disciplinary-appropriate command of stance and coherence. Yet, this requirement cannot be addressed in isolation from broader linguistic dynamics: “The study of linguistic change is a crucial aspect of the process of adapting educational programs and teaching methods.” [48, p. 301]. In other words, while one part of the problem lies in students’ restricted awareness of discourse markers, the other lies in curricula that are slow to integrate new insights from linguistic change and corpus-based evidence. If pedagogy does not evolve in line with shifting linguistic realities, then even well-designed instruction risks reproducing outdated practices instead of cultivating the rhetorical flexibility needed in contemporary academic communication.

From this perspective, targeted instruction in rhetorical conventions can accelerate the process of aligning novice writers with the expectations of academic discourse. For example, it has been observed that top-graded essays – by both native-English and Chinese students – contain notably more hedging than mid-graded essays [46]. Accordingly, some differences often ascribed to L1 influence may in fact stem from limited experience with academic writing. With continued instruction and practice, advanced L2 writers typically broaden and fine-tune their repertoire of stance markers, gradually converging on the profile characteristic of L1 authors [11]. This is also borne out by the engineering case: despite an overall tendency toward caution, L2 students exceeded L1 writers in the overall frequency of hedging constructions [23], which can be interpreted as evidence of developing command of academic style – albeit somewhat one-sided, primarily via modal verbs.

Taken together, the factors outlined – pragmatic challenges, cultural orientations, and gaps in instruction and experience – account for the observed differences. Thus, Chinese L2 writers in business, aiming for persuasiveness, draw on familiar routines of assertiveness while also observing the requisite scientific caution, yielding high levels of both boosting and hedging. Engineers, trained in the hard sciences, have likely internalized that data accuracy is paramount and therefore avoid categorical statements in the absence of near-certainty. Crucially, the use of stance markers is tied to a writer’s socio-cognitive adaptation to the academic community: as students – L1 and L2 alike – integrate into this community through reading and instructor feedback, they acquire a disciplinary “voice,” including norms for expressing commitment and evaluation. Consequently, L1–L2 differences tend to attenuate at higher levels of proficiency, even though they are quite salient at earlier stages.

The findings of this study both confirm and refine existing models of stance. Hyland's functional taxonomy [5] – hedges, boosters, attitude markers, and self-mention – proved empirically robust for cross-corpus comparison; however, our data suggest that in L2 academic writing, these categories often overlap in function rather than remain distinct. For instance, L2 writers frequently employ hybrid constructions (e.g., *we strongly believe that...*) that simultaneously convey attitude and epistemic commitment. This observation implies that stance functions should be treated not as discrete boxes but as points along a pragmatic continuum of authorial commitment. Moreover, while Biber's multi-dimensional model highlights grammatical correlates of stance, the present study demonstrates that rhetorical context – disciplinary norms and institutional expectations – exerts equal, if not greater, influence on stance realization. Thus, the research extends prior models by integrating corpus-based linguistic evidence with rhetorical-situational analysis, offering a more dynamic understanding of how stance operates across L1 and L2 writing. In this sense, the study not only supports but also nuances the frameworks of Hyland and Biber, positioning them within a broader socio-cognitive account of academic discourse.

Although earlier studies by Hyland, Vassileva, and Hinkel have documented L2 writers' cautious stance-taking and limited use of evaluative resources, the present study advances this line of research in several ways. Unlike previous work, it integrates L1 and L2 academic writing within a unified comparative design across multiple disciplinary domains, including medical and technical contexts that remain underrepresented in prior research. Moreover, the findings demonstrate that L2 over-cautiousness is not a uniform phenomenon but varies systematically across disciplines. By combining quantitative corpus evidence with functional interpretation, the study reframes limited stance repertoires not as a simple linguistic deficit but as the outcome of pedagogical, cultural, and institutional constraints shaping academic writing practices.

Conclusion

This article examined discourse markers of authorial stance in academic writing using the BAWE and MICUSP corpora, with a focus on comparing native (L1) and non-native (L2) writers of English. The analysis shows that, although stance markers occur across academic texts, their distribution and selection depend strongly on writer status and disciplinary context. Overall, L2 students display a different pragmatics of commitment: in technical disciplines, they are more cautious and use boosters less frequently, whereas in the social sciences and humanities, they tend to be more categorical than L1 writers while also hedging more. These contrasts can be explained by a combination of linguistic competence, cultural orientations, and instructional practices discussed above.

From a linguistic standpoint, the findings confirm that stance markers serve as a crucial interface between propositional content and interpersonal meaning. The ability to express both epistemic modesty and justified confidence emerges as a central component of academic literacy, one which does not automatically develop in L2 writers. Hedging and boosting are not simply stylistic ornaments but core pragmatic strategies through which writers negotiate credibility, mitigate categorical claims, and align themselves with disciplinary expectations. Overuse of modals in L2 engineering texts or excessive categorical boosters in L2 business writing reveals that students often rely on limited repertoires, thus producing “oscillatory” stance profiles. Such tendencies illustrate that the developmental trajectory of L2 writers is marked by both underuse and overuse, reflecting partial awareness of rhetorical norms.

Pedagogically, the study highlights that explicit instruction in hedging, boosting, and stance more generally is indispensable. Without clear guidance, L2 writers tend to proceed by guesswork, which results in either categorical, “black-and-white” prose or overly cautious, impersonal writing. Incorporating authentic materials from BAWE and MICUSP into instruction can provide students with concrete benchmarks: by comparing their own texts against high-rated L1 student writing, they can internalize how balance, nuance, and evaluative caution are realized in practice. Explicit modeling of

self-mention and attitude markers, in addition to hedges and boosters, can further equip students with a fuller range of discursive resources.

The findings have important implications for the pedagogy of academic writing, particularly in L2 contexts. The contrastive corpus evidence suggests that explicit teaching of stance should be integrated into EAP and ESP curricula through data-driven learning approaches. By examining concordance lines from authentic corpora such as BAWE and MICUSP, students can observe how expert and proficient L1 writers balance hedging and boosting across genres and disciplines. This corpus-informed exposure enables learners to internalize pragmatic norms of academic communication – when to sound cautious, when to express confidence, and how to signal evaluation appropriately. Furthermore, instructional practice should go beyond teaching lists of hedging or boosting expressions to include activities in which students analyze the rhetorical *function* of stance markers within authentic texts. Such pedagogy cultivates awareness of disciplinary variation, helping learners adapt their stance to the conventions of engineering, medicine, or social sciences. Finally, teacher training programs should emphasize metadiscourse awareness, ensuring that instructors themselves can model stance-taking and provide constructive feedback on its use. Embedding these principles into writing courses will help L2 students move from formulaic usage toward rhetorically sophisticated control of stance – a key marker of advanced academic literacy.

The findings underscore that stance is both a linguistic and a socio-cognitive phenomenon. Helping students understand what their disciplinary readership expects is key to producing persuasive, academically sound writing. Sustained attention to stance markers in academic-writing curricula can gradually narrow L1–L2 gaps, enhance rhetorical competence, and contribute to raising the overall quality of academic discourse.

Funding: This research received no external funding.

Conflicts of Interest: The author declares that there is no conflict of interest.

Institutional Review Board Statement. Not applicable. The study did not involve humans or animals.

Informed Consent Statement. Informed consent was waived because the research used pre-existing, publicly available, de-identified textual corpora (BAWE and MICUSP) with no interaction with human subjects and no collection of personal data.

REFERENCES

[1] **Siu B.W., Afzaal M., Aldayel, H.S.**, A corpus-based comparison of linguistic markers of stance and genre in the academic writing of novice and advanced engineering learners, *Humanities and Social Sciences Communications*, 11(1) (2024) 284. DOI: 10.1057/s41599-024-02757-4

[2] **Strauss S., Feiz P.**, *Discourse Analysis: Putting Our Worlds into Words*, Routledge, New York, 2013. DOI: 10.4324/9780203121559

[3] **Zheltova E.V.**, Faxo in Plautus Revisited: Causativity vs. Speaker's Stance, *Philologia Classica*, 17 (1) (2022) 77–84. DOI: 10.21638/spbu20.2022.106

[4] **Habibova K.**, Corpus linguistics and concordance: methodological approaches and new applications, *Linguistic Researches*, 1 (2025) 89–95. DOI: 10.59849/2664-5432.2025.1.89

[5] **Hyland K.**, *Metadiscourse: Exploring interaction in writing*, 2nd ed., Bloomsbury Academic, London, 2019.

[6] **Hyland K.**, Writing with attitude: Conveying a stance in academic texts, *Teaching Grammar To Speakers Of Other Languages*, ed. by E. Hinkel, Routledge, New York, 2016, pp. 246–265. DOI: 10.4324/9781315695273

[7] **Martin J.R., White P.R.R.**, *The Language of Evaluation: Appraisal in English*, Palgrave Macmillan, London, 2005. DOI: 10.1057/9780230511910

- [8] **Utkina T.I., Kostareva E.V.**, Features of Metadiscourse Use (Sphere of Economics, Students' Written Texts in English), *Tomsk State University Journal of Philology*, 74 (2021) 188–207. DOI: 10.17223/19986645/74/11
- [9] **Hyland K., Jiang F.**, Change of Attitude? A Diachronic Study of Stance, *Written Communication*, 33 (3) (2016) 251–274. DOI: 10.1177/0741088316650399
- [10] **Hyland K., Milton J.**, Qualification and certainty in L1 and L2 students' writing, *Journal of Second Language Writing*, 6 (2) (1997) 183–205. DOI: 10.1016/S1060-3743(97)90033-3
- [11] **Nesi H., Gardner S.**, *Genres across the Disciplines: Student writing in higher education*, Cambridge University Press, Cambridge, 2012. DOI: 10.1017/9781009030199
- [12] **Römer-Barron U., Swales J.M.**, The Michigan Corpus of Upper-level Student Papers (MICUSP), *Journal of English for Academic Purposes*, 9 (3) (2010) 249–249. DOI: 10.1016/j.jeap.2010.04.002
- [13] **Pearson W.S., Abdollahzadeh E.**, Metadiscourse in academic writing: A systematic review, *Lingua*, 293 (2023) 103561. DOI: 10.1016/j.lingua.2023.103561
- [14] **Ädel A.**, *Metadiscourse in L1 and L2 English*, John Benjamins, Amsterdam, Philadelphia, 2006, pp. 69–97. DOI: 10.1075/scl.24
- [15] **Mauranen A.**, *Exploring ELF: Academic English shaped by non-native speakers*, Cambridge University Press, Cambridge, 2012.
- [16] **Canagarajah S.**, *Translingual practice: Global Englishes and cosmopolitan relations*, Routledge, London, 2012. DOI: 10.4324/9780203073889
- [17] **Vassileva I.**, Commitment and detachment in English and Bulgarian academic writing, *English for Specific Purposes*, 20 (1) (2001) 83–102. DOI: 10.1016/S0889-4906(99)00029-0
- [18] **Dontcheva-Navratilova O.**, Cross-Cultural Variation in the Use of Hedges and Boosters in Academic Discourse, *Prague Journal of English Studies*, 5 (1) (2016) 163–184. DOI: 10.1515/pjes-2016-0009
- [19] **Hinkel E.**, Hedging, Inflating, and Persuading in L2 Academic Writing, *Applied Language Learning*, 15 (1–2) (2005) 29–53.
- [20] **Lee J.J., Subtirelu N.C.**, Metadiscourse and disciplinary identity in L2 writing, *Journal of English for Academic Purposes*, 20 (2015) 47–58.
- [21] **Dahl T.**, Textual metadiscourse in research articles: A marker of national culture or of academic discipline?, *Journal of Pragmatics*, 36 (10) (2004) 1807–1825. DOI: 10.1016/j.pragma.2004.05.004
- [22] **Dugalich N.M., Han H.**, Certainty Stance Adverbs in Chinese Linguistic Academic Writing: A Corpus-based Study, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15 (1) (2024) 248–261. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-248-261
- [23] **Aull L.**, Linguistic Markers of Stance and Genre in Upper-Level Student Writing, *Written Communication*, 36 (2) (2022) 267–295. DOI: 10.1177/0741088318819472
- [24] **Serova O.U.**, An automated study of translationese indicators in scientific paper translations, *Terra Linguistica*, 16 (1) (2025) 61–81. DOI: 10.18721/JHSS.16105
- [25] **Dalaf M.**, Exploring Iraqi EFL college students' idiomatic awareness and use, *Journal of Ishraqat Tanmawya*, 24 (2022) 1–18.
- [26] **Chen S.**, A corpus-based study of stance markers in academic thesis writing by L2 undergraduates, *Acta Psychologica*, 259 (2025) 105333. DOI: 10.1016/j.actpsy.2025.105333
- [27] **Klochkova Ye.S.**, Evaluation strategies in open peer-review: Polarity of evaluation and representational variability, *Terra Linguistica*, 16 (2) (2025) 56–70. DOI: 10.18721/JHSS.16204
- [28] **Gurova E.A.**, Politeness markers *venligst*, *gerne* and *please* in the Danish language, *Terra Linguistica*, 15(4) (2024) 52–66. DOI: 10.18721/JHSS.15404
- [29] Əliyeva N., Heydərov R., *Korpus dilçiliyinin təşkilində leksikoqrafiyanın rolu və vəzifələri* [The role and tasks of lexicography in the organization of Corpus Linguistics], *Ümummilli lider Heydər Əliyevin 100 illik yubileyinə və Beynəlxalq Ana dili gününə həsr olunmuş Azərbaycan dilinin İKT problemləri, İKT-nin Azərbaycan dili problemləri respublika elmi-praktiki konfransının materialları*, 21–22 fevral 2023 [Materials of the Republican scientific-practical conference on ICT problems of the Azerbaijani language, problems of the Azerbaijani language of ICT, dedicated to the 100th anniversary of national leader Heydar Aliyev and the International Mother Language Day], Baku, 2023, pp. 200–204 .
- [30] **Habibova K.A.**, Machine Metaphorics in Techno-Modern Texts, *Terra Linguistica*, 16 (4) (2025) 128–140. DOI: 10.18721/JHSS.16408
- [31] **Shubina E.L., Sedova A.V.**, Hedge Euphemisms as Tools of Economic Discourse, *Nauchnyi dialog*, 11 (2021) 183–200. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-183-200

- [32] **Boginskaya O.A.**, Functional categories of hedges: A diachronic study of Russian research article abstracts, *Russian Journal of Linguistics*, 26 (3) (2022) 645–667. DOI: 10.22363/2687-0088-30017
- [33] **Habibova K.A.**, The Specificity of Everyday Discourses, *Proceedings of First International Volga Region Conference on Economics, Humanities and Sports (FICEHS 2019)*, Atlantis Press. 2020, pp. 335–340. DOI: 10.2991/aebmr.k.200114.079
- [34] **Marinov Vranješ S., Varga M.**, Profiling the Use of Attitude Markers, Boosters and Hedges in Academic Written Production of International Student Mobility Participants, *Journal of Language and Education*, 11 (1) (2025) 116–130. DOI: 10.17323/jle.2025.22372
- [35] **Batres-Prieto V., Abbas A.**, Self-mentions in design area disciplines: A corpus analysis, *Heliyon*, 11 (1) (2025) e41200. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e41200
- [36] **Mammadli N., Habibova K.**, The interplay between academic communication and speech manipulation: A psychometric analysis, *TPM – Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology*, 32(S1) (2025) 29–37.
- [37] **Hyland K.**, *Disciplinary Identities: Individuality and Community in Academic Discourse*, Cambridge University Press, Cambridge, 2012. DOI: 10.1017/9781009406512
- [38] **Swales J.M.**, Reflections on the concept of discourse community, *ASp*, 69 (2016) 7–19. DOI: 10.4000/asp.4774
- [39] **Kulikova L.V.**, Language inclusion as a potential for interdisciplinary research and educational resource: multicultural experience, *Terra Linguistica*, 14 (2) (2023) 23–30. DOI: 10.18721/JHSS.14203
- [40] **Wharton S.**, Epistemological and interpersonal stance in a data description task: Findings from a discipline specific learner corpus, *English Specific Purpose*, 31 (4) (2012) 261–270.
- [41] **Hyland K.**, Authority and invisibility: Authorial identity in academic writing, *Journal of Pragmatics*, 34 (8) (2002) 1091–1112. DOI: 10.1016/S0378-2166(02)00035-8
- [42] **Tang R., John S.**, The ‘I’ in identity: Exploring writer identity in student academic writing through the first person pronoun, *English for Specific Purposes*, 18 (1) (1999) 23–39. DOI: 10.1016/S0889-4906(99)00009-5
- [43] **Ivanič R.**, *Writing and identity: The discursual construction of identity in academic writing*, John Benjamins, Amsterdam, 1998. DOI: 10.1075/swll.5
- [44] **Beliaeva L.N., Kamshilova O.N., Malakhovskaya M.L.**, Corpus technologies in research and education: analysing english noun phrases in scientific texts, *Society. Communication. Education*, 12 (4) (2021) 46–59. DOI: 10.18721/JHSS.12404
- [45] **Abusalim N., Zidouni S., Alghazo S., Rababah G., Rayyan M.**, Textual and interpersonal meta-discourse markers in political discourse: a case study, *Cogent Arts & Humanities*, 9 (1) (2022). DOI: 10.1080/23311983.2022.2124683
- [46] **Choemue S., Bram B.**, Discourse markers in academic and non-academic writings of Thai EFL learners, *Studies in English Language and Education*, 8 (3) (2021) 1209–1226. DOI: 10.24815/siele.v8i3.20122
- [47] **Haninda M.H., Bram B.**, Academic Writing of EFL Students’ Undergraduate Theses: A Discourse Marker Analysis, *ELS Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*, 5 (1) (2022) 109–114. DOI: 10.34050/elsjish.v5i1.19719
- [48] **Huseynova R., Aliyeva N., Habibova K., Heydarov R.**, The evolution of the English language in the internet and social media era, *Brazilian Journal of Education, Technology and Society (BRAJETS)*, 17 (SE4) (2024) 299–314. DOI: 10.14571/brajets.v17.nse4.299-314

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Siu B.W., Afzaal M., Aldayel H.S.** A corpus-based comparison of linguistic markers of stance and genre in the academic writing of novice and advanced engineering learners // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024. Vol. 11. Art. no. 284. DOI: 10.1057/s41599-024-02757-4
2. **Strauss S., Feiz P.** *Discourse Analysis: Putting Our Worlds into Words*. New York: Routledge, 2013. 424 p. DOI: 10.4324/9780203121559
3. **Zheltova E.V.** Faxo in Plautus Revisited: Causativity vs. Speaker’s Stance // *Philologia Classica*. 2022. Vol. 17, Iss. 1. P. 77–84. DOI: 10.21638/spbu20.2022.106

4. **Habibova K.** Corpus linguistics and concordance: methodological approaches and new applications // *Linguistic Researches*. 2025. Iss. 1. P. 89–95. DOI: 10.59849/2664-5432.2025.1.89
5. **Hyland K.** *Metadiscourse: Exploring interaction in writing*. 2nd ed. London: Bloomsbury Academic, 2016. 296 p.
6. **Hyland K.** Writing with attitude: Conveying a stance in academic texts. // *Teaching Grammar To Speakers Of Other Languages* / ed. by E. Hinkel. New York: Routledge, 2019. P. 246–265. DOI: 10.4324/9781315695273
7. **Martin J.R., White P.R.R.** *The Language of Evaluation: Appraisal in English*. London: Palgrave Macmillan, 2005. 278 p. DOI: 10.1057/9780230511910
8. **Уткина Т.И., Костарева Е.В.** Особенности метадискурсивной организации академического письма на английском языке студентов-экономистов // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021. № 74. С. 188–207. DOI: 10.17223/19986645/74/11
9. **Hyland K., Jiang F.** Change of Attitude? A Diachronic Study of Stance // *Written Communication*. 2016. Vol. 33, Iss. 3. P. 251–274. DOI: 10.1177/0741088316650399
10. **Hyland K., Milton J.** Qualification and certainty in L1 and L2 students' writing. // *Journal of Second Language Writing*. 1997. Vol. 6, Iss. 2. P. 183–205. DOI: 10.1016/S1060-3743(97)90033-3
11. **Nesi H., Gardner S.** *Genres across the disciplines: Student writing in higher education*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 293 p. DOI: 10.1017/9781009030199
12. **Römer-Barron U., Swales J.M.** The Michigan Corpus of Upper-level Student Papers (MICUSP) // *Journal of English for Academic Purposes*. 2010. Vol. 9, Iss. 3. P. 249–249. DOI: 10.1016/j.jeap.2010.04.002
13. **Pearson W.S., Abdollahzadeh E.** Metadiscourse in academic writing: A systematic review // *Lingua*. 2023. Vol. 293. Art. no. 103561. DOI: 10.1016/j.lingua.2023.103561
14. **Ädel A.** *Metadiscourse in L1 and L2 English*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2006. P. 69–97. DOI: 10.1075/scl.24
15. **Mauranen A.** *Exploring ELF: Academic English shaped by non-native speakers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 271 p.
16. **Canagarajah S.** *Translingual practice: Global Englishes and cosmopolitan relations*. London: Routledge, 2012. 216 p. DOI: 10.4324/9780203073889
17. **Vassileva I.** Commitment and detachment in English and Bulgarian academic writing // *English for Specific Purposes*. 2001. Vol. 20, Iss. 1. P. 83–102. DOI: 10.1016/S0889-4906(99)00029-0
18. **Dontcheva-Navratilova O.** Cross-Cultural Variation in the Use of Hedges and Boosters in Academic Discourse // *Prague Journal of English Studies*. 2016. Vol., 5, Iss. 1. Pp. 163–184. DOI: 10.1515/pjes-2016-0009
19. **Hinkel E.** Hedging, Inflating, and Persuading in L2 Academic Writing // *Applied Language Learning*. 2005. Vol. 15, Iss. 1–2. P. 29–53.
20. **Lee J.J., Subtirelu N.C.** Metadiscourse and disciplinary identity in L2 writing // *Journal of English for Academic Purposes*. 2015. Vol. 20. P. 47–58.
21. **Dahl T.** Textual metadiscourse in research articles: A marker of national culture or of academic discipline? // *Journal of Pragmatics*. 2004. Vol. 36, Iss. 10. P. 1807–1825. DOI: 10.1016/j.pragma.2004.05.004
22. **Дугалич Н.М., Хань Х.** Наречия с семантикой уверенности в академическом письме китайцев-лингвистов: корпусное исследование // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2024. Т. 15, № 1. С. 248–261. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-248-261
23. **Aull L.** Linguistic Markers of Stance and Genre in Upper-Level Student Writing // *Written Communication*. 2022. Vol. 36, Iss. 2. P. 267–295. DOI: 10.1177/0741088318819472
24. **Серова О.У.** Автоматизированное исследование индикаторов переводческого языка на материале переводов научных статей // *Terra Linguistica*. 2025. Т. 16, № 1. С. 61–81. DOI: 10.18721/JHSS.16105
25. **Dalaf M.** Exploring Iraqi EFL college students' idiomatic awareness and use // *Journal of Ishraqat Tanmawya*. 2022. Vol. 24. P. 1–18.
26. **Chen S.** A corpus-based study of stance markers in academic thesis writing by L2 undergraduates // *Acta Psychologica*. 2025. Vol. 259. Art. no. 105333. DOI: 10.1016/j.actpsy.2025.105333
27. **Ключкова Е.С.** Стратегии оценки в открытой научной рецензии: полярность оценки и вариативность ее репрезентации // *Terra Linguistica*. 2025. Т. 16, № 2. С. 56–70. DOI: 10.18721/JHSS.16204

28. **Гурова Е.А.** Маркеры вежливости *venligst, gerne* и *please* в датском языке // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15, № 4. С. 52–66. DOI: 10.18721/JHSS.15404
29. **Əliyeva N., Heydərov R.** Korpus dilçiliyinin təşkilində leksikoqrafiyanın rolu və vəzifələri // Ümummilli lider Heydər Əliyevin 100 illik yubileyinə və Beynəlxalq Ana dili gününə həsr olunmuş Azərbaycan dilinin İKT problemləri, İKT-nin Azərbaycan dili problemləri respublika elmi-praktiki konfransının materialları. 21–22 fevral 2023. Baku, 2023. P. 200–204.
30. **Габибова К.А.** Машинная метафорика в технодерных текстах // *Terra Linguistica*. 2025. Т. 16, № 4. С. 128–140. DOI: 10.18721/JHSS.16408
31. **Шубина Э.Л., Седова А.В.** Хедж-эвфемизмы как инструменты экономического дискурса как инструменты экономического дискурса // *Научный диалог*. 2021. № 11. С. 183–200. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-183-200
32. **Богинская О.А.** Функциональные категории хеджирования: диахронический анализ русскоязычных аннотаций // *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26, № 3. С. 645–667. DOI: 10.22363/2687-0088-30017
33. **Habibova K.A.** The Specificity of Everyday Discourses // *Proceedings of First International Volga Region Conference on Economics, Humanities and Sports (FICEHS 2019)*. Atlantis Press, 2020. P. 335–340. DOI: 10.2991/aebmr.k.200114.079
34. **Marinov Vranješ S., Varga M.** Profiling the Use of Attitude Markers, Boosters and Hedges in Academic Written Production of International Student Mobility Participants // *Journal of Language and Education*. 2025. Vol. 11, No. 1. P. 116–130. DOI: 10.17323/jle.2025.22372
35. **Batres-Prieto V., Abbas A.** Self-mentions in design area disciplines: A corpus analysis. // *Heliyon*. 2025. Vol. 11(1). Article no. e41200. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e41200
36. **Mammadli N., Habibova K.** The interplay between academic communication and speech manipulation: A psychometric analysis // *TPM – Testing, Psychometrics, Methodology in Applied Psychology*. 2025. Vol. 32, Iss. S1. P. 29–37.
37. **Hyland K.** *Disciplinary identities: Individuality and community in academic discourse*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 236 p. DOI: 10.1017/9781009406512
38. **Swales J.M.** Reflections on the concept of discourse community // *Asp*. 2016. Vol. 69. Pp. 7–19. DOI: 10.4000/asp.4774
39. **Куликова Л.В.** Языковая инклюзия как потенциал междисциплинарных исследований и образовательный ресурс: мультикультурный опыт // *Terra Linguistica*. 2023. Т. 14, № 2. С. 23–30. DOI: 10.18721/JHSS.14203
40. **Wharton S.** Epistemological and interpersonal stance in a data description task: Findings from a discipline specific learner corpus // *English Specific Purpose*. 2012. Vol. 31, Iss. 4. P. 261–270.
41. **Hyland K.** Authority and invisibility: Authorial identity in academic writing // *Journal of Pragmatics*. 2002. Vol. 34, Iss. 8. P. 1091–1112. DOI: 10.1016/S0378-2166(02)00035-8
42. **Tang R., John S.** The ‘I’ in identity: Exploring writer identity in student academic writing through the first person pronoun // *English for Specific Purposes*. 1999. Vol. 18, Suppl. 1. P. 23–39. DOI: 10.1016/S0889-4906(99)00009-5
43. **Ivanič R.** *Writing and identity: The discursive construction of identity in academic writing*. Amsterdam: John Benjamins, 1998. 373 p. DOI: 10.1075/swll.5
44. **Беляева Л.Н., Камшилова О.Н., Малаховская М.Л.** Корпусные технологии в исследовании и обучении: методика анализа именных групп в научном тексте // *Общество. Коммуникация. Образование*. 2021. Т. 12, № 4. С. 46–59. DOI: 10.18721/JHSS.12404
45. **Abusalim N., Zidouni S., Alghazo S., Rababah G., Rayyan M.** Textual and interpersonal metadiscourse markers in political discourse: a case study // *Cogent Arts & Humanities*. 2022. Vol. 9, Iss. 1. Art. no. 2124683. DOI: 10.1080/23311983.2022.2124683
46. **Choemue S., Bram B.** Discourse markers in academic and non-academic writings of Thai EFL learners // *Studies in English Language and Education*. 2021. Vol. 8, Iss. 3. P. 1209–1226. DOI: 10.24815/siele.v8i3.20122
47. **Haninda M.H., Bram B.** Academic Writing of EFL Students’ Undergraduate Theses: A Discourse Marker Analysis // *ELS Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. 2022. Vol. 5, Iss. 1. P. 109–114. DOI: 10.34050/elsjish.v5i1.19719
48. **Huseynova R., Aliyeva N., Habibova K., Heydarov R.** The evolution of the English language in the internet and social media era // *Brazilian Journal of Education, Technology and Society (BRAJETS)*. 2024. Vol. 17, Iss. SE4. P. 299–314. DOI: 10.14571/brajets.v17.nse4.299-314

INFORMATION ABOUT AUTHOR / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Dashdamirova Nigar

Нигяр Дашдамирова

E-mail: ndasdemirova@amu.edu.az

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9487-592X>

Submitted: 02.12.2025; Approved: 20.02.2026; Accepted: 11.03.2026.

Поступила: 02.12.2025; Одобрена: 20.02.2026; Принята: 11.03.2026.

Research article

UDC 81'42

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17106>

EDN: <https://elibrary/WKKAHC>

NAMING PATTERNS IN TURKISH AND RUSSIAN FINANCIAL DISCOURSE THROUGH A DISTANT READING APPROACH: A CASE OF CENTRAL BANK GOVERNORS' SPEECHES

O. Kozan¹ ✉, L.O. Micallef²

¹ Ankara Hacı Bayram Veli University, Ankara, Turkey;

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

✉ olena.kozan@hbv.edu.tr

Abstract. This study explores naming patterns in Turkish and Russian financial discourse through a distant reading approach, using the speeches of the Central Bank Governors of Türkiye and Russia as representative material. Conducted within the framework of digital humanities, the research demonstrates the potential of the distant reading approach for contrastive linguistic analysis. At the first stage, a small, representative corpus was compiled in Turkish and Russian using BootCat tools. At the second stage, the corpora were analyzed with Voyant Tools, which enabled the visualization of the most frequent lexical units used to name financial phenomena in both languages and the relations among these units. At the third stage, Igor Mel'čuk's Meaning–Text Theory was applied to interpret the lexical relations between the visualized units. The focus was placed on two naming patterns: Phenomenon^{Attribute} and Phenomenon^{Action/State}, examined comparatively in Turkish and Russian. The results indicate that Turkish financial discourse often employs borrowings and calques, whereas Russian discourse favors lexicalized forms and secondary naming patterns for financial and economic phenomena. Although these observations are limited to the selected material, the findings highlight the pedagogical and methodological value of data-driven analysis. The study underscores the potential of digital visualization tools for linguistic inquiry and advocates for the development of applied resources, such as annotated corpora, for the Turkish–Russian language pair.

Keywords: Turkish, Russian, distant reading, Voyant Tools, financial discourse, corpus, naming pattern.

Citation: Kozan K.O., Micallef L.O., Naming Patterns in Turkish and Russian Financial Discourse Through a Distant Reading Approach: A Case of Central Bank Governors' Speeches, Terra Linguistica, 17 (1) (2026) 101–118. DOI: 10.18721/JHSS.17106

МОДЕЛИ ЯЗЫКОВОЙ НОМИНАЦИИ В ТУРЕЦКОМ И РУССКОМ ФИНАНСОВОМ ДИСКУРСЕ В ПАРАДИГМЕ ДАЛЬНЕГО ЧТЕНИЯ: НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ

О. Козан¹ ✉, Л.О. Микаллеф²

¹ Анкарский университет имени Хаджи Байрама Вели, Анкара, Турция;

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

✉ olena.kozan@hbv.edu.tr

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу моделей языковой номинации в турецком и русском финансовом дискурсе на примере выступлений руководителей Центральные банков Турции и России с применением подхода «дальнего чтения». Исследование проведено в рамках парадигмы цифровых гуманитарных наук и демонстрирует потенциал дальнего чтения для контрастивного лингвистического анализа. На первом этапе исследования был создан репрезентативный корпус турецких и русских текстов с помощью инструмента BootCat. На втором этапе текстовые данные анализировались с помощью Voyant Tools, что позволило визуализировать наиболее частотные лексические единицы, кодирующие финансовые явления в обоих языках, а также их лексические связи. На третьем этапе для интерпретации выявленных лексических связей авторы обратились к теории «Смысл ↔ Текст» И. Мельчука. Основное внимание было уделено двум моделям номинации: Явление^{Признак} и Явление^{Действие/Состояние}, которые были сопоставлены в турецком и русском языках. Результаты показали, что турецкий финансовый дискурс чаще использует заимствования и кальки, тогда как для русского дискурса характерны лексикализованные формы и вторичные модели номинации явлений, связанных с финансами и экономикой. Несмотря на ограниченность исследуемого материала, результаты исследования подчеркивают прикладную и методологическую значимость анализа в парадигме дальнего чтения. В статье обосновывается значимость инструментов визуализации для лингвистических исследований и подчеркивается необходимость разработки прикладных ресурсов, в том числе аннотированных корпусов, для турецко-русской языковой пары.

Ключевые слова: турецкий язык, русский язык, дальнее чтение, Voyant Tools, финансовый дискурс, корпус, модель номинации.

Для цитирования: Козан О., Микаллеф Л.О. Модели языковой номинации в турецком и русском финансовом дискурсе в парадигме дальнего чтения: на материале выступлений руководителей Центральные банков // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 1. С. 101–118. DOI: 10.18721/JHSS.17106

Introduction

The global economy is often described through Adam Smith’s famous metaphor of the “invisible hand.” This metaphor suggests that individual economic choices shape the global economy in an imperceptible manner. Financial discourse seems to operate in much the same way. Its complex language and specialized terminology often mask the actual economic strategies and intentions, making them difficult to understand for non-specialists. The intricate language used in financial communication creates a distinct linguistic landscape, which makes it important to analyze and compare how financial terminology is used across languages.

Financial discourse has recently become an important area of study, as language is now viewed not only as a tool for communication but also as a factor that shapes the public's perception of economic issues. In this context, the speeches of Central Bank governors are particularly important, as they represent official discourse, through which strategic financial decisions are presented and serve as a valuable resource for linguistic study, revealing naming patterns that might otherwise remain unnoticed.

The purpose of this study is to explore how financial language works in practice, focusing on the naming patterns that appear most often in financial discourse but can be difficult to understand even for native speakers and particularly for translators working with financial texts.

The starting point of this research is the distant reading approach, proposed by Moretti in 2000 [1] and developed in his subsequent works [2, 3]. Distant reading conceptualizes a text (originally a literary text) as a data source, which can be represented as a corpus and subsequently visualized using computational tools. This visualization enables researchers to interpret patterns in line with their analytical goals. Within the present study, the distant reading approach was applied to texts representing financial discourse in Turkish and Russian. The primary research objective was to determine the potential of distant reading for contrastive linguistic analysis, particularly within the Turkish-Russian language pair. The relevance of this task lies in the fact that this approach remains underexplored in both Russian language studies in Türkiye and Turkish language research in Russia [4].

The distant reading approach made it possible to identify lexical units naming financial phenomena in Turkish and Russian and to observe their multiple lexical connections. However, these data alone did not reveal the naming patterns operating in both languages. In this study, naming pattern is understood within the onomasiological framework as the linguistic representation of a fragment of reality¹. The research attempts to identify such patterns based on Igor Mel'čuk's *Meaning–Text Theory*². Within the scope of the study, the following research questions were formulated: 1) What attributes can be assigned to the most frequent financial phenomena in Turkish and Russian? In other words, if the lexeme *inflation* is among the most frequent, *what kind of inflation* is represented in Turkish and Russian financial discourse? 2) With which actions can these phenomena be associated in both languages? Put differently, if *inflation* is our frequent phenomenon, *what does it do* when it functions as an active element within the described situation? All methodological stages of the study are described in detail in the Methodology section of this article.

The article is structured as follows: the next section presents a literature review of recent studies on financial discourse in various languages, outlining the main theoretical and methodological approaches. The literature review also highlights existing research gaps concerning the Turkish-Russian language pair. Following the literature review, the Methodology section details the corpus design, visualization tools, and analytical procedure. This section is succeeded by the Findings and Discussion section, which presents and interprets the results, and finally by the Conclusion section, which summarizes the main insights and outlines directions for further research.

Literature Review

Discourse analysis began to take shape as an independent field of linguistics in the mid-1970s, offering an alternative to traditional approaches that concentrated mainly on the internal structure of isolated sentences, their subjects, verbs, objects, and grammatical rules. The new perspective shifted attention toward language in use, asking how words, sentences, and texts function within wider social and cultural settings. One of the key figures in this development was Michael Stubbs, who promoted a corpus-based approach to discourse analysis. Moving away from handpicked examples, he worked

¹ Jerebilo T.V., Slovar lingvisticheskikh terminov i ponyatiy [Dictionary of Linguistic Terms and Concepts], Pilgrim, Nazran, 2016; Yartseva V.T., Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar. Yazykoznanie [Big Encyclopedic Dictionary. Linguistics], Great Russian Encyclopedia, Moscow, 1998.

² Mel'čuk, Ī., Zholkovskiy, A., Explanatory Combinatorial Dictionary of Modern Russian. Semantico-Syntactic Studies of Russian Vocabulary, Wiener Slawistischer Almanach, Vienna, 1984.

with extensive collections of authentic texts to identify recurring linguistic patterns, showing that meaning is shaped not only by vocabulary but also by the way grammatical structures are employed [5].

One notable contribution is a study titled *Creation of a Corpus on the Economic-Financial Discourse in Spanish*, which underscores the importance of developing corpora in languages other than English. This study examines Spanish economic-financial discourse as presented in mass media, with a particular focus on lexical modalization in financial news. The findings reveal that lexical choices in financial reporting are rarely neutral and often convey implicit subjectivities and ideological stances [6].

In recent years, financial texts have also become a focus of scholars working in artificial intelligence and deep learning [7–11]. A notable study in this field involved the creation of a large financial corpus composed of 10-K annual reports from all publicly traded U.S. companies over a 27-year period (1993–2020). This dataset was used to train a specialized set of Word2Vec embeddings tailored to financial language. The study also introduced an open-source Python toolkit designed to facilitate the retrieval and extraction of reports from the United States Securities and Exchange Commission EDGAR database [12].

A large body of recent research on financial discourse has centered on metaphor analysis. For example, Soares da Silva investigates the role of conceptual metaphors in Portuguese media coverage of the global financial crisis and subsequent austerity measures. Drawing on a corpus of news and opinion articles published between September 2008 and March 2009, the study demonstrates how metaphors function as powerful discursive tools, shaping public perceptions of economic, political, and social realities [13].

Similarly, Cheng and Ho analyze financial analyst reports from BNP Paribas (Banque Nationale de Paris and Paribas) and the Bank of China during the Eurozone financial crisis in 2011–2012. Using a combined approach of corpus linguistics and metaphor analysis, their study examines semantic patterns and discourse strategies in financial reporting. The findings reveal notable differences in rhetorical style: BNP Paribas relies more heavily on metaphorical expressions and empirical data, while the Bank of China adopts a more literal, descriptive tone in reporting economic developments [14].

García analyzes variations in metaphor use within financial texts to support translation training. Drawing on a corpus that includes texts from the European Central Bank, the Spanish press, and financial institutions, the study focuses on banking transfer regulations within the Eurozone. The findings suggest that metaphor usage varies across discourse types, affecting both translator education and real-world professional practice [15].

In Russian linguistics, financial discourse has been studied in the context of semantics and metaphorical language. Comparative studies have focused on metaphorical expressions in English and Russian, with Apresyan’s work exploring metaphors as rhetorical and stylistic devices used to engage readers and articulate authorial intent [16].

The comparative analysis of financial discourse between Russian and Turkish remains an underdeveloped area. While statistical methods have been applied to both languages independently [17, 18], few studies have addressed this language pair within a contrastive framework. This is particularly noteworthy given the increasing demand for professionals, such as translators, negotiators, and international economists, working within the Turkish-Russian context. The absence of systematic comparative studies underscores a significant gap in the literature and points to the need for corpus-based analyses of linguistic patterns across these two languages.

Studies applying the distant reading approach to the Turkish-Russian language pair are also scarce [4]. In addition, significant gaps remain in the study of naming patterns within the Turkish-Russian framework when applied to specific linguistic material. One of the key works in contrastive grammar for this language pair is Derbisheva’s *Comparative Grammar of the Russian and Turkish Languages* [19], which provides a structural comparison of the two linguistic systems. However, this study primarily addresses grammatical correspondences rather than naming patterns. Similarly, the naming patterns

described in the work of Serebrennikov and Ufimtseva [20] are not analyzed with respect to Turkish-Russian data, leaving an important conceptual gap in the field.

The present study addresses this gap by conducting a preliminary corpus-based contrastive analysis of financial discourse in Russian and Turkish with a focus on the distant reading approach.

Methodology

The study focuses on a corpus of speeches by the Turkish and Russian central bank heads. The Turkish subcorpus consists of six speeches in Turkish by the head of the Central Bank of the Republic of Türkiye, delivered at briefings on inflation reports from 2024 to 2025, including a speech at the 92nd Ordinary Meeting of the General Assembly³. The Russian subcorpus includes eight statements in Russian by the head of the Central Bank of the Russian Federation, delivered following Board of Directors meetings in 2024⁴. The data sources are publicly available transcripts from the official websites of the Central Bank of the Republic of Türkiye and the Central Bank of the Russian Federation. The speeches were selected based on their relevance to monetary policy and strategic financial decisions. Only speeches delivered in the official language of each country (Turkish and Russian) were included to maintain linguistic consistency.

We structured the corpus into two distinct subcorpora: one for Turkish and one for Russian. This division allowed for a systematic comparison of linguistic features across the two languages. In the first stage, we prepared the subcorpora using *BootCat*, a web-based application designed to compile texts from online sources for corpus creation. In the second stage, we employed *Voyant Tools*, a web-based text analysis platform, to examine two key linguistic features: keywords and collocations. For the keyword analysis, we identified the most frequent and statistically significant terms in each subcorpus. Comparing keyword frequencies between Turkish and Russian speeches enabled us to uncover language-specific trends and highlight the specialized vocabulary of financial discourse. We also conducted a collocation analysis to explore co-occurrence patterns and identify common phrases and expressions used in financial discourse. This analysis provided insights into how collocations contribute to the opacity of financial language and how their usage differs between the two languages.

Several visualization modules within *Voyant Tools* were applied for different analytical purposes. The *Cirrus* tool was used to display the most frequent keywords in each subcorpus in an intuitive and accessible way, while the *Terms* tool illustrated the frequency distribution of these keywords. The *Links* tool mapped the relationships between collocations and naming patterns, and the *Contexts* tool was employed to examine the immediate contexts in which specific keywords occurred. Finally, the *Word Tree* tool was used to trace naming patterns and explore their distribution across the corpus.

A step-by-step analytical procedure was constructed and applied to both subcorpora⁵. First, we uploaded the cleaned texts to *Voyant Tools* and used the *Terms* tool to compile a custom stoplist. Items with minimal lexical content (or words with “zero-semantics”) were excluded for both languages, including function words and high-frequency grammatical items (e.g., Turkish “bir” (a/an article; one), “şeklinde” (in a form), “ilişkin” (about/on the subject of), auxiliary verbs (“etmek” (make/do), “olmak” (be/become)), as well as proper names (country names), months, and similar non-informative tokens. We then visualized the most frequent words with the *Cirrus* tool (Fig. 1).

Using the *Terms* tool, we identified frequent lemmas with a minimum occurrence of 10 (Fig. 2).

Next, we compiled an alphabetical list of words and classified them into three categories: terms denoting phenomena, objects, and agents; terms referring to processes and actions; and terms describing attributes and qualities. The largest category in both subcorpora was that of phenomena and

³ Başkan'ın Konuşmaları, TCMB. Available at: <https://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/TR/TCMB+TR/Main+Menu/Duyurular/Baskanin+Konusmalari> (accessed 25.06.2025).

⁴ The Central Bank of the Russian Federation. Available at: <https://www.cbr.ru/> (access 25.06.2025).

⁵ To ensure conciseness, the roadmap below outlines the procedure applied to the Turkish subcorpus only. The same steps were then replicated for the analysis of the Russian subcorpus.

At the final stage, we compared the outputs from the Turkish and Russian subcorpora to highlight similarities and differences in the naming patterns of financial phenomena.

Findings and Discussion

Turkish Subcorpus

The Turkish subcorpus consists of one document containing 13,547 words. The most frequent words in this subcorpus fall into several semantic categories. These include terms denoting phenomena or objects (e.g., *enflasyon* (inflation), *para* (money), *kredi* (credit), *fiyat* (price), *hizmet* (service), *politika* (policy), *yurt* (homeland), *tahmin* (forecast), *mevduat* (deposit), *puan* (score), *talep* (demand), *dezenflasyon* (disinflation), *merkez* (center), *kira* (rent), *işaret* (indicator), *faiz* (interest), *etki* (effect)); attributes or qualities (e.g., *parasal* (monetary), *küresel* (global), *sıkı* (strict), *finansal* (financial), *yönlü* (directional), *uyumlu* (compatible), *önemli* (significant), *güçlü* (strong), *orta* (moderate), *cari* (current), *ılımlı* (mild), *vadeli* (term-based), *temel* (fundamental), *değerli* (valuable), *mevcut* (existing)); processes (e.g., *artış* (increase), *büyüme* (growth), *görünüm* (outlook), *takip* (monitoring), *sıkılaştırma* (tightening), *iyileşme* (improvement), *fiyatlama* (pricing), *düşüş* (decline), *duruş* (stance), *beklenti* (expectation)); and agents (e.g., *tüketici* (consumer), *katılımcı* (participant)).

The dominant naming patterns of phenomena and objects with a minimum occurrence of 10 are as follows:

1. *Açık* (deficit) $\approx$ *cari açığı* (current account deficit) $\approx$ *yıllıklandırılmış cari açığı* (annualized current account deficit) $\approx$ *cari açığın gerilemesi* (decline of the current account deficit) $\approx$ *cari açığın azalması* (reduction of the current account deficit) $\approx$ *çıktı açığı* (output gap) $\approx$ *çıktı açığının düşmesi* (decrease in the output gap) $\approx$ *çıktı açığının gerçekleşmesi* (realization of the output gap) $\approx$ *dengeli seyir sürececek çıktı açığı* (output gap expected to follow a balanced course);

2. *Arz* (supply) $\approx$ *arz yönlü faktörler* (supply-side factors) $\approx$ *arz koşulları* (supply conditions) $\approx$ *arz göstergeleri* (supply indicators) $\approx$ *önem arz etmekte* (to be of importance);

3. *Çıktı* (output) $\approx$ *çıktı açığı* (output gap) $\approx$ *üzerine çıktı* (exceeded) $\approx$ *öne çıktı* (came to the forefront);

4. *Dezenflasyon* (disinflation) $\approx$ *dezenflasyon süreci* (disinflation process) $\approx$ *başlayan dezenflasyon* (emerging disinflation) $\approx$ *yaşayacağımız dezenflasyon* (anticipated disinflation) $\approx$ *dezenflasyonun desteklenmesi* (supporting disinflation) $\approx$ *dezenflasyonun tesisi* (establishment of disinflation);

5. *Döviz* (currency) $\approx$ *döviz kuru* (exchange rate) $\approx$ *döviz pozisyonu* (foreign exchange position) $\approx$ *döviz swapları* (currency swaps);

6. *Emtia* (commodity) $\approx$ *emtia fiyatları* (commodity prices);

7. *Enerji* (energy) $\approx$ *enerji fiyatları* (energy prices) $\approx$ *enerji dengesi* (energy balance) $\approx$ *enerji sübvansiyonları* (energy subsidies) $\approx$ *enerji kalemleri* (energy items) $\approx$ *enerji grubu* (energy group);

8. *Enflasyon* (inflation) $\approx$ *enflasyon raporu* (inflation report) $\approx$ *enflasyon beklentileri* (inflation expectations) $\approx$ *enflasyon tahminleri* (inflation forecasts) $\approx$ *enflasyondaki düşüş* (decline in inflation) $\approx$ *enflasyondaki zayıflama* (weakening of inflation) $\approx$ *enflasyondaki iyileşme* (improvement in inflation);

9. *Faiz* (interest rate) $\approx$ *faiz indirimi* (interest rate cut) $\approx$ *faiz oranı* (interest rate) $\approx$ *faiz koridoru* (interest rate corridor) $\approx$ *faiz uygulanması* (implementation of interest rate);

10. *Fiyat* (price) $\approx$ *fiyat istikrarı* (price stability) $\approx$ *fiyat varsayımları* (price assumptions) $\approx$ *fiyat oluşumu* (price formation) $\approx$ *fiyat belirleme* (pricing/price determination) $\approx$ *yönetilen fiyat* (administered price) $\approx$ *fiyatlardaki oynaklık* (volatility in prices) $\approx$ *fiyatlardaki artış* (increase in prices) $\approx$ *fiyatlardaki yavaşlama* (slowdown in prices) $\approx$ *fiyatlardaki düşüş* (decline in prices) $\approx$ *fiyatlardaki görünüm* (price outlook);

11. *Gıda* (food) $\approx$ *gıda fiyatı* (food price) $\approx$ *gıda enflasyonu* (food inflation) $\approx$ *işlenmiş gıda* (processed food);

12. *Hizmet* (service) $\approx$ *hizmet üretim* (endeksi) (service production (index)) $\approx$ *hizmet talebi* (service demand) $\approx$ *hizmet talepleri* (service demands) $\approx$ *hizmet enflasyonu* (service inflation) $\approx$ *hizmet grupları* (service groups) $\approx$ *hizmet sektörü* (service sector);
13. *İstikrar* (stability) $\approx$ *istikrar kazanması* (gaining stability) $\approx$ *sağlanan istikrar* (achieved stability);
14. *İthalat* (import) $\approx$ *ithalat eğilimi* (import trend) $\approx$ *ithalat kanalı* (import channel) $\approx$ *ithalat fiyatları* (import prices) $\approx$ *ithalat azalması* (decline in imports) $\approx$ *artan ithalat* (increasing imports) $\approx$ *ithalatın gerilemesi* (reduction in imports) $\approx$ *ithalatın büyümesi* (growth in imports);
15. *Kira* (rent) $\approx$ *kira enflasyonu* (rental inflation) $\approx$ *kira artışı* (rental increase);
16. *KKM* (FX-protected) $\approx$ *kkm bakiyesi* (FX-protected deposit balance) $\approx$ *kkm hesapları* (FX-protected deposit accounts) $\approx$ *kkm payı* (FX-protected deposit share);
17. *Konut* (house) $\approx$ *konut piyasası* (housing market) $\approx$ *konut fiyatları* (housing prices) $\approx$ *konut kredisi* (mortgage loan);
18. *Kredi* (loan) $\approx$ *kredi faizleri* (loan interest rates) $\approx$ *kredi büyümesi* (loan growth);
19. *Kur* (rate) $\approx$ *kur beklentileri* (exchange rate expectations) $\approx$ *kur riski* (exchange rate risk) $\approx$ *kur farkı* (exchange rate difference);
20. *Kutu* (box) $\approx$ *kutu çalışması* (case study);
21. *Likidite* (liquidity) $\approx$ *likidite koşulları* (liquidity conditions) $\approx$ *likiditenin sterilize edilmesi* (sterilization of liquidity) $\approx$ *likidite gelişmeleri* (liquidity developments) $\approx$ *oluşan likidite (fazlası)* (emerging liquidity (surplus)) $\approx$ *ortaya çıkan likidite (fazlası)* (arising liquidity (surplus));
22. *Mal* (commodity) $\approx$ *mal enflasyonu* (commodity inflation) $\approx$ *mal fiyatları* (commodity prices) $\approx$ *mal kalemleri* (commodity items);
23. *Manşet* (headline) $\approx$ *manşet enflasyonu* (headline inflation);
24. *Mevduat* (deposit) $\approx$ *mevduat faizi* (deposit interest rate) $\approx$ *mevduat payı* (deposit share);
25. *Para* (money) $\approx$ *para politikası* (monetary policy);
26. *Pay* (share) $\approx$ *pay artışı* (share increase);
27. *Petrol* (oil) $\approx$ *petrol fiyatları* (oil prices) $\approx$ *petrol emtia* (oil commodity) $\approx$ *petrol ithalatı* (oil import);
28. *Piyasa* (market) $\approx$ *piyasa fiyatlamaları* (market pricing) $\approx$ *piyasa mekanizması* (market mechanism) $\approx$ *piyasa beklentileri* (market expectations) $\approx$ *piyasa katılımcıları* (market participants) $\approx$ *piyasa koşulları* (market conditions);
29. *Politika* (policy) $\approx$ *politika duruşumuz* (our policy stance) $\approx$ *politika bileşimi* (policy element);
30. *Portföy* (portfolio) $\approx$ *portföy girişleri* (portfolio inflows) $\approx$ *portföy kararları* (portfolio decisions) $\approx$ *portföy akımları* (portfolio flows) $\approx$ *portföy çıkışları* (portfolio outflows);
31. *Risk* (risk) $\approx$ *risk iştahı* (risk appetite) $\approx$ *risk algısı* (risk perception) $\approx$ *risk primi* (credit default swap);
32. *Sanayi* (industry) $\approx$ *sanayi üretimi* (industrial production) $\approx$ *sanayi sektörü* (industrial sector);
33. *Sermaye* (capital) $\approx$ *sermaye girişleri* (capital inflows) $\approx$ *sermaye hareketleri* (capital movements) $\approx$ *sermaye çıkışı* (capital outflows) $\approx$ *sermaye akımları* (capital flows);
34. *SWAP* $\approx$ *swap ihaleleri* (swap auctions) $\approx$ *swap işlemleri* (swap transactions) $\approx$ *swap kanalı* (swap channel);
35. *Tahmin* (forecast) $\approx$ *tahmin aralıkları* (forecast ranges);
36. *Talep* (demand) $\approx$ *talep görünümü* (demand outlook) $\approx$ *talep koşulları* (demand conditions);
37. *Tesis* (implementation; facilities) $\approx$ *menkul kıymet tesis uygulaması* (movable property security implementation) $\approx$ *tesis etmek* (to establish);
38. *Ticaret* (trade) $\approx$ *ticaret politikası* (trade policy) $\approx$ *ticaret dengesi* (trade balance);
39. *Ücret* (wage) $\approx$ *ücret artışı* (wage increase) $\approx$ *ücret ayarlamaları* (wage adjustments) $\approx$ *ücret güncellemeleri* (wage updates).

Based on the analysis of phenomena and object naming in Turkish financial discourse, the following conclusions can be drawn.

In the case of borrowings, the recipient of the information must possess some knowledge of the donor language to recognize the lexical unit through its transliteration or transcription in Turkish and to interpret it within context (compare: the Turkish financial term *likidite* (liquidity – the property of assets that can be quickly sold at a price close to the market value) and its original English form *liquid* (a substance (e.g., water) that can be poured easily)). The comprehension of such financial loanwords is further complicated by the fact that the donor language is often not English but French, which is reflected in the transcription based on French pronunciation (e.g., *portföy* (in English: portfolio), *dezenflasyon* (in English: disinflation)).

Calqued expressions in financial discourse often appear as collocations and can pose difficulties for comprehension. Some of these expressions are nearly unrecognizable because the calquing process often involves primary naming pattern, whereas in the donor language the collocation represents a secondary naming pattern. For instance, *kutu çalışması* is a calque from the English term *case study*. In English, *case*, as a primary naming, refers to “a container for storing something,” while as a secondary naming it refers to “an example of something.” Thus, a *case study* can be described as a detailed account of a situation or object. During the calquing process, a form of semantic contamination occurred: instead of borrowing the collocation as a whole, the individual lexical items were translated according to their primary meanings (*case* – *kutu* (box) + *study* – *çalışma* (study) = *kutu çalışması*). This contamination could have been avoided by calquing the secondary naming, for example as *vaka analizi* (case analysis), which would be a more semantically appropriate equivalent.

Calquing of financial terms can occur through multiple channels. One example is the expression *manşet enflasyonu* (headline inflation), where the individual lexical components are borrowed from French, while the overall structural model corresponds to the English term *headline inflation*. However, in English, the word *headline* in this context does not refer to a newspaper title but functions as a qualifier, denoting something of primary importance or prominence (*headline* as an adjective refers to “the most important or most noticed by people”). This results in semantic contamination, which could have been avoided through a proper analysis of the underlying naming pattern. A more semantically appropriate Turkish alternative could be *ana enflasyon/temel enflasyon* (main inflation).

Such collocations can present challenges for translators because equivalent expressions in the target language often follow entirely different formation patterns. Another example within this category is *risk iştahı* (risk appetite), which, in Turkish, is expressed through the metaphor of “appetite” (*iştah*) for risk, while in Russian the same concept is typically conveyed through the phrase *отношение к риску* (attitude toward risk), illustrating a variation in naming pattern.

1. Abbreviations can hinder comprehension in financial discourse. For example, *swap* and *kkm* may be unclear to readers or listeners without specialized background knowledge.

2. Lexical items with broad or general semantic scopes may function as financial terms. For instance, *açık* can appear in a wide range of contexts (compare: *açık kapı* (open door), *açık bilgisayar* (turned on computer), *açık görüşlü* (open-minded), *bütçe açığı* (budget deficit)). Such items may pose difficulties for novice translators who are not native speakers of Turkish because contextual interpretation is required to identify the intended meaning.

3. Lexicalized units can be employed as financial terms. For instance, *çıktı* lexeme (compare: *O evden çıktı* (He/She left the house), *çıktı açığı* (output gap)).

Based on the analysis of collocations formed by the names of phenomena and objects, the following conclusions can be drawn:

1. Names of phenomena and objects most frequently serve attributive functions in collocations. For example, *enerji* (energy) → *enerji fiyatları* (energy prices), *enerji* → *enerji dengesi* (energy balance).

Potential difficulties in comprehension may arise when the collocation includes a borrowed element, which is often a financial term (e.g., *enerji sübvansiyonları* (energy subsidies));

2. Collocations may also include lexical items with broad semantics (e.g., *enerji grubu* (energy group)). The interpretation and understanding of such expressions are highly context-dependent, making them a potential challenge for translators. For instance, in *Küresel emtia fiyatları rapor döneminde enerji grubu öncülüğünde yükselmiştir* (Global commodity prices increased during the reporting period, led by the energy group), the phrase does not refer to an “energy group” as an organization but rather to a group of energy commodities;

3. Collocations composed of names of phenomena and objects combined with names of actions, processes, or states follow different semantic models. These models are derived from various semantic categories:

– Decrease or increase (*ithalat azalması* (decrease in imports), *ithalatın büyümesi* (growth in imports), *pay artışı* (increase in share));

– Initiation or continuation (*başlayan dezenflasyon* (the onset of disinflation), *çıkıtı açığının gerçekleşmesi* (realization of the output gap), *seyir sürececek çıkıtı açığı* (a continuing output gap), *ortaya çıkan likidite fazlası* (emerging liquidity surplus));

– Movement across different domains (*enflasyondaki düşüş* (decline in inflation), *portföy girişi* (portfolio inflow), *portföy çıkışı* (portfolio outflow), *sermaye akımları* (capital flows), *sermaye hareketleri* (capital movements), *ithalatın gerilemesi* (decline in imports));

4. The most abstract models are collocations that incorporate secondary naming patterns in their structure (e.g., *enflasyondaki zayıflama* (weakening in inflation), *enflasyondaki iyileşme* (improvement in inflation)). These models may pose challenges for translation as they require both the recognition and the restructuring of secondary naming patterns in the target language;

5. Collocations containing actions with broad semantics require contextual analysis to determine the appropriate translation strategy (e.g., *faiz uygulanması* (interest rate application), *sağlanan istikrar* (achieved stability), *ücret ayarlamaları* (wage adjustments)).

Russian Subcorpus

The Russian subcorpus consists of one document containing 9,718 words. The most frequent words in this subcorpus fall into several semantic categories. These include terms denoting phenomena or objects (e.g., *ставка* (rate), *инфляция* (inflation), *цена* (price), *спрос* (demand), *экономика* (economy), *темп* (rate), *политика* (policy), *кредит* (credit), *прогноз* (forecast), *условие* (condition), *труд* (work), *риск* (risk), *земледелие* (farming), *рынок* (market), *компания* (company), *товар* (goods), *квартал* (quarter), *уровень* (level), *счет* (account), *предприятие* (enterprise), *дезинфляция* (disinflation)); attributes or qualities (e.g., *денежный* (monetary), *ключевой* (crucial), *кредитный* (credit), *существенный* (substantial), *инфляционный* (inflationary), *экономический* (economic), *базовый* (basic), *текущий* (current), *устойчивый* (sustainable), *внутренний* (domestic), *внешний* (foreign), *бюджетный* (budget), *потребительский* (consumer), *финансовый* (financial)); processes (e.g., *ожидание* (expectation), *решение* (decision), *рост* (growth), *активность* (activity), *повышение* (increase), *влияние* (influence), *импорт* (import), *предложение* (offer), *кредитование* (bank loans), *давление* (pressure), *замедление* (deceleration), *снижение* (decrease), *расширение* (enlargement)), and agents (*кадры* (staff), *заемщик* (borrower)).

The dominant naming patterns of phenomena and objects with a minimum occurrence of 10 are as follows:

1. *Рост* (Growth) $\approx$ *темпы роста* (rates of growth) $\approx$ *текущий рост* (current growth) $\approx$ *рост цен* (growth of prices) $\approx$ *эпизоды роста* (episodes of growth) $\approx$ *ускорение роста* (acceleration of growth) $\approx$ *снижение роста* (decline of growth) $\approx$ *необходимость роста* (necessity of growth);

2. *Ставка* (Rate) $\approx$ *ключевая ставка* (key rate) $\approx$ *рыночные ставки* (market rates) $\approx$ *снижение ставки* (rate reduction) $\approx$ *повышение ставки* (rate increase) $\approx$ *нейтральная ставка* (neutral rate);

3. *Инфляция (Inflation) ≈ возвращение инфляции (return of inflation) ≈ снижение инфляции (decline of inflation) ≈ схождение инфляции к (convergence of inflation to);*

4. *Цена (Price) ≈ рост цен на (price growth for) ≈ стабилизация цен (price stabilization) ≈ снижение цен на (price decline for) ≈ волатильность цен (price volatility) ≈ индекс цен (price index) ≈ относительность цен на (price relativity for);*

5. *Спрос (Demand) ≈ рост спроса (demand growth) ≈ внутренний спрос (domestic demand) ≈ стимулирование спроса (demand stimulation) ≈ высокий спрос (high demand) ≈ замедление спроса (demand slowdown) ≈ стороны спроса (demand-side) ≈ охлаждение спроса (demand cooling) ≈ перегрев спроса (demand overheating) ≈ избыточный спрос (excess demand);*

6. *Экономика (Economy) ≈ перегрев экономики (overheating of the economy) ≈ мировая экономика (global economy) ≈ трансформация экономики (transformation of the economy) ≈ потенциал экономики (economic potential) ≈ крупнейшие экономики мира (largest economies in the world);*

7. *Темпы (Rates) ≈ текущие темпы (current rates) ≈ годовые темпы (annual rates) ≈ сбалансированные темпы (balanced rates) ≈ существенные темпы (significant rates) ≈ месячные темпы (monthly rates) ≈ темпы роста (growth rates);*

8. *Труд (Labor) ≈ рынок труда (labor market) ≈ производительность труда (labor productivity);*

9. *Прогноз (Forecast) ≈ базовый прогноз (baseline forecast) ≈ среднесрочный прогноз (mid-term forecast) ≈ макроэкономический прогноз (macroeconomic forecast);*

10. *Политика (Policy) ≈ денежно-кредитная политика (monetary policy);*

11. *Кредитование (Lending) ≈ динамика кредитования (lending dynamics) ≈ программы кредитования (lending programs) ≈ замедление кредитования (lending slowdown) ≈ охлаждение кредитования (lending cooling) ≈ торможение кредитования (lending deceleration) ≈ активность кредитования (lending activity) ≈ корпоративное кредитование (corporate lending) ≈ ипотечное кредитование (mortgage lending);*

12. *Риск (Risk) ≈ основной риск (main risk) ≈ риск сохранения (risk of preservation);*

13. *Повышение (Increase) ≈ дополнительное повышение (additional increase) ≈ дальнейшее повышение (further increase) ≈ продолжить повышение (continue the increase) ≈ на повышение (towards an increase) ≈ значительное повышение (significant increase) ≈ повышение ставки (interest rate increase);*

14. *Замедление (Deceleration) ≈ некоторое замедление (some deceleration) ≈ сильное замедление (strong deceleration) ≈ обеспечить замедление (ensure deceleration) ≈ существенное замедление (significant deceleration) ≈ замедление роста (growth deceleration) ≈ замедление инфляции (inflation deceleration) ≈ замедление спроса (demand deceleration);*

15. *Условие (Condition) ≈ кредитно-денежные условия (credit and monetary conditions) ≈ ценовые условия (price conditions) ≈ в условиях (under conditions) ≈ в условиях роста (under growth conditions) ≈ в условиях расширения (under expansion conditions) ≈ внешних условиях (external conditions);*

16. *Услуги (Services) ≈ на услуги (for services) ≈ рыночные услуги (market services) ≈ медицинские услуги (medical services) ≈ услуги связи (communication services);*

17. *Рынок (Market) ≈ внутренний рынок (domestic market) ≈ финансовый рынок (financial market) ≈ кредитный рынок (credit market) ≈ рынок труда (labor market);*

18. *Компания (Company) ≈ расходы компании (company expenses) ≈ ожидания компании (company expectations) ≈ доли компании (company shares) ≈ спрос компании (company demand) ≈ издержки компании (company costs) ≈ трудности компании (company difficulties) ≈ нефтяные компании (oil companies);*

19. *Влияние (Influence) ≈ сильное влияние (strong influence) ≈ определенное влияние (certain influence) ≈ заметное влияние (noticeable influence) ≈ сдерживающее влияние (restraining influence) ≈ большое влияние (great influence) ≈ значимое влияние (significant influence) ≈ существенное влияние (substantial influence);*

20. *Товары* (Goods) ≈ *предложение товаров* (goods supply) ≈ *объем товаров* (goods volume) ≈ *выпуск товаров* (goods output) ≈ *производство товаров* (goods production);

21. *Квартал* (Quarter) ≈ *к концу квартала* (by the end of the quarter) *в квартале* (in the quarter);

22. *Импорт* (Import) ≈ *инвестиционный импорт* (investment import) ≈ *рост импорта* (import growth) ≈ *снижение импорта* (import decline);

23. *Предложение* (Supply) ≈ *предложение товаров* (supply of goods) ≈ *возможности предложения* (supply capacity) ≈ *на стороне предложения* (on the supply side) ≈ *расширение предложения* (supply expansion);

24. *Экспорт* (Export) ≈ *российский экспорт* (Russian export) ≈ *сырьевой экспорт* (raw material export) ≈ *возможности экспорта* (export potential) ≈ *объемы экспорта* (export volumes);

25. *Производство* (Production) ≈ *собственное производство* (own production) ≈ *наращивание производства* (production expansion) *производство товаров* (goods production) ≈ *рост производства* (production growth);

26. *Снижение* (Decline) ≈ *скорое снижение* (imminent decline) ≈ *текущее снижение* (current decline) ≈ *снижение цен* (price decline) ≈ *начало снижения* (beginning of the decline) ≈ *снижение инфляции* (inflation decline) ≈ *снижение ставки* (interest rate decline);

27. *Предприятие* (Enterprise) ≈ *мониторинг предприятий* (enterprise monitoring);

28. *Динамика* (Dynamics) ≈ *сдержанная динамика* (restrained dynamics) ≈ *повышенная динамика* (increased dynamics) ≈ *динамика кредитования* (credit dynamics) ≈ *динамика спроса* (demand dynamics) ≈ *динамика экспорта* (export dynamics) ≈ *динамика цен* (price dynamics) ≈ *динамика импорта* (import dynamics) ≈ *динамика инфляции* (inflation dynamics) ≈ *динамика курса* (exchange rate dynamics);

29. *Давление* (Pressure) ≈ *инфляционное давление* (inflationary pressure) ≈ *ценовое давление* (price pressure) ≈ *геополитическое давление* (geopolitical pressure) ≈ *санкционное давление* (sanctions pressure);

30. *Банк* (Bank) ≈ *устойчивость банков* (banking stability) ≈ *возможности банков* (banking opportunities) ≈ *консервативность банков* (banking conservatism) ≈ *намерения банков* (banking intentions) ≈ *меры банка* (bank measures);

31. *Кредит* (credit) ≈ *корпоративный кредит* (corporate credit) ≈ *стоимость кредита* (cost of credit) ≈ *торможение кредита* (credit slowdown / deceleration);

32. *Счет* (Account) ≈ *за счет расширения* (due to expansion) ≈ *текущий счет* (current account) ≈ *сальдо счета* (account balance);

33. *Потенциал* (potential) ≈ *потенциал экономики* (economic potential) ≈ *увеличение потенциала* (increase in potential) ≈ *расширение потенциала* (expansion of potential);

34. *Жесткость* (tightness / rigidity / strictness) ≈ *большая жесткость* (greater tightness / increased rigidity) ≈ *дополнительная жесткость* (additional tightness) ≈ *жесткость рынка* (market tightness) ≈ *сохранение жесткости* (maintaining tightness) ≈ *уровень жесткости* (level of tightness) ≈ *жесткость условий* (tightness of conditions);

35. *Активность* (activity) ≈ *сберегательная активность* (saving activity) ≈ *активность населения* (population activity) ≈ *экономическая активность* (economic activity) ≈ *инвестиционная активность* (investment activity) ≈ *кредитная активность* (credit activity) ≈ *деловая активность* (business activity) ≈ *потребительская активность* (consumer activity).

Based on the analysis of phenomena and object namings in Russian financial discourse, the following conclusions can be drawn:

1. In Russian financial discourse, there are terms that are transliterations or transcriptions of units originating from European languages (for example, *инфляция* (inflation), *риск* (risk), *импорт* (import), *экспорт* (export), *банк* (bank), *кредит* (credit)). In modern Russian, such borrowings constitute a particular linguistic stratum that can be characterized as belonging to the “official” or

“scientific” style. These units have been assimilated into the Russian language at various levels of the language system (for instance, the use of the suffix *-ция* (-tsiya) to adapt borrowings from English or Latin *-tion* as in the words *инфляция* (inflation), *эксплуатация* (making use of something)). Such borrowings do not provoke rejection as foreign elements and are perceived as an integral part of the professional lexicon. However, the perception of these units may be complicated not by their form but by their semantic content, since financial discourse imposes specialized meanings on terms that require professional competence for accurate interpretation. In other words, these terms may pose difficulty primarily as specialized concepts, not as borrowed words. For example, *потенциал* (potential) (compare: *научный потенциал* (scientific potential) – *экономический потенциал* (economic potential) – *потенциал роста* (growth potential)). This word, like many others in the group of terms (e.g., *экспорт* (export), *импорт* (import)), has a borrowed origin, but over time it has become entrenched in the financial lexicon as a term denoting the capacity of a system, country, or enterprise for growth or development in a specific area. Words like *потенциал* (potential) can be used not only in scientific contexts but also in economics, where the term implies the possibilities, resources, or capabilities of a system to achieve certain results. This makes them quite specific and difficult to translate without knowing the context.

2. Among the names of objects and phenomena, a case of semantic calquing has been identified, namely, the lexeme *влияние* (influence) (from Latin *Influentia*). However, since this lexical unit entered the Russian language system in the 18th century, it is not perceived as a foreign element and does not present difficulties in comprehension.

3. Among the frequent names of objects and phenomena, no abbreviations have been identified.

4. The majority of the examined lexemes are either fully integrated loanwords (*импорт* (import), *экспорт* (export), *банк* (bank), *кредит* (credit), *потенциал* (potential), *активность* (activity), *динамика* (dynamics)) or native Russian words (*счет* (account), *давление* (pressure)) functioning within the framework of specialized financial and economic vocabulary.

5. Among the frequent names of objects and phenomena in financial discourse, there are instances of lexicalization. However, the lexicalized units have firmly established themselves in the language system and do not cause difficulties in comprehension. For example, the lexeme *предприятие* (enterprise) contains the root *-ят-* (-yat’-) (a common Slavic morpheme *-jm-/-jt-*, related to the concepts of “possession”, “ownership”⁷ (compare: *иметь* (to have) – *поймать* (to catch) – *взять* (to take) – *рукоятка* (handle)), the prefixes *при-* (pri-), (related to the concept of “approaching”) and *пред-* (pred-, pre-) (correlation of objects or actions relative to each other in space or time (for example, *предвидеть* (to foresee)), and the suffix *-тие* (-tion) (related to a process, phenomenon, or subject (compare: *перекрывание* (overlap), *бытие* (being), *развитие* (development))). During the process of lexicalization, the lexical units *производство* (production), *предложение* (offer), *условие* (condition), *ставка* (rate) were also formed. The semantics of these units developed as economic realities changed, and in modern Russian, they have become fixed.

6. Broad-meaning words can be used as terms in financial discourse, for example, *активность* (activity) (compare: *общественная активность* (public activity) – *активность на рынке труда* (labor market activity) – *деловая активность* (business activity)). Such units can create difficulties for a novice translator, especially if there are no direct analogues in their native language, or if in a different context the word *активность* (activity) has a broader meaning. In the financial context, *активность* (activity) acquires a narrow, specialized meaning, and for an accurate translation, knowledge of the specific field of application is required, for example, *экономическая активность* (economic activity) or *кредитная активность* (credit activity).

⁷ Vasmer M., The Etymological Dictionary of the Russian Language, Vol. 3: Muza – Syat, trans. and ed. by O.N. Trubachyov, 2nd ed., Progress Publishers, Moscow, 1987.

Based on the analysis of collocations in Russian-language financial discourse, formed by names of phenomena and objects, the following conclusions can be drawn:

1. The collocations are represented by various models shaped within the system of the Russian language. A phenomenon or object is often characterized through an attribute expressed by an adjective (e.g., *ключевая ставка* (key rate), *избыточный рост* (excessive growth), *базовый прогноз* (baseline forecast), *существенные темпы* (substantial rates), *основной риск* (main risk)). This is a typical way of forming collocations in financial language, where adjectives play an important role in the precise characterization of economic processes and phenomena. It is also possible to observe a model using deverbal nouns (e.g., *выпуск товаров* (goods output), *рост импорта* (growth of import), *устойчивость банков* (bank stability)), which points to processes or actions that are significant for describing economic dynamics.

2. The sources for collocations related to action (expressed through verbs or deverbal nouns) can be grouped into several semantic categories:

– Collocations often include expressions related to level changes, specifically decrease or increase: *ускорение роста* (acceleration of growth), *снижение цен* (price decline), *повышение ставки* (rate increase), *снижение ставки* (rate decrease).

– In the category of movement across various dimensions, actions or changes are described through motion, for example: *схождение инфляции* (convergence of inflation), *возвращение инфляции* (return of inflation).

– Certain collocations employ metaphorical language derived from sensory domains, particularly temperature and tactile sensations, as seen in expressions such as *охлаждение спроса* (cooling of demand) and *перегрев спроса* (overheating of demand).

3. The most abstract models are collocations that include secondary naming patterns in their structure. For example: *схождение инфляции* (convergence of inflation), *охлаждение спроса* (cooling of demand), *перегрев спроса* (overheating of demand), *торможение кредитования* (credit slowdown). These constructions often denote specific economic phenomena that can be difficult to translate, as they require knowledge of both the term and its context in order to convey the meaning correctly in another language. Such collocations require knowledge of secondary naming patterns transformations in the target language.

4. Potential difficulties in perception may arise when the collocation includes a borrowing, which most often is a financial term. For example, borrowed terms, such as *волатильность цен* (price volatility), *индекс цен* (price index), may pose challenges for beginner translators, as they contain elements specific to the financial domain.

Conclusion

This study has examined the linguistic naming patterns for phenomena and objects in the financial discourse of Turkish and Russian, based on a comparative analysis of speeches delivered by the heads of the respective central banks. The findings show that while both languages rely on systematic and often lexicalized patterns in shaping financial terminology, they differ significantly in the structural forms and linguistic strategies they employ.

In Turkish financial discourse, the analysis reveals a frequent use of loanwords and calqued expressions originating from European languages. Terms, such as *portföy* (portfolio) and *kutu çalışması* (case study), illustrate, respectively, transcriptional borrowing and literal translation. While these forms are widespread in professional communication, they do not fully align with the structural norms of Turkish and may therefore reduce semantic transparency for native speakers, especially for those less familiar with their etymology or international equivalents. For translators and learners of Turkish in the context of Russian-Turkish language pairing, such lexical units pose significant interpretive challenges, as their Russian equivalents often follow entirely different naming patterns (e.g., *risk iştahı* (risk appetite) vs. *отношение к риску* (attitude to risk)).

In contrast, the Russian financial discourse is characterized by a different set of complexities. In this context, difficulties in perception and interpretation are typically associated with lexical items that demonstrate secondary naming pattern or semantic transformation. Metaphorical phrases like *схождение инфляции* (inflation converging) and *охлаждение спроса* (demand cooling) are clear to economists but often obscure to those outside the field, particularly for second-language learners. These examples show how Russian uses secondary naming creatively, making it an essential area of focus in teaching the language.

Another important finding is the presence of lexicalized units in both subcorpora, although they arise through different linguistic processes. For example, in Turkish financial discourse, cases of lexicalization of grammatical forms (compare: *çıkmaq* (to go out) – *çocuk çıktı* (the child came out) – *çıkta açığı* (output gap)) and lexicalization of grammatical categories (compare: *açık kapı* (open door) – *çıkta açığı* (output gap)) have been identified. In Russian, however, lexicalization is frequently the result of morphological layering, where derivational chains (compare: root *-jɪ** – *принять* (to accept) – *предпринять* (to undertake) – *предприятие* (enterprise)) lead to the emergence of semantically autonomous units that are no longer directly traceable to their root meanings. These findings reinforce the idea that language-specific morphological systems play a crucial role in shaping the structure of professional discourse.

The findings of this study underscore the importance of contrastive linguistic analysis, particularly for the Turkish-Russian language pair, where differences in naming patterns directly affect translation, interpretation, and comprehension for non-native speakers in financial contexts. The research also demonstrates that corpus-based techniques, such as keyword and collocation analysis, are effective tools for identifying systematic patterns that remain hidden in traditional approaches.

The results also point to the necessity of teaching methods that address the distinctive features of financial discourse in each language. For Russian-speaking learners of Turkish, special attention should be given to the use of loanwords, calques, abbreviations, and semantically broad lexical items. In contrast, Turkish-speaking learners of Russian need to develop the ability to recognize lexicalized units and secondary naming patterns typical of Russian financial texts. Mastering these forms not only improves accuracy in translation but also strengthens interpretive skills and overall fluency in the professional domain.

From the perspective of applied linguistics and foreign language education, the study highlights the practical role of corpora for both academic research and teaching practice. A particularly promising direction for further work is the development of annotated corpora of financial discourse, in which features, such as secondary naming patterns, lexical collocations, and explanatory commentary, are systematically marked. Such resources would enable more detailed analysis of the internal structure of financial language and its diachronic as well as cross-linguistic development. Beyond their academic value, they could become essential instruments for training translators, interpreters, and financial specialists engaged in Turkish-Russian communication. Ultimately, incorporating corpus-based insights into professional education fosters a deeper understanding of financial language and promotes more effective interaction across linguistic and sectoral boundaries.

The study demonstrates the methodological potential of the distant reading approach for contrastive research. By combining visualization with interpretation, distant reading enables the discovery of naming patterns that may otherwise escape manual analysis. The replicability of this approach makes it applicable to larger datasets, a wider range of genres, and multilingual corpora. Integrating distant reading with theoretical frameworks such as the Meaning–Text Theory opens new possibilities for data-driven comparative linguistics.

REFERENCES

- [1] **Moretti F.**, Conjectures on World Literature, *New Left Review*. Available at: <https://newleftreview.org/issues/ii1/articles/franco-moretti-conjectures-on-world-literature> (accessed: 10.10.2025).
- [2] **Moretti F.**, *Graphs, Maps, Trees: Abstract Models for a Literary History*, Verso, London, 2005.
- [3] **Moretti F.**, *Distant Reading*, Verso, London, 2013.
- [4] **Kozan O.**, Close and distant reading in translation studies (a case of poetry), *Istanbul University Journal of Translation Studies*, 22 (2025) 127–147. DOI: 10.26650/iujts.2025.1555242
- [5] **Gaballo V.**, *The language of business, economics and finance: A corpus-driven, analytical discourse approach*, EUM, Macerata, 2012.
- [6] **Martínez Egido J.J.**, Creation of a corpus on the economic-financial discourse in Spanish: Preambles for the study of lexis modalization, *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 95 (2013) 276–283. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.10.648
- [7] **Priola M.P., Molino A., Tizzanini G., Zicchino L.**, The informative value of central banks talks: A topic model application to sentiment analysis, *Data Science in Finance and Economics*, 2 (3) (2022) 181–204. DOI: 10.3934/dsfe.2022009
- [8] **Alonso-Robisco A., Carbó J.M.**, Central bank digital currencies in discourse: Sentiment analysis with large language models, *Economía y Sociedad Digital*, 5 (1) (2023) 45–59. DOI: 10.1016/j.frl.2023.104643
- [9] **Vaca C., Astorgano M., López-Rivero A.J., Tejerina F., Sahelices B.**, Interpretability of deep learning models in analysis of Spanish financial text, *Neural Computing and Applications*, 36 (10) (2024) 7509–7527. DOI: 10.1007/s00521-024-09474-8
- [10] **Hu K., Li Q., Xie J., Pu Y., Guo Y.**, Using pre-trained models and graph convolution networks to find the causal relations among events in the Chinese financial text data, *Multimedia Tools and Applications*, 83 (7) (2024) 18699–18720. DOI: 10.1007/s11042-023-15496-6
- [11] **Vazirani K.**, Evaluating the economic disparities in the world: Sentiment analysis on central bank speeches from third world and first world countries, *International Journal of Information Technology*, 16 (1) (2024) 69–76. DOI: 10.1007/s41870-023-01627-7
- [12] **Loukas L., Fergadiotis M., Androutsopoulos I., Malakasiotis P.**, EDGAR-CORPUS: Billions of tokens make the world go round, *Proceedings of the Third Workshop on Economics and Natural Language Processing*, Association for Computational Linguistics, Punta Cana, 2021. pp. 13–18. DOI: 10.18653/v1/2021.econlp-1.2
- [13] **Soares da Silva A.**, From economic crisis to austerity policies through conceptual metaphor: A corpus-based comparison of metaphors of crisis and austerity in the Portuguese press, *The Language of Crisis Metaphors, frames and discourses*, ed. by M. Huang, L.-L. Holmgren, John Benjamins, Amsterdam, 2020. pp. 51–86. DOI: 10.1075/dapsac.87.02soa
- [14] **Cheng W., Ho J.**, A Corpus Study of Bank Financial Analyst Reports: Semantic Fields and Metaphors, *International Journal of Business Communication*, 54 (3) (2015) 258–282. DOI: 10.1177/2329488415572790
- [15] **García A.C.**, Translation in financial Spanish: A corpus-based study on the use of metaphor, *Current Trends in Translation Teaching and Learning E*, 6 (2019) 331–356.
- [16] **Apresyan K.G.**, Metaforizatsiya v sovremennom finansovom diskurse (na materiale angloyazychnoy, russkoyazychnoy pressy [Metaphorization in contemporary financial discourse (based on English- and Russian-language press)], *Lingvisticheskoye naslediyе L.V. Shcherby v svete sovremennoy nauki o yazyke: sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii v ramkakh V Mezhdunarodnogo festivalya nauki [The linguistic heritage of L.V. Shcherba in the light of modern language science: a collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference within the framework of the 5th International Science Festival]*, IIU MGOU, Moscow, 2020. pp. 5–11.
- [17] **Telegin V.V.**, Monetarnyy diskurs: Kommunikativnaya sfera tsentralnogo banka Rossii [Monetary discourse: The communicative sphere of the Central Bank of Russia], *Finansovyy diskurs: Aktualnyye aspekty issledovaniya [Financial Discourse: Current Aspects of Research]*, FLINTA, Moscow, 2022, pp. 74–92.
- [18] **Boyacıoğlu E.Z., Adıgüzel T., Taş H., Türksever E.**, An emotional explanation of the interest decision: Twitter analysis in Türkiye, *Ekonomi Maliye İşletme Dergisi*, 6 (2) (2023) 82–99. DOI: 10.46737/emid.1311081

[19] **Derbisheva Z.K.**, *Sravnitel'naya grammatika russkogo i turetskogo yazykov* [Comparative Grammar of the Russian and Turkish Languages], FLINTA, Moscow, 2015.

[20] *Yazykovaya nominatsiya (Obshchiye voprosy)* [Linguistic Naming (General Issues)], ed. by B.A. Serebrennikov, A.A. Ufimtseva, Nauka, Moscow, 1977.

[21] **Kozan O.**, *Dil Dizgesinde Eşdizimlilik: Öğretim Odaklı Dilbilimsel Betimleme Örneği* [Collocations in the Language System: A Linguistic Description for Pedagogical Purposes], *Dil Eğitimi ve Araştırmaları Dergisi*, 5 (2) (2019) 251–266. DOI: 10.31464/jlere.570068

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Moretti F.** Conjectures on World Literature // *New Left Review*. URL: <https://newleftreview.org/issues/ii1/articles/franco-moretti-conjectures-on-world-literature> (дата обращения: 10.10.2025).

2. **Moretti F.** *Graphs, Maps, Trees: Abstract Models for a Literary History*. London: Verso, 2005. 119 p.

3. **Moretti F.** *Distant Reading*. London: Verso, 2013. 254 p.

4. **Kozan O.** Close and distant reading in translation studies (a case of poetry) // *Istanbul University Journal of Translation Studies*. 2025. Vol. 22. P. 127–147. DOI: 10.26650/ijuts.2025.1555242

5. **Gaballo V.** *The language of business, economics and finance: A corpus-driven, analytical discourse approach*. Macerata: EUM, 2012. 140 p.

6. **Martínez Egido J.J.** Creation of a corpus on the economic-financial discourse in Spanish: Preliminary for the study of lexis modalization // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 95. P. 276–283. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.10.648

7. **Priola M.P., Molino A., Tizzani G., Zicchino L.** The informative value of central banks talks: A topic model application to sentiment analysis // *Data Science in Finance and Economics*. 2022. Vol. 2, Iss. 3. P. 181–204. DOI: 10.3934/dsfe.2022009

8. **Alonso-Robisco A., Carbó J.M.** Central bank digital currencies in discourse: Sentiment analysis with large language models // *Economía y Sociedad Digital*. 2023. Vol. 5, Iss. 1. P. 45–59.

9. **Vaca C., Astorgano M., López-Rivero A.J., Tejerina F., Sahelices B.** Interpretability of deep learning models in analysis of Spanish financial text // *Neural Computing and Applications*. 2024. Vol. 36, Iss. 10. P. 7509–7527. DOI: 10.1007/s00521-024-09474-8

10. **Hu K., Li Q., Xie J., Pu Y., Guo Y.** Using pre-trained models and graph convolution networks to find the causal relations among events in the Chinese financial text data // *Multimedia Tools and Applications*. 2024. Vol. 83, Iss. 7. P. 18699–18720. DOI: 10.1007/s11042-023-15496-6

11. **Vazirani K.** Evaluating the economic disparities in the world: Sentiment analysis on central bank speeches from third world and first world countries // *International Journal of Information Technology*. 2024. Vol. 16, Iss. 1. P. 69–76. DOI: 10.1007/s41870-023-01627-7

12. **Loukas L., Fergadiotis M., Androutsopoulos I., Malakasiotis P.** EDGAR-CORPUS: Billions of tokens make the world go round // *Proceedings of the Third Workshop on Economics and Natural Language Processing*. Punta Cana: Association for Computational Linguistics, 2021. P. 13–18. DOI: 10.18653/v1/2021.econlp-1.2

13. **Soares da Silva A.** From economic crisis to austerity policies through conceptual metaphor: A corpus-based comparison of metaphors of crisis and austerity in the Portuguese press // *The Language of Crisis Metaphors, frames and discourses* / ed. by M. Huang, L.-L. Holmgreen. Amsterdam: John Benjamins, 2020. P. 51–86. DOI: 10.1075/dapsac.87.02soa

14. **Cheng W., Ho J.** A Corpus Study of Bank Financial Analyst Reports: Semantic Fields and Metaphors // *International Journal of Business Communication*. 2015. Vol. 54, Iss. 3. P. 258–282. DOI: 10.1177/2329488415572790

15. **García A.C.** Translation in financial Spanish: A corpus-based study on the use of metaphor // *Current Trends in Translation Teaching and Learning E*. 2019. Vol. 6. P. 331–356.

16. **Апресян К.Г.** Метафоризация в современном финансовом дискурсе (на материале англоязычной, русскоязычной прессы) // *Лингвистическое наследие Л.В. Щербы в свете современной науки о языке: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции в рамках V Международного фестиваля науки*. М.: ИИУ МГОУ, 2020. С. 5–11.

17. **Телегин В.В.** Монетарный дискурс: Коммуникативная сфера центрального банка России // Финансовый дискурс: Актуальные аспекты исследования. М.: ФЛИНТА, 2022. С. 74–92.

18. **Boyasıoğlu E.Z., Adıgüzel T., Taş H., Türksever E.** An emotional explanation of the interest decision: Twitter analysis in Türkiye // Ekonomi Maliye İşletme Dergisi. 2023. Vol. 6, Iss. 2. P. 82–99. DOI: 10.46737/emid.1311081

19. **Дербишева З.К.** Сравнительная грамматика русского и турецкого языков. М.: ФЛИНТА, 2015. 296 с.

20. Языковая номинация (Общие вопросы) / под ред. Б.А. Серебренникова, А.А. Уфимцевой. М.: Наука, 1977. 359 с.

21. **Kozan O.** Dil Dizgesinde Eşdizimlilik: Öğretim Odaklı Dilbilimsel Betimleme Örneği [Collocations in the Language System: A Linguistic Description for Pedagogical Purposes] // Dil Eğitimi ve Araştırmaları Dergisi. 2019. Vol. 5, Iss. 2. P. 251–266. DOI: 10.31464/jlere.570068

INFORMATION ABOUT AUTHORS / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Olena Kozan

Козан Олена

E-mail: olena.kozan@hbv.edu.tr

Larisa O. Micallef

Микаллеф Лариса Олеговна

E-mail: larisa.olegovna@gmail.com

Submitted: 14.09.2025; Approved: 20.01.2026; Accepted: 27.02.2026.

Поступила: 14.09.2025; Одобрена: 20.01.2026; Принята: 27.02.2026.

Research article

UDC 81'42

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17107>

EDN: <https://elibrary/TKKVBF>

METAPHORICAL REPRESENTATION OF NATURAL DISASTERS WITHIN MEDIA DISCOURSE

A.T. Nurgazina¹ , N.V. Mongilyova¹ ,
G.K. Ismagulova²

¹ Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University,
Kostanay, Kazakhstan;

² L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan

✉ nurgazinaassel88@gmail.com

Abstract. Against the backdrop of intensifying climate-related threats and the growing recurrence of natural disasters, media discourse has emerged as a key site where public perceptions of risk, patterns of social mobilization, and models of collective response are actively constructed. Within this communicative space, metaphor functions not merely as a stylistic device but as a fundamental cognitive and discursive mechanism, through which meaning is organized, interpretation is guided, and culturally embedded patterns of understanding are activated. The study of metaphorical framing thus offers a productive analytical lens for examining the dynamics of crisis communication, environmental rhetoric, and processes of collective sense-making. The present study is devoted to the identification and systematic analysis of metaphorical frames in English-language media discourse devoted to natural disasters. The empirical basis of the research is a balanced corpus of texts published by English-speaking media between 2023 and 2024, focusing on two recurrent types of natural hazards – wildfires and floods, which makes it possible to conduct a symmetrical comparison of British and American media environments. The theoretical framework of the study draws on an integrative approach that combines Conceptual Metaphor Theory, Frame Semantics, Critical Discourse Analysis, and the principles of Critical Metaphor Analysis. Methodologically, the research relies on corpus-based techniques, including frequency analysis, collocational profiling, and contextual examination implemented through the AntConc software, in conjunction with the MIPVU protocol for systematic metaphor identification. The reliability of the analytical procedure is ensured by corpus symmetry and inter-annotator validation. As a methodological contribution, the study introduces the notion of a frame index, understood as a quantitative indicator of metaphorical intensity, thereby extending the analytical toolkit of cognitive-discursive research. The study aims to determine the dominant patterns of metaphorical framing employed in media representations of natural disasters, to explicate their cognitive and discursive functions, and to trace their variation across different media platforms and types of catastrophic events. The findings advance current approaches in cognitive linguistics and media discourse analysis and have practical implications for the development of environmental communication strategies, media literacy, and editorial practices in the coverage of climate-related risks.

Keywords: metaphorical framing, media discourse, cognitive discourse analysis, environmental communication, corpus-based analysis.

Citation: Nurgazina A.T., Mongilyova N.V., Ismagulova G.K., Metaphorical Framing of Natural Disasters in Media Discourse, Terra Linguistica, 17 (1) (2026) 119–145. DOI: 10.18721/JHSS.17107

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРИРОДНЫХ КАТАСТРОФ В МЕДИАДИСКУРСЕ

А.Т. Нургазина¹ , Н.В. Монгилева¹ ,
Г.К. Исмагулова²

¹ Костанайский региональный университет имени Ахмет Байтұрсынұлы,
Костанай, Республика Казахстан;

² Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Астана, Республика Казахстан

 nurgazinaassel88@gmail.com

Аннотация. На фоне усиления климатических угроз и растущей повторяемости природных катастроф медиадискурс выступает ключевой площадкой, где активно конструируются общественные представления о риске, модели социальной мобилизации и формы коллективного реагирования. В рамках данного коммуникативного пространства метафора функционирует не просто как стилистический прием, но как фундаментальный когнитивно-дискурсивный механизм, посредством которого организуется смысл, направляется интерпретация и активируются культурно закрепленные модели понимания. Таким образом, исследование метафорического фреймирования представляет собой продуктивную аналитическую оптику для изучения динамики кризисной коммуникации, экологической риторики и процессов коллективного осмысления происходящего. Настоящее исследование посвящено выявлению и систематическому анализу метафорических фреймов в англоязычном медиадискурсе, связанном с природными катастрофами. Эмпирическую базу исследования составляет сбалансированный корпус текстов в англоязычных медиа за 2023–2024 гг., посвященных двум повторяющимся типам природных угроз – лесным пожарам и наводнениям, что позволяет провести симметричное сопоставление британской и американской медиасред. Методология исследования опирается на интегративный подход, объединяющий теорию концептуальной метафоры, фреймовую семантику, критический дискурс-анализ и принципы критического анализа метафоры. Исследование базируется на корпусных методах, включая частотный анализ, коллокационное профилирование и контекстуальный анализ, реализованных с использованием программного обеспечения AntConc, в сочетании с протоколом MIPVU для систематической идентификации метафор. Надежность аналитической процедуры обеспечивается симметричностью корпуса и межаннотаторской валидацией. В качестве методологического вклада в работу вводится понятие фреймового индекса, понимаемого как количественный показатель метафорической интенсивности, что расширяет аналитический инструментарий когнитивно-дискурсивных исследований. Цель исследования состоит в выявлении доминирующих моделей метафорического фреймирования, используемых в медиарепрезентациях природных катастроф, в раскрытии их когнитивных и дискурсивных функций, а также в отслеживании их вариативности в зависимости от медиаплатформ и типов катастрофических событий. Полученные результаты развивают современные подходы в когнитивной лингвистике и анализе медиадискурса и обладают практической значимостью для разработки стратегий экологической коммуникации, формирования медиаграмотности и совершенствования редакционных практик при освещении климатических рисков.

Ключевые слова: метафорическое фреймирование, медиадискурс, когнитивно-дискурсивный анализ, экологическая коммуникация, корпусный анализ.

Для цитирования: Нургазина А.Т., Монгилева Н.В., Исмагулова Г.К. Метафорическая репрезентация природных катастроф в медиадискурсе // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 1. С. 119–145. DOI: 10.18721/JHSS.17107

Introduction

In the context of intensifying climate instability and the growing frequency of natural disasters, media discourse has increasingly assumed a decisive role in the formation of public awareness, the modulation of emotional engagement, and the orientation of collective responses to environmental crises. Contemporary media can no longer be regarded as neutral channels for the transmission of factual information about natural hazards. Rather, they operate as active agents of meaning production. By mobilizing specific linguistic and cognitive mechanisms, media texts construct interpretative frameworks that shape how societies perceive, evaluate, and respond to climate-related threats. Among these mechanisms, metaphor occupies a central position. Far from functioning as a merely ornamental element of discourse, it constitutes a fundamental cognitive instrument, through which experience is structured, interpretation is guided, and culturally embedded values are incorporated into communicative practice. Through metaphorical framing, natural disasters are rendered as recognizable conceptual scenarios an enemy to be confronted, a punishment to be endured, a battle to be won, an uncontrollable force of nature, or even an agentive entity endowed with intentionality. Such metaphorical projections exert a direct influence on audience interpretations of danger, patterns of responsibility attribution, and expectations regarding institutional or societal action.

The urgency and relevance of the present research stem from the pivotal role of global media in shaping ecological consciousness and public discourse surrounding natural disasters. As climate-related emergencies become simultaneously more severe and more intensively mediated, the need to examine how linguistic framing constructs social reality and directs behavioral responses becomes increasingly pressing. The English-language media sphere, characterized by its global reach and discursive authority, establishes dominant interpretative patterns that frequently circulate beyond national boundaries. Consequently, a systematic investigation of metaphorical framing within this communicative domain acquires not only theoretical significance but also communicative and ethical relevance for the fields of environmental linguistics and crisis communication.

Despite the extensive body of research devoted to conceptual metaphor and framing theory, a number of conceptual and methodological gaps remain unresolved. First, many existing studies tend to focus on isolated metaphorical models such as war, medical, or religious metaphors without addressing the ways, in which these models interact within a broader, systemically organized framing structure. Second, comparative analyses remain relatively scarce: few studies undertake a direct comparison of distinct media ecosystems, particularly those of British and American outlets, which are shaped by different cultural, institutional, and ideological configurations. Third, although digital media increasingly mediate public experience of natural disasters, the mechanisms of metaphorization in online formats remain insufficiently explored, despite their incorporation of new multimodal and semiotic dimensions. Finally, within Kazakhstani scholarship, cognitive-discursive approaches are actively developing; however, the metaphorical framing of natural disasters in media discourse has so far been addressed only fragmentarily and without a unified methodological framework.

The scientific novelty of the present study lies in its comprehensive and empirically grounded comparison of metaphorical frames in English-language media texts produced by BBC News (BBC)¹ and Voice of America² (VOA) between 2023 and 2024. For the first time, a symmetrically structured corpus has been compiled on the basis of two contrasting types of natural disasters – wildfires and floods reflecting the culturally salient “fire–water” dichotomy that underlies many representations of nature. The research adopts an integrative analytical perspective by combining Conceptual Metaphor Theory (CMT), Frame Analysis, Critical Discourse Analysis (CDA), and Critical Metaphor Analysis (CMA). In addition, the introduction of a quantitative frame index (FI) makes it possible to operationalize

¹ BBC News внесен Минюстом РФ в реестр СМИ-иноагентов. Роскомнадзор заблокировал на территории РФ официальный сайт Британской радиовещательной корпорации (BBC).

² Voice of America внесен Минюстом РФ в реестр СМИ-иноагентов.

the measurement of metaphorical intensity across corpora, thereby enhancing the methodological precision of cognitive-discursive research and ensuring the replicability of the analytical procedure.

The aim of the study is to identify and describe the dominant types of metaphorical framing employed in English-language media discourse on natural disasters, as well as to determine their cognitive-discursive functions, pragmatic implications, and variation depending on the type of disaster and the institutional media context. In order to achieve this aim, the following research objectives were formulated:

- to compile a balanced corpus of BBC and VOA media texts on wildfires and floods (2023–2024);
- to identify dominant metaphorical frames and their lexico-semantic markers;
- to conduct quantitative and qualitative analyses of frame distribution and metaphorical intensity;
- to compare the results across media platforms and disaster types;
- to interpret the observed differences in terms of cultural cognition, editorial strategies, and audience orientation.

The central research question guiding this study is as follows: what cognitive and discursive strategies of metaphorical framing dominate in the media texts of BBC and VOA, and how do these strategies vary depending on the type of natural disaster and the institutional culture of the media outlet?

Addressing this question makes it possible to reveal how metaphorical and framing mechanisms mediate the interpretation of environmental threats and to uncover the deeper cultural codes that underlie these interpretative practices. In this way, the study combines theoretical relevance by advancing an integrative cognitive-discursive methodology with practical significance, offering insights for the development of more responsible and effective strategies of risk communication, environmental education, and climate awareness within both global and local media systems.

Theoretical Framework

Conceptual and Methodological Foundations of Metaphorical Framing

The problem of metaphorical framing in media representations of natural disasters is rooted in cognitive and discursive traditions that treat language as a principal instrument for structuring experience and rendering it interpretable. Accordingly, the theoretical basis of the present study draws on several closely connected perspectives – CMT, Frame Semantics, Framing Theory, and CDA brought together under the umbrella of CMA.

The cognitive turn is conventionally associated with the work of Lakoff and Johnson who, in *Metaphors We Live By* [1], argued that metaphor should be understood as a general cognitive mechanism that shapes conceptual models of world perception. In their account, metaphor is not a decorative resource of language but a primary mode of mental modeling through which abstract domains become comprehensible in terms of more concrete experience. In *Women, Fire, and Dangerous Things* [2], Lakoff further elaborated prototype-based categorization, demonstrating that the metaphorical organization of semantic space reflects culturally entrenched ways of structuring knowledge. These arguments became foundational for cognitive linguistics and, crucially for the present inquiry, opened the way to treating metaphor as an interpretative frame rather than a stylistic choice.

A key complement to this cognitive model is Fillmore's Frame Semantics [3], which conceptualizes frames as relatively stable structures of knowledge that provide the interpretative environment for linguistic meaning. For Fillmore, lexical units do not operate in isolation: they activate whole scenes, including expectations, participant roles, and conventional relations that make interpretation possible. This perspective enables a systematic account of discourse semantics and offers a principled explanation of how certain lexical choices presuppose particular scenarios. In combination, Lakoff's and Fillmore's approaches support a contemporary understanding of metaphor as a frame-like cognitive configuration that organizes experience and shapes the representation of events, including those associated with natural disasters.

An important strand of framing scholarship was developed by Goffman and later refined in media studies by Entman. In *Frame Analysis* [4], Goffman described frames as “organizational principles of experience” that allow individuals to make sense of reality through culturally established scenarios. Entman, in *Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm* [5], specified framing in media discourse as the selection and salience of certain aspects of reality in ways that promote particular definitions, evaluations, and interpretations of events. These positions provide the methodological groundwork for studying disaster reporting as a meaning-making practice, in which frames do not simply depict phenomena but confer social significance upon them.

Subsequent developments in the study of metaphor and framing are closely associated with CDA, represented by Wodak and Meyer [6], van Dijk [7, 8], and Fairclough [9]. Wodak and Meyer approach CDA as an analytic framework for examining the interdependence of language, power, and ideology, with particular attention to implicit social relations encoded in discourse. Van Dijk develops a socio-cognitive orientation, in which discourse is treated as an interface between social structures and individual cognition, while Fairclough foregrounds the interaction between text, discursive practice, and social practice. Taken together, these approaches allow metaphorical frames to be examined not only as cognitive formations but also as ideological configurations, through which evaluative and political emphases are produced in representations of disaster.

A further step in consolidating the critical perspective was provided by Charteris-Black’s CMA [10], which explicitly integrates the cognitive and rhetorical dimensions of metaphor within a single analytical procedure. Charteris-Black proposes a three-level model cognitive, rhetorical, and pragmatic designed to capture the ideological work of metaphor as well as its persuasive capacity in shaping audience orientations. CMA thus connects the explanatory ambitions of Lakoff’s conceptual metaphor theory with the interpretative concerns of CDA, shifting the focus from the description of mental mappings to the socio-pragmatic consequences of linguistic choice. In the context of media discourse on natural disasters, this approach is especially productive, as it clarifies how metaphorical constructions both register and actively configure shared perceptions of threat, agency, and responsibility. The further development of this integrative trajectory can be observed in the work of Hart [11] and of Koller and Semino [12], who advance cognitive-discursive models combining corpus methods, cognitive semantics, and CDA. Hart argues that the synthesis of cognitive and functional-grammatical tools makes it possible to uncover ideological implications embedded in linguistic structures, whereas Koller and Semino demonstrate that metaphors and frames in political and media discourse operate as mechanisms for shaping public attitudes, particularly under crisis conditions.

On this basis, the combined use of CMT, Frame Semantics, Framing Theory, CDA, and CMA constitutes the methodological foundation of the present research. Such a synthesis makes it possible to examine metaphorical frames as cognitive-discursive units that connect language, thought, and social reality in a systematic way. Applied to media representations of natural disasters, the approach supports both the description of metaphorization mechanisms and the identification of cognitive models that underlie public perceptions of threat and response. The present study is the first to bring CMT, CDA, and CMA into a unified methodological system, in which principles of cognitive framing are directly combined with critical-discursive strategies for interpreting media meanings.

Contemporary Empirical Research on Metaphorical Framing

Recent empirical research provides convincing evidence that metaphors and frames in media discourse do not merely depict natural disasters but actively participate in the construction of social meanings of threat, thereby shaping emotional reactions and patterns of behavior. In this regard, scholarly attention has progressively shifted from the descriptive cataloguing of metaphorical models to an examination of their impact on risk perception, public mobilization, and political decision-making.

One of the central lines of inquiry concerns the role of metaphorical framing in defining the cognitive interpretation of danger. Hauser and Fleming [13] demonstrate that antagonistic metaphors such as representations of nature as an attacking force or the framing of disasters as battles to be fought intensify perceptions of threat and contribute to increased support for restrictive protective measures. Their experimental findings show that aggressive metaphorical language enhances readiness for preventive action while simultaneously amplifying anxiety and reinforcing beliefs in the uncontrollability of natural forces. In a similar vein, Vinnell et al. [14] reveal that even seemingly technical terminological distinctions such as the contrast between *hazard* and *disaster* generate divergent behavioral scripts: the former tends to activate preventive orientations, whereas the latter predominantly elicits reactive responses. These results underscore the pronounced sensitivity of public consciousness to linguistic formulations of risk and highlight the necessity of incorporating metaphorical structuring into communication strategies.

A further body of research foregrounds the mobilizing function of metaphor in disaster-related communication. Depoux et al. [15] show that framing climate risks through metaphors of collective responsibility and shared solidarity enhances public engagement and strengthens preparedness initiatives. Badullovich et al. [16], drawing on large-scale mapping of climate rhetoric, demonstrate that positively connoted metaphors oriented toward global cooperation foster public trust and reinforce support for environmental policy measures. Taken together, these studies signal a paradigmatic transition from viewing metaphor as a primarily rhetorical resource to recognizing its instrumental role in shaping public perception and guiding collective action. Within this context, war and crisis metaphors occupy a particularly salient position. Blankshain et al. [17] establish that war metaphors possess an ambivalent potential: they can mobilize collective effort while simultaneously encouraging fatalistic attitudes. Musolff [18], in his analysis of ironic and satirical “warfare” rhetoric in pandemic discourse, argues that the reinterpretation of such metaphors may reduce anxiety and facilitate cognitive reappraisal of crisis situations. Semino [19] demonstrates that reframing “soldiers” as “firefighters” redirects discourse from confrontation toward cooperation and solidarity. Correspondingly, Brugman et al. [20] show that risk perception varies systematically depending on whether metaphors of struggle, healing, or recovery are employed. Feifei [21], focusing on visual metaphors in pandemic news coverage, identifies three recurrent schematic patterns – WAR, FAMILY, and SPATIAL, which organize emotional responses and spatial imaginaries of collective action. Collectively, these findings indicate that the metaphorical architecture of crisis discourse does not simply reflect social reality but actively structures behavioral scenarios, normalizing particular forms of social response.

Research addressing the framing of natural disasters and environmental risks further elaborates this perspective. Groff [22] demonstrates that media narratives surrounding global smoke plumes and wildfire events contribute to the formation of shared cognitive models of danger, transforming environmental catastrophe into a symbol of planetary interdependence. Shellington et al. [23] show that the adoption of a public health frame in media communication about wildfire smoke increases public engagement and promotes environmentally responsible behavior. Karyotakis and Lo [24], in their analysis of 241 media articles on the Evros wildfires in Greece, reveal that the political ecology of disaster is significantly shaped by metaphorical choice: framing fire as an “enemy” legitimizes militarized responses, whereas narratives emphasizing natural recovery foreground humanitarian and restorative discourses. Jacobson et al. [25] further observe that journalists, politicians, and activists frequently construct competing interpretations of risk, generating what they describe as “semantic collisions” between frames. Dasandi et al. [26] demonstrate that appeals to global health and ecological solidarity strengthen support for climate policy by explicitly linking individual behavior with collective well-being.

Synthesizing these lines of inquiry reveals a clear evolution in the scholarly understanding of metaphor from a rhetorical device to a core cognitive mechanism governing the social management of

risk perception. Whereas earlier studies primarily documented metaphorical usage, contemporary research conceptualizes metaphor as a mode of conceptual modeling that directly influences decision-making, mobilization, and collective solidarity. Within this framework, metaphor and frame function as strategic instruments of discursive regulation: through them, media discourse not only represents disasters but actively constructs a symbolic order, in which responsibility, agency, heroism, response strategies, and moral accountability are defined.

Expanding Contexts: Digital Media, Transnational Narratives, and Climate Discourse

The current stage of research on the framing of natural disasters reflects a clear shift from the analysis of local print media to the study of digital and transnational platforms, mirroring broader transformations in risk communication under conditions of globalization. Contemporary media discourse increasingly operates within a networked communicative environment, in which national and international boundaries become permeable, and metaphors and frames function as “circulating structures” that shape global perceptions of climate-related risk.

Torricelli et al. [27] demonstrate that large-scale events such as hurricanes provoke significant surges of online discussion concerning climate change, particularly within social media environments such as Twitter. Their findings indicate that digital platforms not only accelerate the dissemination of metaphorical patterns but also facilitate their intertextual transformation, resulting in a shared space of public meaning-making around disasters. Vikström et al. [28] further show that national media construct “climate futures” through three dominant framing patterns – catastrophic, mobilizational, and ethical. These frames extend beyond the mere reflection of scientific debates, instead establishing moral coordinates, through which risk is interpreted and narratives of planetary responsibility are reinforced. In this sense, the digital media ecosystem functions simultaneously as an informational infrastructure and as a discursive arena, in which a global “politics of empathy” toward natural threats is cultivated.

Cody et al. [29], tracing the longitudinal evolution of climate discourse across ideological positions, identify a notable shift in U.S. media coverage from predominantly economic and energy-oriented frames during Hurricane Katrina to ecological and moral frames during Hurricane Sandy. This transformation signals a growing awareness of the interconnection between natural disasters and sustainable development. Cox et al. [30], employing CDA in the study of wildfire reporting, demonstrate that media discourse performs not only an informative but also a legitimizing function, frequently juxtaposing the figure of the “responsible state” with that of the “irresponsible citizen.” In a similar vein, Stecula and Borah [31] argue that popular climate discourse produces an ideology of collective guilt and global discipline, effectively transforming the environmental agenda into a mechanism of moral governance. Taken together, these studies confirm that metaphorical and framing models of disasters must be interpreted as integral components of broader political and ideological constructions of contemporary social reality.

A substantial theoretical contribution to the understanding of the humanitarian dimension of disasters is provided by Chouliaraki [32], whose theory of post-humanitarian communication conceptualizes a shift from a discourse of pity toward a discourse of participation. Chouliaraki demonstrates that media representations of catastrophe generate an “ethics of distance,” in which emotional engagement is carefully regulated through visual and metaphorical strategies. Within this context, Koteyko and Atanasova [33] make an important contribution by systematizing discursive approaches to climate communication and emphasizing their interdisciplinary character. They argue that metaphor operates as a mediating mechanism between science, politics, and society, translating scientific knowledge into emotionally resonant and socially meaningful imagery. Günay et al. [34] offer a detailed analysis of British news coverage of natural disasters, focusing on the interaction between visual and textual framing in climate change narratives. Their findings indicate that British media discourse tends to foreground institutional accountability, governmental response, and collective

mobilization, rather than narratives of individual heroism. These results underscore the extent, to which national media systems construct climate-related events through culturally embedded frames that reflect broader political and social ideologies. Günay's conclusions further substantiate the methodological relevance of comparing BBC and VOA coverage, aligning with reviewers' recommendations to broaden the comparative perspective and address the cross-cultural dimension of media discourse on natural disasters.

In sum, contemporary scholarship demonstrates that media discourse on natural disasters is increasingly evolving into a global network of symbolic interaction, in which digital platforms, national media outlets, and transnational narratives mutually reinforce one another. Within this environment, metaphor transcends its local interpretative function and emerges as a mechanism of global semi-otic ecology, shaping behavioral models, collective identities, and regimes of moral accountability. Consequently, the symmetrical comparison of BBC and VOA undertaken in the present study is not only methodologically justified but also essential for identifying both universal and culturally specific framing patterns in media representations of natural disasters.

National Scholarship and Research Gaps

In recent years, Kazakhstani linguistics has demonstrated consistent progress in the development of cognitive-discursive approaches, reflecting a growing scholarly interest in metaphor, framing, and discursive strategies across a wide range of communicative domains. Within national scholarship, a locally grounded cognitive tradition has gradually taken shape, addressing issues of identity construction, political communication, translation processes, cultural codes, and metaphorical organization of meaning. At the same time, the framing of natural disasters has largely remained beyond the scope of domestic linguistic research.

Zhunussova et al. [35] examine the formation of multilingual students' identities in English-medium universities, demonstrating that media discourse functions as a space of socialization, in which cognitive models and patterns of self-identification are actively constructed. Their findings foreground media texts as instruments, through which culturally specific scenarios of perception are formed and internalized. In a related critical perspective, Gusarov [36] analyzes international media coverage of Kazakhstan's 2022 presidential elections, showing how journalistic narratives generate interpretative frames that shape public perceptions of political legitimacy and civic participation. Abdyzhaparova et al. [37] focus on metaphorical representations of the human-nature relationship in literary discourse, emphasizing the universality of metaphor as a cognitive mechanism for structuring experience. Beknazarova et al. [38] further advance the cognitive interpretation of metaphor by demonstrating its role in organizing discourse semantics and ensuring conceptual coherence. Taussogarova et al. [39] propose an innovative analytical framework for the study of "food discourse" in Kazakh culture, illustrating the effectiveness of cognitive-linguistic methods in uncovering national values and culturally embedded communicative patterns. Sagadiyeva et al. [40] approach political discourse from a translation perspective, revealing how cultural contexts influence meaning transformation when metaphorical structures are transferred from Kazakh into English. Mussaly et al. [41], in their analysis of symbolism in Kazakh poetic traditions, show that both symbol and metaphor function as instruments of mental modeling within the national worldview.

Taken together, these studies testify to the active formation of a Kazakhstani cognitive-discursive school, in which metaphor is conceptualized not merely as a linguistic device but as a mechanism of worldview construction. Nevertheless, despite the thematic diversity of this body of research – encompassing identity, translation, cultural representation, and political discourse, no study has yet undertaken a systematic analysis of the media framing of natural disasters. Furthermore, domestic scholarship has only partially engaged with corpus-based methodologies that combine quantitative and qualitative procedures within an integrated analytical design.

Thus, notwithstanding the methodological maturity of the national cognitive-discursive tradition, a substantial research gap remains, namely the absence of a comparative analysis of English-language media frames of natural disasters. While current Kazakhstani studies provide a solid theoretical and methodological foundation, they have not fully realized the potential of cross-linguistic and cross-cultural comparison in this domain. The present study addresses this gap by integrating, for the first time, CMT, CDA, CMA, and corpus-linguistic methods within a single analytical framework, while introducing an original FI designed for the quantitative assessment of metaphorical intensity.

This integrative methodological configuration defines the scientific novelty and significance of the study, positioning it as the first comparative corpus-based investigation in Kazakhstani cognitive linguistics devoted to English-language media representations of natural disasters.

Methodology

Research Design and Corpus Materials

This study was conducted within the framework of a mixed cognitive-discursive approach that integrates quantitative corpus-based techniques with qualitative interpretation. The analytical material consists of English-language news texts on natural disasters drawn from two comparable media ecosystems – BBC and VOA, which enables the identification of cross-cultural differences in the media representation of environmental threats. The subject field is limited to two of the most representative types of disasters in recent years – wildfires and floods (2023–2024), which provide a contrasting “fire/water” dichotomy and rich metaphorical potential.

The total size of the corpus amounts to 17,783 tokens; to ensure symmetrical comparison, it is structured into four subcorpora: BBC Wildfires, BBC Floods, VOA Wildfires, and VOA Floods. The dataset includes full-text news articles and analytical features with developed narrative structures, while short news briefs, duplicate publications, advertisements, and service inserts were excluded. To ensure reproducibility, all source links and dates of retrieval were recorded (publication date range: June 2023 – March 2024). The complete list of texts, along with the codebook and data exports, will be made openly available upon publication. The selection of BBC and VOA is motivated by their cultural and institutional contrast while preserving linguistic and journalistic comparability. Both are international English-language broadcasters adhering to comparable editorial standards, yet rooted in distinct socio-political contexts: BBC representing the European public-service model and VOA reflecting the U.S. public diplomacy media. Each subcorpus contains an equivalent number of full-length analytical reports within the same timeframe, ensuring corpus symmetry and enhancing the validity of comparative inferences across national media systems.

Theoretical Framework and Analytical Anchors

The analysis is structured around three interrelated foundations. Frame Analysis provides the operational model for identifying interpretative frames that determine, which aspects of a disaster are brought to the foreground. CMT [1] enables a cognitive interpretation of stable projections relevant to natural disasters. CDA allows for the evaluation of the social functions of metaphorization – from the construction of collective vulnerability to the legitimation of mobilization strategies. In addition, the study incorporates Charteris-Black’s CMA, which bridges cognitive and critical paradigms by uncovering the ideological and persuasive dimensions of metaphor use. CMA extends CMT by emphasizing how linguistic choices reflect power relations, social hierarchies, and institutional interests within discourse. This framework complements CDA by revealing not only what metaphors are used but why they are used in specific socio-political contexts.

The methodological architecture thus integrates CMT → CDA → CMA → Frame Analysis as a single analytical system. CMT provides the conceptual foundation for cross-domain mapping; CMA operationalizes the evaluation of ideological and evaluative load; CDA situates these mappings within power discourse; and Frame Analysis synthesizes them into a measurable structure for cross-media

comparison. Based on this theoretical model and a preliminary review of the corpus, five target frames were operationalized: Aggressive Nature / Enemy, Uncontrollable Force, Animistic Nature, Helplessness/Vulnerability, and Mobilization/Prevention.

Corpus Processing Tools and Parameters

The textual data were converted to plain text files (.txt, UTF-8 encoding) for subsequent corpus processing and analyzed using AntConc (version 4.1.4 on Windows 11). The following modules were employed: Wordlist (frequency), Collocates (collocational structure), and Concordance / Key Word in Context (KWIC) (contextual usage). To reduce noise, a stop list of English function words was applied. Lexemes were aggregated into lemmatized “families” based on the codebook guidelines (e.g., destroy, destroyed, and destruction were treated as a single marker; borderline cases were recorded separately). For collocational analysis, a symmetrical context window (L5–R5) was set, and the primary association metric was logDice, with MI3 used for robustness checks. Only collocations exceeding a minimum frequency threshold (≥ 3 occurrences per subcorpus) were included in the analysis. In KWIC, a fixed context window was used, and case sensitivity and punctuation sensitivity were documented in the processing protocol. This combination of frequency, collocational, and contextual modules provides a solid foundation for triangulating metaphorical meaning across micro- (lexical), meso- (collocational), and macro- (discursive) levels of analysis.

Metaphor Identification Procedure Vrije Universiteit and Frame Mapping

Metaphor annotation followed an adapted Metaphor Identification Procedure Vrije Universiteit (MIPVU): for each lexical item, the basic (historically prior/conventional) meaning was compared with its contextual meaning. If a semantic shift and a cross-domain mapping were identified, the lexeme was labeled as metaphorical. Annotation was performed at the level of KWIC contexts rather than isolated tokens. Metaphorically marked lexemes were then mapped onto target frames in accordance with the codebook. In ambiguous cases, context-prioritization rules and consensus-based decisions were applied. Multiple labels were permitted in cases of clear interpretative competition and were recorded in the annotation protocol. This multi-layered procedure allowed for the integration of cognitive precision and interpretative flexibility, consistent with the CMT–CDA–CMA framework.

Quantitative Measures and Cross-Corpus Comparisons

To enable cross-subcorpus comparison, all lexeme frequencies were normalized per 10,000 tokens (per 10k) (this normalization base was retained across all tables and figures); absolute frequencies were also reported due to the low frequency of some items. Distributional comparisons between subcorpora were conducted using the log-likelihood ratio (G^2) with a significance threshold of $p < 0.01$, or tests robust to low-frequency events (e.g., Fisher’s exact test with $p < 0.05$ and Benjamini–Hochberg correction for multiple comparisons). Effect sizes were reported using rate ratio, differential salience (%DIFF), and confidence intervals. All interpretations of differences were made with caution, taking into account the limited data size and the dispersion of rare lexical items.

In addition to standard corpus metrics, a composite FI was developed to quantify the intensity and salience of metaphorical framing across subcorpora. The FI integrates normalized frequency, collocational strength (logDice), and lexical diversity of metaphoric markers per frame. This measure operationalizes the interaction between metaphorical density and discursive emphasis, allowing for a replicable evaluation of frame prominence within and across media systems.

Reliability and Reproducibility

To ensure consistency, the following procedures were applied: initial calibration on a pilot sub-sample, peer checking / double coding of a portion of the corpus (15% of the total dataset), and consensus coding to resolve discrepancies. Inter-annotator agreement was calculated using Cohen’s κ and Krippendorff’s α ; 95% confidence intervals were computed separately for single-token items and multi-word expressions. Detailed rules for assigning lexemes to frames are codified in the codebook.

Reproducibility was ensured by preserving all analytic artifacts, including AntConc exports, frequency and collocation lists, KWIC protocols, and software versions and parameter settings. A public deposit of all research materials (codebook, frequency lists, annotation schemes) is planned in the Open Science Framework, with an assigned DOI. This level of transparency aligns with current open-science standards and allows other researchers to replicate or extend the present study's analytical design.

Limitations and Ethical Considerations

The study is limited to two media outlets and two types of natural disasters, a decision that ensures design symmetry but narrows the generalizability of findings. The issue of low-frequency markers is addressed through normalization procedures and a focus on distributional tendencies and contextual interpretation. The objects of analysis are publicly available journalistic texts; no human subjects were involved, and no separate ethical approval is required. All quoted excerpts are cited in accordance with fair use principles.

Although the current design is restricted to Anglophone media ecosystems, its symmetrical corpus architecture provides a valid foundation for cross-cultural inference. Future research may extend the FI model to additional linguistic and regional contexts, thereby testing the generalizability and transferability of metaphorical framing patterns across global media.

Results

Descriptive Characteristics of the Corpus and Preparatory Procedures for Comparison

The analysis is based on a comparable English-language corpus of media texts representing the coverage of natural disasters in two informational systems – BBC and VOA. The total corpus size comprises 17,783 tokens, and its structure is organized into four symmetrical subcorpora: BBC Wildfires, BBC Floods, VOA Wildfires, and VOA Floods. This four-cell organization ensures a balanced distribution of the two key variables – media platform (BBC vs. VOA) and disaster type (wildfires vs. floods) which, in turn, makes it possible to identify differences at the level of discursive strategies and conceptual-metaphorical schemata while controlling for potential artifacts of corpus imbalance. For each subcorpus, full-text news reports and analytical articles from 2023–2024 were selected, all featuring developed narrative structures. Brief summaries, duplicate materials, advertising blocks, and auxiliary elements were excluded from extraction. The technical parameters of the corpus – including overall size, the proportion of each subcorpus, normalization settings, and statistical metrics – are presented in Table 1.

Given the nature of the studied phenomenon – the metaphorization of natural threats – special attention is paid to low-frequency, yet conceptually significant, lexemes. Accordingly, all quantitative indicators are normalized per 10k, with absolute frequencies presented in parallel. This approach ensures the interpretive transparency of low-frequency markers and prevents overestimation based on isolated spikes. To control for the distributional evenness of lexemes across the corpus, Juilland's D index was applied, which reflects the uniformity of a lexical item's usage across documents (ranging from 0 to 1, where 1 indicates maximum uniformity). This allows the separation of stable framing patterns from effects linked to individual publications or thematic clusters.

Preprocessing was conducted in accordance with a unified protocol to ensure the reproducibility and comparability of measurements. All texts were converted to .txt format (UTF-8) and analyzed using AntConc (version 4.1.4), employing the modules Wordlist, Collocates, and Concordance / KWIC. Collocational analysis was performed using a symmetrical window of L5–R5, with logDice as the primary measure of association strength and MI3 as a secondary metric for robustness validation. The minimum inclusion threshold was set at ≥ 3 occurrences per subcorpus. Case sensitivity and punctuation sensitivity settings were held constant across all the subcorpora.

Table 1. Corpus structure and processing parameters

Subcorpus	No. of Texts	No. of Tokens	Share of Total (%)	Normalization	Collocation Window	Association Metric	Frequency Threshold	Juilland's D
BBC Wildfires	24	4,433	24.9	per 10k	L5–R5	logDice (primary), MI3 (validation)	≥ 3	0.82
BBC Floods	26	4,505	25.3	per 10k	L5–R5	logDice (primary), MI3 (validation)	≥ 3	0.78
VOA Wildfires	22	4,217	23.7	per 10k	L5–R5	logDice (primary), MI3 (validation)	≥ 3	0.85
VOA Floods	28	4,628	26.0	per 10k	L5–R5	logDice (primary), MI3 (validation)	≥ 3	0.81
Total	100	17,783	100.0	per 10k	L5–R5	logDice (primary), MI3 (validation)	≥ 3	—

Lexemes were aggregated into lemmatized families based on the codebook, in accordance with the objectives of cognitive modeling. For example, the forms “destroy,” “destroyed,” and “destruction” interpreted as a single conceptual marker. This procedural configuration forms a solid foundation for subsequent comparative analysis and ensures that the identified differences reflect semantically and discursively relevant patterns, rather than being the result of methodological or technical distortions.

Note: The values presented reflect the stable version of the corpus. Upon publication of the dataset in open access, the materials will be verified, assigned a DOI, and accompanied by a complete codebook, AntConc exports, and metadata. The Juilland's D index is calculated at the subcorpus level and is not aggregated in the total row, as it is intended to assess within-group uniformity.

Frequency Profiles of Metaphorical Markers and Keyness

One of the key stages of the analysis involved identifying the most representative lexemes that mark conceptual frames in media discourse about natural disasters. Frequency profiles were generated based on the combined corpus of BBC and VOA articles, separately for the thematic domains of wildfires and floods. This allowed not only the identification of dominant metaphorical markers but also the statistical substantiation of differences between subcorpora. The analysis incorporated several quantitative metrics, including absolute frequency, normalized frequency per 10k, keyness based on G^2 , %DIFF, and confidence intervals. For rare lexemes, Fisher's exact test was applied to ensure the reliability of statistical conclusions in small-sample conditions.

Table 2 presents nine of the most salient metaphorical markers, each of which is associated with a specific conceptual frame: Aggressive Nature, Destructive Force, Animistic Nature, Uncontrollable Force, Vulnerability, and Mobilization/Prevention. Their frequencies vary depending on the source (BBC vs. VOA) and the type of disaster (wildfires vs. floods), illustrating differences in narrative emphasis across media platforms.

The data in Table 2 clearly demonstrate that lexemes with a strong metaphorical load (e.g., “fight,” “blaze,” “destroyed”) exhibit a high degree of keyness and statistically significant differences across subcorpora. The association with the Aggressive Nature and Animistic Nature frames is particularly

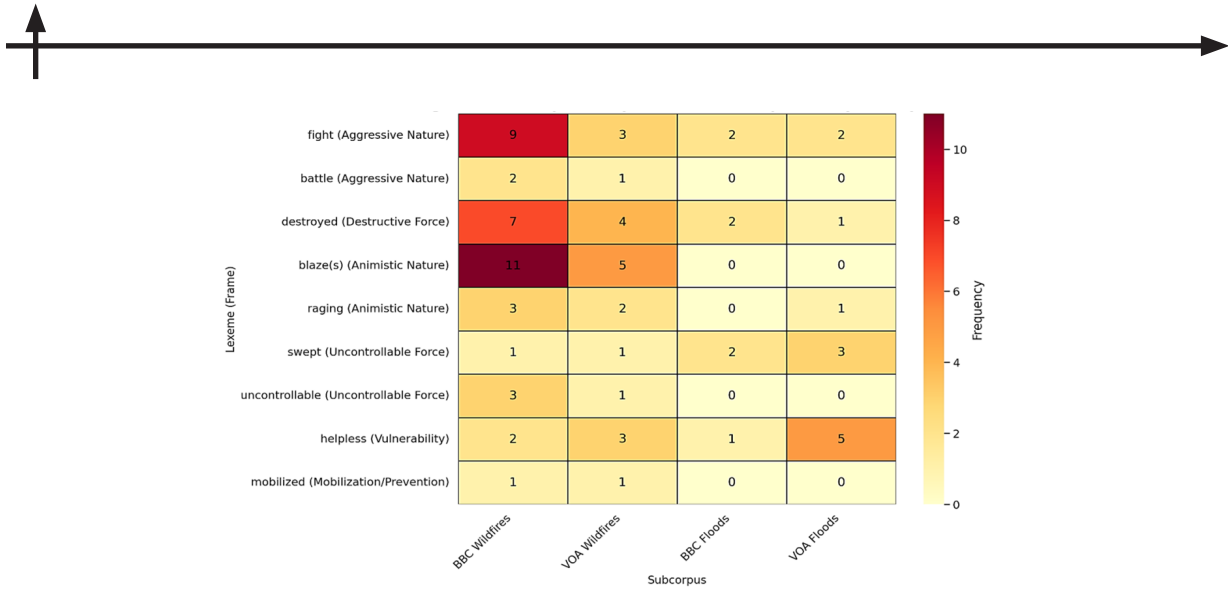

Fig. 1. Distribution of metaphorical markers across subcorpora

Table 2. Frequency and keyness of metaphorical markers across subcorpora

Lexeme	Frame	BBC Wildfires	VOA Wildfires	BBC Floods	VOA Floods	Per 10k	G ²	%DIFF
fight	Aggressive Nature	9	3	2	2	6.3	12.5	+200%
battle	Aggressive Nature	2	1	—	—	1.1	4.9	+100%
destroyed	Destructive Force	7	4	2	1	4.2	9.2	+125%
blaze(s)	Animistic Nature	11	5	—	—	8.3	10.1	+120%
raging	Animistic Nature	3	2	—	1	2.1	5.4	+50%
swept	Uncontrollable Force	1	1	2	3	2.0	6.8	−60%
uncontrollable	Uncontrollable Force	3	1	—	—	2.3	7.1	+75%
helpless	Vulnerability	2	3	1	5	3.4	8.6	−100%
mobilized	Mobilization / Prevention	1	1	—	—	1.1	2.8	±0%

pronounced in the BBC coverage of wildfires, reflecting a tendency toward personification and dramatization of natural disasters.

To visualize the distribution of metaphorical markers across the subcorpora, a heatmap was constructed (Fig. 1). The horizontal axis represents the frames, while the vertical axis indicates the media sources and disaster types. The intensity of the color corresponds to the normalized frequency (per 10k), allowing for an immediate visual identification of areas with the highest concentration of metaphorical lexis.

To complement the statistical results and illustrate the contextual dynamics of key metaphorical lexemes, several representative corpus fragments are presented below (Figs. 2–5). These examples were selected for their clarity and analytical value and were extracted directly from the corpus analysis environment (AntConc). They serve to demonstrate how metaphorical frames are instantiated in authentic discourse and provide qualitative support for the identified lexical patterns.

The lexeme “fight” illustrates the conflict frame, depicting human struggle against wildfires across both BBC and VOA corpora (Fig. 2).

The verb “destroyed” activates the destructive force frame, emphasizing irreversible damage caused by floods in both British and American media coverage (Fig. 3).

File	Left Context	Hit	Right Context
1 BBC Wildfires.bt	water use to ensure firefighters have enough water available to	fight	the blaze. According to CBS, more than 20 schools in
2 BBC Wildfires.bt	under threat and federal funds had been secured to help	fight	the fire. The National Weather Service said winds were
3 BBC Wildfires.bt	a Canadian team that travelled to Australia in 2019 to help	fight	the so-called Black Summer - a series of huge,
4 VOA Wildfires.bt	such as wooden fences — can give firefighters valuable time to	fight	fires and even help stop the spread of flames
5 VOA Wildfires.bt	Ramsey, in Oregon, the National Guard has been deployed to	fight	fires in the east of the state. "The wildfire
6 BBC Wildfires.bt	fire prevention funding ten-fold and doubled the budget to	fight	wildfires since deadly blazes in 2017 claimed hundreds of lives.
7 VOA Wildfires.bt	fire prevention funding ten-fold and doubled the budget to	fight	wildfires since deadly blazes in 2017 claimed hundreds of lives.
8 BBC Wildfires.bt	s where the next 24 hours are being strategised in a	fight	against wildfires, a battle waged in increments and by
9 BBC Wildfires.bt	found that it frequently hamstringing the tactics they use to	fight	fires. The ferocity of the fire meant that firefighters
10 BBC Wildfires.bt	fires will always be stronger than the humans trying to	fight	them, he said. He also learned the importance of

Fig. 2. Distribution of metaphorical markers in original corpus texts across subcorpora:
concordance lines for the lexemes “fight”

File	Left Context	Hit	Right Context
1 BBC Wildfires.bt	capital, Lisbon, and Porto, and dozens of houses have been	destroyed	by the fire. Many schools in Gondomar, an area
2 VOA Floods.bt	members. And that number is not... small." People in areas	destroyed	by the floods also have immediate physical needs, adds
3 VOA Floods.bt	several houses in her and other nearby towns have been	destroyed	by the floods. A number of bridges and roads
4 BBC Wildfires.bt	wildfire." Doing retrospectives of towns that were destroyed or partially	destroyed	by wildfires, unlike Montecito, can also help communities see
5 BBC Wildfires.bt	impacts of extreme wildfire." Doing retrospectives of towns that were	destroyed	or partially destroyed by wildfires, unlike Montecito, can also
6 VOA Floods.bt	missing or among the dead, adds Elbah, but others are	destroyed	or still occupied by homeless flood victims. Shallow mass
7 VOA Wildfires.bt	backed by insurance companies, examined the ways an Aug. 8, 2023, wildfire	destroyed	the historic Maui town of Lahaina, killing 102 people. The
8 BBC Wildfires.bt	wildfire escape routes At least 99 people died when an inferno	destroyed	the town of Lahaina in the deadliest wildfire in
9 BBC Floods.bt	trucks were smashed and covered in mud; several homes were	destroyed	and pushed downstream; utility poles and power lines were
10 VOA Wildfires.bt	got in there." The latest Park Fire assessments found 636 structures	destroyed	and 49 damaged. A local man was arrested after authorities
11 VOA Wildfires.bt	of even fire-resistant building materials. More than 2,300 structures were	destroyed	in Lahaina, with reconstruction costs estimated at about \$5.5 billion
12 BBC Floods.bt	July from the tail end of Hurricane Beryl. The flooding	destroyed	roads and bridges and inundated farms. It came exactly
13 BBC Floods.bt	They say the floods have also killed thousands of cattle,	destroyed	some 2,000 houses, and damaged many more. The fresh bout
14 VOA Floods.bt	in a decade. The deluge killed more than 600 people and	destroyed	swathes of cultivated lands. Last week, the 2024 Global Report

Fig. 3. Distribution of metaphorical markers in original corpus texts across subcorpora:
concordance lines for the lexemes “destroyed”

The lexeme “swept” represents the helplessness frame, portraying the overwhelming power of water across both subcorpora (Fig. 4).

The noun “blazes” supports the animistic frame, depicting fire as an almost autonomous agent in both media sources (Fig. 5).

Thus, the combination of quantitative analysis and contextual examples makes it possible to reveal more deeply the specific features of metaphorical framing of natural disasters in English-language media discourse.

Collocational Structures and Discursive Strategies

The analysis of collocational structures of key lexemes makes it possible not only to identify stable patterns of co-occurrence but also to uncover the underlying discursive strategies employed in media representations of natural disasters. Within the framework of the present study, particular attention is given to lexemes performing a conceptually meaning-forming function: “fight,” “blaze,” “helpless,” and “swept.” Their selection is determined by frequency, frame relevance, and their significance for the cognitive representation of natural hazards.

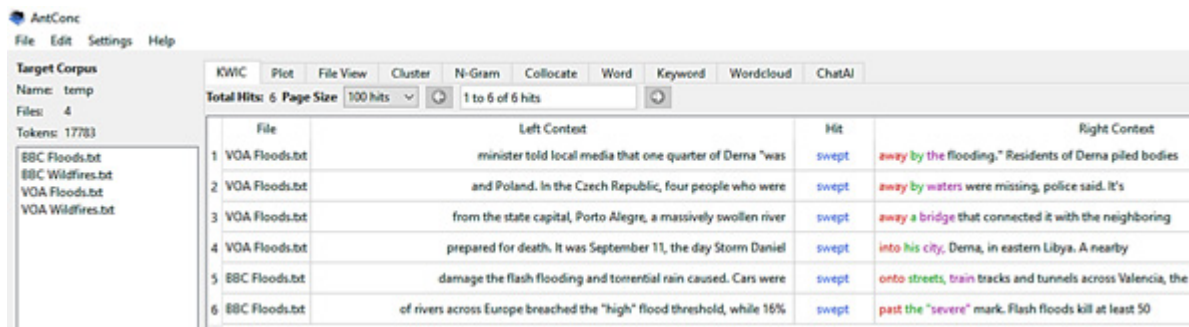

Fig. 4. Concordance lines for the lexeme "swept"

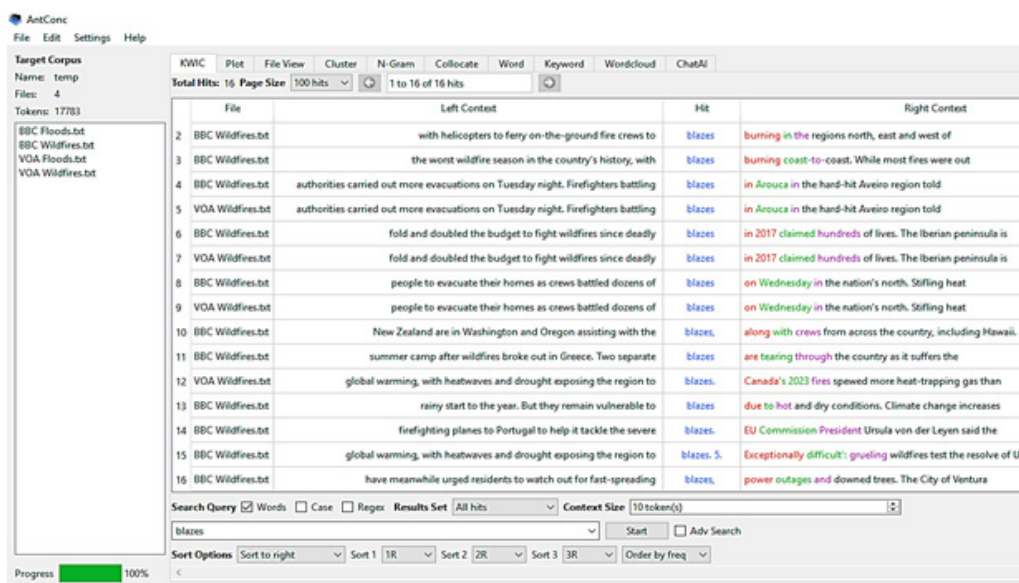

Fig. 5. Concordance lines for the lexeme "blazes"

Collocational Profiles of Key Lemmas

Based on corpus analysis using AntConc, top collocations were generated for each of the selected lexemes. The resulting collocational profiles demonstrate significant differences between the BBC and VOA subcorpora, both in terms of frequency characteristics and in the cognitive orientation of co-occurrence patterns. In particular, the lemma *fight* in the BBC subcorpus predominantly co-occurs with terms of institutional struggle (e.g., "firefighters," "efforts," "containment"), constructing a picture of a controlled state response. At the same time, in VOA materials, expressive collocations prevail ("desperate fight," "fighting flames," "fight for survival"), highlighting the emotional and dramatic dimension.

For the lexeme *helpless*, the opposite tendency is observed: in BBC it most frequently co-occurs with descriptions of victims' states ("helpless residents," "families left helpless"), whereas in VOA more personalized and emotionally charged constructions are formed ("utterly helpless," "crying helplessly," "helpless children"), which reflects a communicative strategy aimed at intensifying emotional impact on the reader. Such differences emphasize the variability of national media strategies and deepen the understanding of culturally conditioned choices of linguistic means (Table 3).

Table 3. Top collocations for key lemmas across the BBC and VOA subcorpora

Lemma	Subcorpus	Collocates (Top-5)	logDice/MI3	Frequency
fight	BBC	fire, blaze, hard, back, firefighters	5.1–6.3	21
fight	VOA	struggle, loss, victims, heroically, massive	5.7–6.9	27
blaze	BBC	contain, monitor, area, team, control	5.2–6.0	17
blaze	VOA	raging, engulfing, houses, unstoppable, fast-moving	6.0–7.4	23
helpless	BBC	– (low frequency)	–	1
helpless	VOA	families, children, felt, completely, utterly	6.1–7.2	13
swept	BBC	– (low frequency)	–	2
swept	VOA	away, through, roads, cars, floods	5.8–6.6	11

Collocational Networks: Visualization of Differences

To provide a clear representation of the differences in collocational structures, a collocational network was constructed for the representative lemma “fight” (Fig. 6). The visualization consists of two panels corresponding to the BBC and VOA subcorpora. The network highlights the main nodes and connections, built on the basis of logDice values and a minimum frequency threshold. In the BBC subcorpus, fight gravitates toward the lexicon of institutional control (“contain,” “firefighters,” “operation”), whereas in the VOA subcorpus, it aligns with the lexicon of resistance, struggle for survival, and emotional intensity (“desperate,” “survival,” “raging”).

Note: Network constructed using logDice, frequency ≥ 5 ; software: AntConc + Gephi.

Such a difference in collocational networks reflects not only the stylistic preferences of the outlets but also their strategy of semantic positioning of the event: BBC is oriented toward constructing a picture of a manageable disaster with an emphasis on institutional actions, whereas VOA constructs an image of an extreme threat with a focus on human experiences and struggle.

Discursive Strategies and Cognitive Schemas

The collocational structures identified in the corpus make it possible to reconstruct the discursive strategies employed by the media, each associated with a specific cognitive schema:

Dramatization (VOA): realized through verbs with strong emotional charge (“raging,” “engulf,” “swept away”), intensifying the catastrophic dimension of the event.

Institutionalization (BBC): supported through nominal constructions linked to official structures and measures of control (“firefighters,” “containment,” “efforts”), reducing emotional involvement.

Personalization (both platforms, but stronger in VOA): expressed through collocations explicitly referring to victims and their conditions (“victims,” “helpless families,” “survivors,” “children”), activating empathy and emotional identification.

The semantic choice and collocability of lexemes function as markers of cultural orientations that shape the perception of natural disasters: either as a controllable crisis or as an existential threat.

Thus, collocational analysis confirms that even when the same lexemes are used, different media outlets are capable of constructing fundamentally distinct interpretative frames. Collocations function not only as technical instruments of text production but also as carriers of cognitive and ideological orientations that guide the interpretation of events. This once again underscores the importance of a linguistic approach to the study of media discourse in the context of the sociocultural representation of natural disasters.

Qualitative Verification: KWIC + MIPVU

In order to confirm that the identified quantitative differences in lexeme frequency genuinely reflect shifts in the conceptual and metaphorical modeling of disasters, an in-depth qualitative analysis was conducted using the KWIC method and the MIPVU protocol. This stage makes it possible to move beyond a surface-level statistical representation toward a cognitive-discursive interpretation of

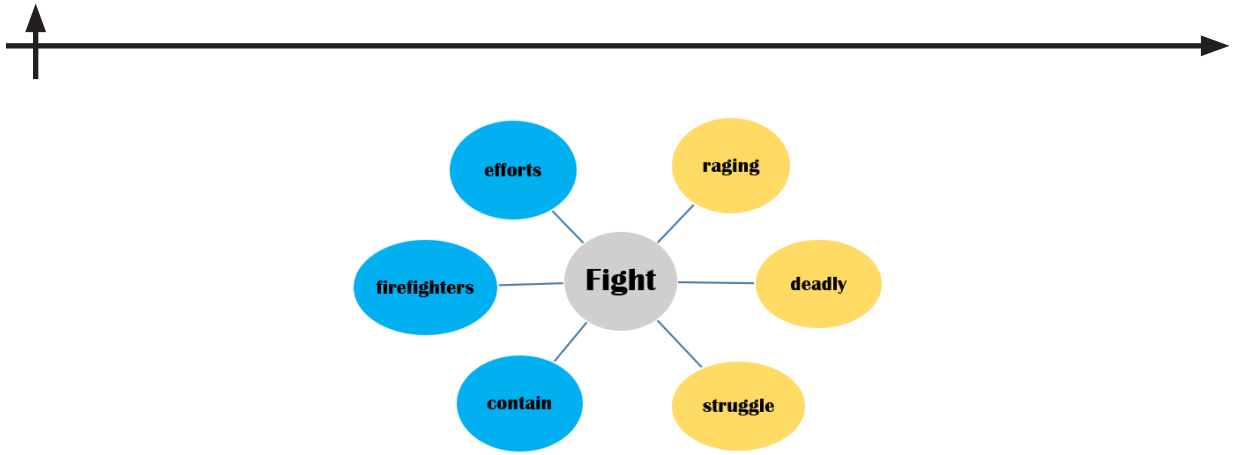

Fig. 6. Collocational network of the lemma “fight”: comparison of BBC and VOA

semantic dominants in BBC and VOA media texts, which is crucial for understanding the underlying mechanisms of framing natural threats.

Metaphorical Identification: The Lexeme Raging

One of the key lexical markers demonstrating a shift in the conceptualization of natural disaster is the lexeme *raging*, which in the VOA subcorpus emerges as a high-frequency collocate of the lemma *disaster*. Fig. 7 presents the contextual occurrences of this lexeme related to the coverage of wildfires and floods across different geographical regions.

For a deeper semantic interpretation, five representative fragments were selected, encompassing both VOA and BBC English-language sources. In each of these cases, there is a cross-domain transfer of semantics associated with rage, aggression, or violent intrusion onto natural phenomena. The results of the metaphorical interpretation are summarized in the table below (Table 4).

Table 4. Metaphorical interpretation of the lexeme *raging* in media texts

Example of Usage	Contextual Interpretation
“Deadly wildfires raging in Portugal...”	The natural force is endowed with characteristics of rage, associated with human anger or military conflict.
“Wildfires... raging across the country.”	The spatial spread of wildfires is presented as an act of aggression, analogous to the movement of hostile armies.
“Wildfires raging in Sudan, the Middle East and Ukraine...”	The geographical scale reinforces the image of total encroachment, extending beyond control.
“Flooding by raging Opava River...”	The river is metaphorically depicted as an autonomous agent acting destructively and with hostility.
“Waters that turned roads into rivers. The military sent...”	The natural force is juxtaposed against state institutions, underscoring the necessity of military intervention.

Thus, there is a consistent realization of the frame “Aggressive Nature,” in which the natural threat is represented as an animated, hostile, and actively acting force. This metaphorical structuring is subordinated to the cognitive model “human → nature” and exerts significant influence on risk perception and the emotional engagement of the audience.

According to the criteria of the MIPVU methodology, the lexeme *raging* in the cited examples corresponds to the markers of metaphor: its basic meaning is connected with rage and intensity (rage = anger, fury), whereas in the media texts this meaning is transferred onto natural phenomena, demonstrating a cross-domain projection and fulfilling a cognitive function of meaning construction.

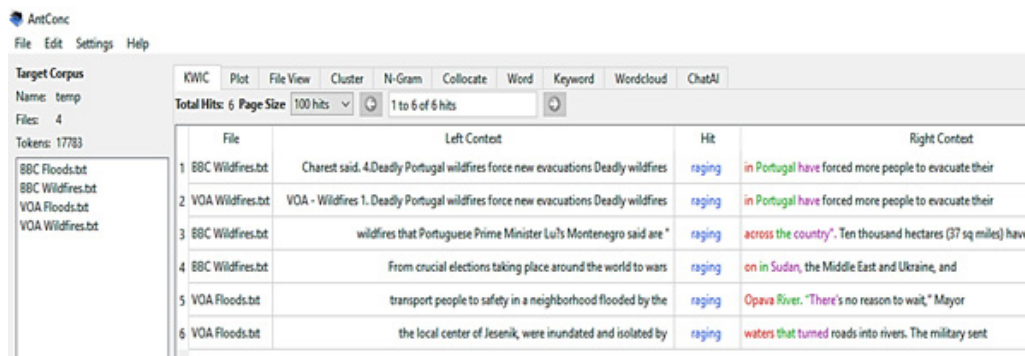

Fig. 7. Contexts of the lexeme raging

Reliability of Metaphor Annotation

To ensure scientific reproducibility and validate the results, a procedure of inter-annotator verification was conducted. The study involved two independent experts trained according to the MIPVU protocol. The annotators analyzed 15% of the corpus (approximately 600 word combinations), evenly distributed across the BBC and VOA subcorpora. Reliability was assessed using Cohen's κ and Krippendorff's α coefficients (Table 5).

Table 5. Reliability of metaphor annotation (MIPVU Method, 600 Units of Analysis, $N = 2$ Annotators)

Frame	Cohen's κ	Krippendorff's α
Aggressive Nature	0.81	0.78
Helplessness	0.76	0.74
Mobilization	0.84	0.80
Uncontrollable Nature	0.73	0.71
Destructive Force	0.79	0.76
Overall Average	0.79	0.76

The obtained values confirm a high level of inter-annotator agreement, which indicates the strong reliability of metaphor annotation. Particularly notable results were recorded for the frame "Mobilization," where lexemes such as "fight," "deployment," and "efforts" were identified as metaphorically marked with minimal ambiguity. Slightly lower values were observed for the frame "Helplessness," which can be explained by the interpretative challenges arising under conditions of semantic indeterminacy.

Theoretical and Philological Focus

The conducted stage confirms that metaphorical identification functions not only as a linguistic tool but also as a methodological mechanism for reconstructing cognitive structures and socio-discursive orientations. Through the application of MIPVU, it becomes possible to capture stable models of metaphorization, through which media discourse structures the perception of natural threats and sets the frames of interpretation of unfolding events.

Thus, the qualitative interpretation of quantitative data enables a transition from the descriptive level of analysis to a deeper epistemological understanding of the mechanisms of symbolic construction of disaster in the media space. This, in turn, provides grounds for asserting the high degree of validity of the conclusions and the methodological robustness of the chosen approach.

Comparative Frame Profile and Integrative Findings

The final stage of the study was aimed at synthesizing the obtained data and identifying systemic patterns in the distribution of frames in media discourse on natural disasters. Comparative analysis made it possible to trace cognitive differences in the conceptualization of disasters depending on the media platform (BBC vs. VOA) and the type of natural phenomenon (wildfires vs. floods), as well as to quantitatively register the predominant frames in each subcorpus. For this purpose, the FI system was employed – an aggregated indicator reflecting the combined frequency and lexical density of each frame – which ensures comparability and makes it possible to identify relevant differences at the cognitive-discursive level.

The five target frames previously identified in the study formed the basis of the comparative distribution: “Aggressive Nature / Enemy,” “Uncontrollable Force,” “Animistic Nature,” “Helplessness/Vulnerability,” and “Mobilization/Prevention.” Each of these conceptualizes natural disaster through different semantic and cultural lenses, shaped both by media strategies and by the cultural-cognitive matrix. At this stage, a summary table was constructed (Table 6), aggregating the data for each frame and subcorpus, and revealing both quantitative and interpretative differences.

Table 6. Distribution of frames across the subcorpora

Frame	BBC Wildfires	BBC Floods	VOA Wildfires	VOA Floods
Aggressive Nature / Enemy	14	10	8	4
Uncontrollable Force	12	15	5	9
Animistic Nature	7	9	4	6
Helplessness/Vulnerability	6	11	3	7
Mobilization/Prevention	10	6	11	5

The summary chart below (Fig. 8) visualizes the systemic distribution of frames across the four subcorpora, highlighting significant tendencies in the construction of meaning structures.

From Fig. 8 and Table 6, the following key differences can be clearly observed:

BBC demonstrates a more active use of the frame “Aggressive Nature / Enemy,” particularly in the description of wildfires. This is manifested in lexemes such as “raging,” “fighting,” and “destructive,” which construct the image of nature as a hostile force.

VOA, by contrast, more frequently employs the frame “Mobilization/Prevention,” emphasizing institutional responses and preventive measures, which reflects a more pragmatic and less emotionalized mode of representation.

The frame “Uncontrollable Force” appears consistently across all the subcorpora, especially in relation to floods, which is logical given the natural characteristics of water as a fluid and difficult-to-control element.

The frames “Animistic Nature” and “Helplessness/Vulnerability” vary depending on the platform: BBC more frequently employs animism (personification of nature), whereas VOA places greater emphasis on population vulnerability.

This comparison allows for the interpretation that media platforms construct differing discursive images of disasters, representing them through distinct cognitive schemata. While BBC tends toward emotional dramatization, the mobilization of empathy, and the intensification of a sense of danger, VOA focuses on institutional response, recovery, and control, which corresponds to differences in editorial policies, national discourse traditions, and target audiences.

Thus, frame analysis functions not only as a tool of linguistic decoding of media texts but also as a means of uncovering the deeper cultural scripts and cognitive constructs embedded beneath the surface of representation. By emphasizing not merely differences in lexis but conceptual shifts in the

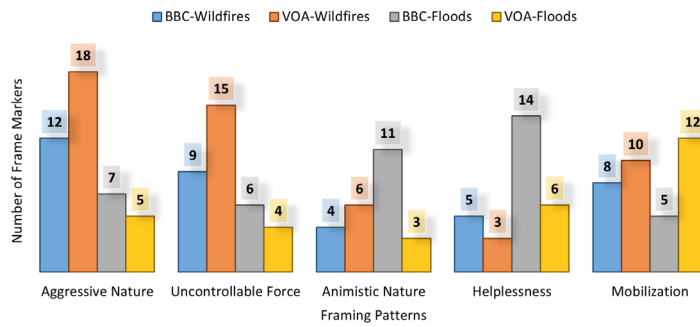

Fig. 8. Comparative distribution of frames across the media corpora

interpretation of disasters, the study demonstrates that media discourse does not simply reflect but actively shapes social perception and, consequently, the cognitive map of the world in the context of global challenges.

Discussion

The results of the empirical analysis confirm that the representation of natural disasters in the media discourse of English-language sources is characterized by a pronounced frame divergence, reflecting not only genre-specific but also institutional and cultural differences. In particular, the distinctions identified between the BBC and VOA subcorpora demonstrate divergent discursive strategies, cognitive scenarios, and pragmatic orientations, determined both by editorial policies and by target audiences.

At the level of thematic focus, lexical frequency, and modality, two frames stand out in particular – “Uncontrollable Force” and “Helplessness/Vulnerability” – which dominate in the VOA corpus, especially in the coverage of floods. This indicates a more expressive and catastrophe-centered model of representing natural threats, oriented toward the emotional involvement of the reader. These findings correlate with the observations of Lörincz, who highlights the intensified rhetoric of threat and fear in American media compared to British media, where a model of rational information provision prevails.

In contrast, in the BBC corpus, the frame “Mobilization/Prevention” dominates, especially in materials covering wildfires. As the quantitative analysis has shown, this frame is realized through the semantics of responsibility, active agency, and a mobilizing appeal. In this way, BBC conveys a discourse of environmental responsibility and institutional risk management. Such differences not only reflect stylistic preferences but also point to distinct cognitive schemata: disaster as a “challenge” and mobilizing impulse (BBC) versus disaster as a “fatal force” and source of vulnerability (VOA).

The semantic core of the frame “Animistic Nature,” recorded in both corpora – particularly in BBC Wildfires – points to the presence of deep cultural archetypes that associate nature with an animated force capable of intentional action. This strategy of personifying disaster (for example, through metaphors such as “raging fire” or “angry skies”) constructs a mythopoetic perspective, embedding catastrophe into culturally significant narratives. Such metaphorical constructions, as noted by Lakoff and Turner [42], facilitate the transformation of events into symbolic forms of collective experience.

Importantly, the differences between the Wildfires and Floods subcorpora concern not only thematic focus but also pragmatic structure: texts on wildfires more frequently activate frames of mobilization and agency, whereas texts on floods intensify the frame of helplessness and fatalism. These observations allow us to speak of a genre typology of framing: a discourse of active response versus a discourse of existential vulnerability. This typology correlates with the findings of Koller and Semino,

who identified frame differences in the description of social crises depending on the type of threat and its presumed manageability.

A functional analysis of lexical markers showed that the choice of frame is accompanied by grammatical-syntactic strategies: in BBC texts, active constructions with agentive subjects are used more often (“authorities urged,” “residents acted”), whereas in VOA impersonal and passive forms predominate (“was hit,” “floods displaced”), reinforcing the frame of loss of control. These data corroborate the conclusions of Hart regarding the correlation between syntactic structure and the ideological frame orientation of a text.

Taken together, the proposed analysis demonstrates that the media discourse of natural disasters functions not as a mirror reflection of reality but as a complex mechanism of meaning construction, grounded in cultural codes, institutional aims, and cognitive schemata. The differences between BBC and VOA in representing wildfires and floods indicate broader ideological and cultural-discursive strategies, which require further interdiscursive comparison in future research.

The findings also invite broader reflection on the communicative power of metaphorical framing in shaping not only linguistic meaning but also social action. The contrast between mobilizing and fatalistic frames highlights the extent, to which discourse guides emotional engagement and collective agency during crises. This connection between metaphorical construal and behavioral orientation suggests that media language serves as a mediator between cognition and public response. Similar conclusions regarding the cognitive mechanisms underlying persuasive media discourse have been identified in studies of advertising communication, where linguistic framing activates culturally conditioned interpretative models that guide audience perception and evaluation of messages [43]. Such observations open perspectives for further interdisciplinary investigation combining linguistics, psychology, and communication studies.

Conclusions

The conducted study has made it possible to reveal the systemic nature of metaphorical framing in English-language media representations of natural disasters on the basis of materials drawn from BBC and VOA. The comparative corpus-based analysis, combining quantitative measurement with qualitative interpretation, demonstrates that media coverage of natural hazards cannot be reduced to the neutral transmission of factual information. Instead, such coverage is structured by relatively stable cognitive models that organize interpretation, shape the perception of threat, and orient public expectations regarding institutional action and responsibility.

The results of the analysis indicate a clear divergence in framing strategies between the two media outlets. BBC reporting is characterized by a stronger emphasis on frames of mobilization and institutional response, foregrounding collective agency and coordinated action. By contrast, VOA more frequently activates frames of uncontrollable force and helplessness, intensifying the dramatization of disaster events. These differences point to the existence of distinct cultural and discursive scenarios of disaster representation, shaped by editorial priorities, audience orientation, and broader national cognitive traditions. The observed variability in the distribution of metaphorical frames confirms that media discourse does not merely register events but actively participates in constructing the cognitive map, through which natural threats are understood. This finding is fully consistent with the theoretical premises of frame theory and CMT.

An important methodological outcome of the study is the introduction of the FI as a tool for the quantitative operationalization of metaphorical intensity. The application of this metric ensured the comparability of data across the subcorpora and demonstrated its analytical potential for future research in cognitive-discursive studies of media language and environmental communication.

The academic contribution of the research lies in advancing an interdiscursive approach to metaphorical framing and in substantiating the claim that the selection and distribution of metaphors

and frames function as indicators of culturally and institutionally conditioned strategies of risk representation. From a practical perspective, the findings may be applied in the development of more effective models of crisis communication, in media education, and in initiatives aimed at fostering a resilient ecological culture capable of responding to climate-related challenges.

The limitations of the study are primarily determined by the design of the corpus. The analysis is confined to two media outlets and two types of natural disasters, which necessarily restricts the scope of generalization. At the same time, the symmetry of the corpus and the methodological rigor of the analytical procedures provide a solid basis for the reliability of the conclusions. Future research may extend this line of inquiry by expanding the corpus to include additional media ecosystems, genres, and linguistic contexts, as well as by incorporating multilingual data. Further interdisciplinary integration would allow for a more detailed examination of the relationship between framing strategies, public perception, and political decision-making.

In this respect, the present study contributes to cognitive-discursive media analysis by demonstrating that the metaphorical framing of natural disasters constitutes a key mechanism, through which social experience is constructed and collective response scenarios are formed under conditions of global climate instability. Further research may profitably explore the influence of metaphorical framing on public opinion and behavioral responses through experimental or survey-based methodologies that complement linguistic analysis with sociocognitive evidence. Another promising direction involves diachronic investigation of framing strategies across different periods, disaster types, and regions in order to trace how shifts in socio-political context and media agendas reshape cognitive and emotional models of crisis communication. Integrating these dimensions would deepen our understanding of the dynamic interaction between language, cognition, and public discourse in the field of environmental communication.

Funding: This research received no external funding.

Data Availability Statement: The data supporting the findings of this study are available from the corresponding author upon reasonable request.

Conflicts of Interest: The authors declare no conflict of interest.

REFERENCES

- [1] **Lakoff G., Johnson M.**, *Metaphors We Live By*, University of Chicago Press, Chicago, 1980. DOI: 10.7208/chicago/9780226470993.001.0001
- [2] **Lakoff, G.**, *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*, University of Chicago Press, Chicago, 1987. DOI: 10.7208/chicago/9780226471013.001.0001
- [3] **Fillmore C.J.**, *Frame Semantics*, *Linguistics in the Morning Calm*, Hanshin, Seoul, 1982, pp. 111–137.
- [4] **Goffman E.**, *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*, Harper & Row, New York, 1974.
- [5] **Entman R.M.**, *Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm*, *Journal of Communication*, 43 (4) (1993) 51–58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x
- [6] *Methods of Critical Discourse Studies*, ed. by R. Wodak, M. Meyer, 3rd ed., SAGE, London, 2015.
- [7] **Van Dijk T.A.**, *Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 2020.
- [8] **Van Dijk T.A.**, *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 2008. DOI: 10.1017/CBO9780511481499
- [9] **Fairclough N.**, *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*, Longman, Harlow, 1995.
- [10] **Charteris-Black J.**, *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*, Palgrave Macmillan, London, 2004. XV, 278 p. DOI: 10.1057/9780230000612

- [11] **Hart C.**, *Discourse, Grammar and Ideology: Functional and Cognitive Perspectives*. Bloomsbury Academic, London, 2014.
- [12] **Koller V., Semino E.**, *Metaphor, Politics and Gender: A Case Study from Germany*, *Politics, Gender and Conceptual Metaphors*, ed. by K. Ahrens, Palgrave Macmillan, London, 2009, pp. 9–35. DOI: 10.1057/9780230245235_2
- [13] **Hauser D.J., Fleming M.E.**, Mother Nature’s Fury: Antagonist Metaphors for Natural Disasters Increase Forecasts of Their Severity and Encourage Evacuation, *Science Communication*, 43 (5) (2021) 570–596. DOI: 10.1177/10755470211031246
- [14] **Vinnell L.J., Milfont T.L., McClure J.**, Natural Hazard Versus Natural Disaster: Does Framing the Event Affect Preparedness Intentions, Attitudes, and Behaviour?, *Social Psychological Bulletin*, 18 (2023) e8357. DOI: 10.32872/spb.8357
- [15] **Depoux A., Hémono M., Puig-Malet S., Pédrón R., Flahault A.**, Communicating Climate Change and Health in the Media, *Public Health Reviews*, 38 (2017) 7. DOI: 10.1186/s40985-016-0044-1
- [16] **Badullovich N., Grant W.J., Colvin R.M.**, Framing Climate Change for Effective Communication: A Systematic Map, *Environmental Research Letters*, 15 (12) (2020) 123002. DOI: 10.1088/1748-9326/aba4c7
- [17] **Blankshain J.D., Glick D.M., Lupton D.L.**, War Metaphors (What Are They Good For?): Militarized Rhetoric and Attitudes Toward Essential Workers During the Covid-19 Pandemic, *American Politics Research*, 51 (2) (2022) 161–173. DOI: 10.1177/1532673X221125713
- [18] **Musolff A.**, “World-beating” Pandemic Responses: Ironical, Sarcastic, and Satirical Use of War and Competition Metaphors in the Context of COVID-19 Pandemic, *Metaphor and Symbol*, 37 (2) (2022) 76–87. DOI: 10.1080/10926488.2021.1932505
- [19] **Semino E.**, “Not Soldiers but Fire-fighters”: Metaphors and COVID-19, *Health Communication*, 36 (1) (2021) 50–58. DOI: 10.1080/10410236.2020.1844989
- [20] **Brugman B.C., Droog E., Reijnierse W.G., Leymann S., Frezza G., de Lavaletteet K.R.**, Audience Perceptions of COVID-19 Metaphors: The Role of Source Domain and Country Context, *Metaphor and Symbol*, 37 (2) (2022) 101–113. DOI: 10.1080/10926488.2021.1948332
- [21] **Feifei F.**, Analyzing Metaphor Patterns in Covid-19 News Pictures: A Critical Study in China, *PLoS ONE*, 19 (2) (2024) e0297336. DOI: 10.1371/journal.pone.0297336
- [22] **Groff S.P.**, Magnifying Focusing Events: Global Smoke Plumes and International Construal Connections in Newspaper Coverage of 2020 Wildfire Events, *Frontiers in Communication*, 6 (2021) 713591. DOI: 10.3389/fcomm.2021.713591
- [23] **Shellington E.M., Nguyen P.D.M., Rideout K., et al.**, Public Health Messaging for Wildfire Smoke: Cast a Wide Net, *Frontiers in Public Health*, 10 (2022) 773428. DOI: 10.3389/fpubh.2022.773428
- [24] **Karyotakis M.-A., Lo K.**, The Political Ecology of Wildfire: Media and the Politics of Blame in the Evros Wildfires in Greece, *Trees, Forests and People*, 18 (2024) 100682. DOI: 10.1016/j.tfp.2024.100682
- [25] **Jacobson M., Smith H., Huber-Stearns H.R., Davis E.J., Cheng A.S., Deak I.**, Comparing Social Constructions of Wildfire Risk across Media, Government, and Participatory Discourse in a Colorado Fireshed, *Journal of Risk Research*, 25 (6) (2021) 697–714. DOI: 10.1080/13669877.2021.1962954
- [26] **Dasandi N., Graham H., Hudson D.**, Positive, global, and health or environment framing bolsters public support for climate policies, *Communications Earth & Environment*, 3 (202) 239. DOI: 10.1038/s43247-022-00571-x
- [27] **Torricelli M., Falkenberg M., Galeazzi A.**, How does Extreme Weather Impact the Climate Change Discourse? Insights from the Twitter Discussion on Hurricanes, *PLOS Climate*, 2 (11) (2023) e0000277. DOI: 10.1371/journal.pclm.0000277
- [28] **Vikström S., Mervaala E., Kangas H.-L., Lyytimäki J.**, Framing Climate Futures: The Media Representations of Climate and Energy Policies in Finnish Broadcasting Company News, *Journal of Integrative Environmental Sciences*, 20 (1) (2023) 2178464. DOI: 10.1080/1943815X.2023.2178464
- [29] **Cody E.M., Stephens J.C., Bagrow J.P., Dodds P.S., Danforth C.M.**, Transitions in Climate and Energy Discourse Between Hurricanes Katrina and Sandy, *Journal of Environmental Studies and Sciences*, 7(1) (2017) 87–101. DOI: 10.1007/s13412-016-0391-8
- [30] **Cox R.S., Long B.C., Jones M.I., Handler S.J.**, Sequestering of Suffering: Critical Discourse Analysis of Natural Disaster Media Coverage, *Journal of Health Psychology*, 13 (4) (2008) 469–480. DOI: 10.1177/1359105308088518

- [31] **Stecula D.A., Borah P.**, Framing Climate Change: Economics, Ideology, and Uncertainty in American News Media Content From 1988 to 2014, *Frontiers in Communication*, 4 (2019) 6. DOI: 10.3389/fcomm.2019.00006
- [32] **Chouliaraki L.**, Post-Humanitarianism: Humanitarian Communication Beyond a Politics of Pity, *International Journal of Cultural Studies*, 13 (2) (2010) 107–126. DOI: 10.1177/1367877909356720
- [33] **Koteyko N., Atanasova D.**, Discourse Analysis in Climate Change Communication, Oxford Research Encyclopedia of Climate Science, 2016. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228620.013.489
- [34] **Günay D., Yenen Aytakin Ö., Melek G.**, Visual Framing of Climate Change During Natural Disasters at Home and Abroad: An Analysis of British News, *Visual Communication*, 2025. DOI: 10.1177/14703572251320304
- [35] **Zhunosova G., Tajik M.A., Fillipova L., Antwi S.K.**, “I am a Mixed Person of Kazakh, Turkish and English”: Multilingual Students’ Identity in EMI Universities in Kazakhstan, *System*, 119 (2023) 103159. DOI: 10.1016/j.system.2023.103159
- [36] **Gusarov D.**, Kazakhstan 2022 Presidential Elections in German Media: Critical Discourse Analysis, *SRNN*, (2023) 151–155. DOI: 10.2139/ssrn.4466157
- [37] **Abdyzhaparova M.I., Baranova I.V., Somikova T.Yu., Kargapolov Y.P., Harchenkova L.I.**, Man and Nature, Man and History in Metaphors of Aipin’s Historical Novel, *Journal of Language and Linguistic Studies*, 18 (1) (2021) 488–495. DOI: 10.52462/jlls.197
- [38] **Beknazarova, U.U., Almautova, A.B., Yelemessova, S.M., Abadildayeva, S.K.**, The cognitive function of a conceptual metaphor and its methodological foundations, *Journal of Language and Linguistic Studies*, 17 (3) (2021) 1312–1324. DOI: 10.52462/jlls.94
- [39] **Taussogorova A., Tuzelbayeva D., Bektemirova S., Yermakova V., Satkenova Z., Amirov A.**, Kazakh Gluttonous Discourse analysis of ‘Bas Tartu’ & ‘Tabak Tartu’: Conceptual Image and Institutional Function, *Eurasian Journal of Applied Linguistics*, 10 (1) (2024) 127–138. DOI: 10.32601/ejal.10112
- [40] **Sagadiyeva Z., Satenova S., Yeskindirova M., Alshinbayeva Z., Konyratbayeva Z.**, Political discourse: the translation aspect, *Journal of Language and Linguistic Studies*, 17 (3) (2021) 1615–1627. DOI: 10.52462/jlls.117
- [41] **Mussaly L.Zh., Daurenbekova L.N., Seidenova S.D., Kartayeva A.M., Kelgembayeva B.B.**, Influence of symbolism in world literature on Kazakh poets’ creativity, *Journal of Language and Linguistic Studies*, 18 (1) (2022) 447–457. DOI: 10.52462/jlls.193
- [42] **Lakoff G., Turner M.**, *More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*, University of Chicago Press, Chicago, 1989.
- [43] **Nurbayeva A., Kunakova G., Bugenova L., Kalambayeva G., Tansykbayeva B.**, Cognitive mechanisms of Kazakhstan commercial and social advertising text, *Opcion*, 35 (88) (2019) 280–303.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Lakoff G., Johnson M.** *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 256 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226470993.001.0001
2. **Lakoff G.** *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1987. DOI: 10.7208/chicago/9780226471013.001.0001
3. **Fillmore C.J.** *Frame Semantics // Linguistics in the Morning Calm*. Seoul: Hanshin, 1982. P. 111–137.
4. **Goffman E.** *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. New York: Harper & Row, 1974. 586 p.
5. **Entman R.M.** *Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication*. 1993. Vol. 43, Iss. 4. P. 51–58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x
6. *Methods of Critical Discourse Studies // ed. by R. Wodak, M. Meyer*. 3rd ed. London: SAGE, 2015. 252 p.
7. **Van Dijk T.A.** *Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2020.
8. **Van Dijk T.A.** *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2008. 267 p. DOI: 10.1017/CBO9780511481499

9. **Fairclough N.** *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. Harlow: Longman, 1995. 268 p.
10. **Charteris-Black J.** *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. London: Palgrave Macmillan, 2004. DOI: 10.1057/9780230000612
11. **Hart C.** *Discourse, Grammar and Ideology: Functional and Cognitive Perspectives*. London: Bloomsbury Academic, 2014. 216 p.
12. **Koller V., Semino E.** *Metaphor, Politics and Gender: A Case Study from Germany // Politics, Gender and Conceptual Metaphors / ed. by K. Ahrens*. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 9–35. DOI: 10.1057/9780230245235_2
13. **Hauser D.J., Fleming M.E.** *Mother Nature’s Fury: Antagonist Metaphors for Natural Disasters Increase Forecasts of Their Severity and Encourage Evacuation // Science Communication*. 2021. Vol. 43, Iss. 5. P. 570–596. DOI: 10.1177/107554702111031246
14. **Vinnell L.J., Milfont T.L., McClure J.** *Natural Hazard Versus Natural Disaster: Does Framing the Event Affect Preparedness Intentions, Attitudes, and Behaviour? // Social Psychological Bulletin*. 2023. Vol. 18. Art. no. e8357. DOI: 10.32872/spb.8357
15. **Depoux A., Hémono M., Puig-Malet S., Pédrón R., Flahault A.** *Communicating Climate Change and Health in the Media // Public Health Reviews*. 2017. Vol. 38. Art. no. 7. DOI: 10.1186/s40985-016-0044-1
16. **Badullovich N., Grant W.J., Colvin R.M.** *Framing Climate Change for Effective Communication: A Systematic Map // Environmental Research Letters*. 2020. Vol. 15, Iss. 12. Art. no. 123002. DOI: 10.1088/1748-9326/aba4c7
17. **Blankshain J.D., Glick D.M., Lupton D.L.** *War Metaphors (What Are They Good For?): Militarized Rhetoric and Attitudes Toward Essential Workers During the Covid-19 Pandemic // American Politics Research*. 2022. Vol. 51, Iss. 2. P. 161–173. DOI: 10.1177/1532673X221125713
18. **Musolf A.** *“World-beating” Pandemic Responses: Ironical, Sarcastic, and Satirical Use of War and Competition Metaphors in the Context of COVID-19 Pandemic // Metaphor and Symbol*. 2022. Vol. 37, Iss. 2. P. 76–87. DOI: 10.1080/10926488.2021.1932505
19. **Semino E.** *“Not Soldiers but Fire-fighters”: Metaphors and COVID-19 // Health Communication*. 2021. Vol. 36, Iss. 1. P. 50–58. DOI: 10.1080/10410236.2020.1844989
20. **Brugman B.C., Droog E., Reijnierse W.G., Leymann S., Frezza G., de Lavaletteet K.R.** *Audience Perceptions of COVID-19 Metaphors: The Role of Source Domain and Country Context // Metaphor and Symbol*. 2022. Vol. 37, Iss. 2. P. 101–113. DOI: 10.1080/10926488.2021.1948332
21. **Feifei F.** *Analyzing Metaphor Patterns in Covid-19 News Pictures: A Critical Study in China // PLoS ONE*. 2024. Vol. 19, Iss. 2. Art. no. e0297336. DOI: 10.1371/journal.pone.0297336
22. **Groff S.P.** *Magnifying Focusing Events: Global Smoke Plumes and International Construal Connections in Newspaper Coverage of 2020 Wildfire Events // Frontiers in Communication*. 2021. Vol. 6. Art. no. 713591. DOI: 10.3389/fcomm.2021.713591
23. **Shellington E.M., Nguyen P.D.M., Rideout K., et al.** *Public Health Messaging for Wildfire Smoke: Cast a Wide Net // Frontiers in Public Health*. 2022. Vol. 10. Art. no. 773428. DOI: 10.3389/fpubh.2022.773428
24. **Karyotakis M.-A., Lo K.** *The Political Ecology of Wildfire: Media and the Politics of Blame in the Evros Wildfires in Greece // Trees, Forests and People*. 2024. Vol. 18. Art. no. 100682. DOI: 10.1016/j.tfp.2024.100682
25. **Jacobson M., Smith H., Huber-Stearns, H.R., Davis E.J., Cheng A.S., Deak I.A.S., Deak I.A.** *Comparing Social Constructions of Wildfire Risk across Media, Government, and Participatory Discourse in a Colorado Fireshed // Journal of Risk Research*. 2021. Vol. 25, Iss. 6. P. 697–714. DOI: 10.1080/13669877.2021.1962954
26. **Dasandi N., Graham H., Hudson D.** *Positive, global, and health or environment framing bolsters public support for climate policies // Communications Earth & Environment*. 2022. Vol. 3. Art. no. 239. DOI: <https://doi.org/10.1038/s43247-022-00571-x>
27. **Torricelli M., Falkenberg M., Galeazzi A.** *How does Extreme Weather Impact the Climate Change Discourse? Insights from the Twitter Discussion on Hurricanes // PLOS Climate*. 2023. Vol. 2, Iss. 11. Art. no. e0000277. DOI: 10.1371/journal.pclm.0000277
28. **Vikström S., Mervaala E., Kangas H.-L., Lyytimäki J.** *Framing Climate Futures: The Media Representations of Climate and Energy Policies in Finnish Broadcasting Company News // Journal*

of Integrative Environmental Sciences. 2023. Vol. 20, Iss. 1. Art. no. 2178464. DOI: 10.1080/19438-15X.2023.2178464

29. **Cody E.M., Stephens J.C., Bagrow J.P., Dodds P.S., Danforth C.M.** Transitions in Climate and Energy Discourse Between Hurricanes Katrina and Sandy // *Journal of Environmental Studies and Sciences*. 2017. Vol. 7, Iss. 1. P. 87–101. DOI: 10.1007/s13412-016-0391-8

30. **Cox R.S., Long B.C., Jones M.I., Handler S.J.** Sequestering of Suffering: Critical Discourse Analysis of Natural Disaster Media Coverage // *Journal of Health Psychology*. 2008. Vol. 13, Iss. 4. P. 469–480. DOI: 10.1177/1359105308088518

31. **Stecula D.A., Borah P.** Framing Climate Change: Economics, Ideology, and Uncertainty in American News Media Content From 1988 to 2014 // *Frontiers in Communication*. 2019. Vol. 4. Art. no. 6. DOI: 10.3389/fcomm.2019.00006

32. **Chouliaraki L.** Post-Humanitarianism: Humanitarian Communication Beyond a Politics of Pity // *International Journal of Cultural Studies*. 2010. Vol. 13, Iss. 2. P. 107–126. DOI: 10.1177/1367877909356720

33. **Koteyko N., Atanasova D.** Discourse Analysis in Climate Change Communication // *Oxford Research Encyclopedia of Climate Science*, 2016. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228620.013.489

34. **Günay D., Yenen Aytakin Ö., Melek G.** Visual Framing of Climate Change During Natural Disasters at Home and Abroad: An Analysis of British News // *Visual Communication*, 2025. DOI: 10.1177/14703572251320304

35. **Zhunossova G., Tajik M.A., Phillipova L., Antwi S.K.** “I am a Mixed Person of Kazakh, Turkish and English”: Multilingual Students’ Identity in EMI Universities in Kazakhstan // *System*. 2023. Vol. 119. P. 103159. DOI: 10.1016/j.system.2023.103159

36. **Gusarov D.** 2023. Kazakhstan 2022 Presidential Elections in German Media: Critical Discourse Analysis // *SRNN*. 2023. P. 151–155. DOI: 10.2139/ssrn.4466157

37. **Abdyzhaparova M.I., Baranova I.V., Somikova T.Yu., Kargapolov Y.P., Harchenkova L.I.** Man and Nature, Man and History in Metaphors of Aipin’s Historical Novel // *Journal of Language and Linguistic Studies*. 2021. Vol. 18, Iss. 1. P. 488–495. DOI: 10.52462/jlls.197

38. **Beknazarova U.U., Almautova A.B., Yelemessova S.M., Abadildayeva S.K.** The cognitive function of a conceptual metaphor and its methodological foundations // *Journal of Language and Linguistic Studies*. 2021. Vol. 17, Iss. 3. P. 1312–1324. DOI: 10.52462/jlls.94

39. **Taussogarova A., Tuzelbayeva D., Bektemirova S., Yermakova V., Satkenova Z., Amirov A.** Kazakh Gluttonous Discourse analysis of ‘Bas Tartu’ & ‘Tabak Tartu’: Conceptual Image and Institutional Function // *Eurasian Journal of Applied Linguistics*. 2024. Vol. 10, Iss. 1. P. 127–138. DOI: 10.32601/ejal.10112

40. **Sagadiyeva Z., Satenova S., Yeskindirova M., Alshinbayeva Z., Konyratbayeva Z.** Political discourse: the translation aspect // *Journal of Language and Linguistic Studies*. 2021. Vol. 17, Iss. 3. P. 1615–1627. DOI: 10.52462/jlls.117

41. **Mussaly L.Zh., Daurenbekova L.N., Seidenova S.D., Kartayeva A.M., Kelgembayeva B.B.** Influence of symbolism in world literature on Kazakh poets’ creativity // *Journal of Language and Linguistic Studies*. 2022. Vol. 18, Iss. 1. P. 447–457. DOI: 10.52462/jlls.193

42. **Lakoff G., Turner M.** *More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago: University of Chicago Press, 1989. 230 p.

43. **Nurbayeva A., Kunakova G., Bugenova L., Kalambayeva G., Tansykbayeva B.** Cognitive mechanisms of Kazakhstan commercial and social advertising text // *Opcion*. 2019. Vol. 35, Iss. 88. P. 280–303.

INFORMATION ABOUT AUTHORS / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Assel T. Nurgazina

Нургазина Асель Танаткановна

E-mail: nurgazinaassel88@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2055-3867>

Natalya V. Mongilyova

Монгилева Наталья Викторовна

E-mail: 77772456222@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2150-2312>

Gulnar K. Ismagulova

Исмагулова Гульнар Кульмухамбетовна

E-mail: gulnar.ism@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2342-575X>

Submitted: 21.01.2026; Approved: 05.03.2026; Accepted: 13.03.2026.

Поступила: 21.01.2026; Одобрена: 05.03.2026; Принята: 13.03.2026.

Research article

UDC 81'42=621.251:004.738.5

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17108>

EDN: <https://elibrary/EUTXEC>

THE LANGUAGE OF DIGITAL FOOD DISCOURSE: A STUDY OF AUDIENCE RESPONSES IN SOCIAL MEDIA

T. Sudartinah , E. Nursanti , R.S. Arrum

Universitas Negeri Yogyakarta, Indonesia

 titiksudartinah@uny.ac.id

Abstract. While the power of comments in social media to build community and shape markets is widely acknowledged, their specific linguistic characteristics that enable this power, particularly within the domain of food discourse, are poorly understood. This study investigates the audience responses in culinary posts on social media, moving beyond thematic description to analyze the linguistic construction of evaluation. Employing a qualitative problem-driven content analysis with Appraisal Theory framework, 2,170 comments from 256 reels and captions of five prominent food-promoting accounts were analyzed in terms of their sentiment and specific resources of attitude. The results show the dominant positive comments (60.9% positive, 7.7% negative, 26.3% neutral, and 5.1% irrelevant). The appraisal analysis reveals that the positive and negative comments are built through a combination of affect (emotional expressions regarding the food, prices, and place), appreciation, particularly valuation (evaluations of quality, composition, worth of food, and dining experience), and judgement, particularly the social esteem (assessment of service). The linguistic mechanism of positive comments, manifesting as taste/price endorsements or tagging others, constitute unpaid brand amplification, transforming users into marketing actors. It can also strengthen community bonds. Negative responses, primarily citing unmet expectations regarding taste, portion size, pricing, and reservation issues, highlight gaps between marketing and real experience and function as a form of persuasive public warning. Neutral and irrelevant comments highlight the functional platform use, establishing the space as practical, public-source forum for customer decision making. This study indicates that user responses on these platforms are rich and strategic with community and market influence.

Keywords: appraisal, audience response, digital interaction, food discourse, social media.

Citation: Sudartinah T., Nursanti E., Arrum R.S., The Language of Digital Food Discourse: A Study of Audience Responses in Social Media, Terra Linguistica, 17 (1) (2026) 146–162. DOI: 10.18721/JHSS.17108

Научная статья

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17108>

ЯЗЫК ЦИФРОВОГО ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ИССЛЕДОВАНИЕ РЕАКЦИИ АУДИТОРИИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Т. Судартина , Э. Нурсанти , Р.С. Аррум

Государственный университет Джокьякарты, Индонезия

 titiksudartinah@uny.ac.id

Аннотация. Хотя способность комментариев в социальных медиа формировать сообщества и влиять на рынки общепризнана, их специфические лингвистические характеристики, обеспечивающие эту способность, особенно в рамках гастрономического дискурса, изучены недостаточно. В данном исследовании изучается реакция аудитории на посты кулинарной тематики в социальных сетях, выходя за рамки тематического описания и фокусируясь на лингвистическом конструировании оценки. Используя качественный проблемно-ориентированный контент-анализ в рамках теории оценки (Appraisal Theory), были проанализированы 2170 комментариев к 256 видеороликам и скрытым текстам пяти популярных аккаунтов, продвигающих гастрономический контент, с точки зрения их тональности и оценочности. Результаты показывают преобладание позитивных комментариев (60,9% позитивных, 7,7% негативных, 26,3% нейтральных и 5,1% нерелевантных). Анализ показывает, что позитивные и негативные комментарии формируются на основе аффекта (эмоциональные выражения, касающиеся еды, цен и места), оценки качества, состава, ценности еды и впечатлений от посещения заведения, и социального признания (оценка обслуживания). Лингвистический механизм позитивных комментариев, проявляющийся в виде одобрения вкуса/цены или отметок других пользователей, представляет собой неоплачиваемое усиление бренда, превращая пользователей в субъектов маркетинга. Это также может укреплять внутригрупповые связи. Негативные реакции, в основном связанные с неоправданными ожиданиями в отношении вкуса, размера порций, ценообразования и проблем с бронированием, выявляют разрыв между маркетингом и реальным опытом, являясь формой убедительного публичного предупреждения. Нейтральные и нерелевантные комментарии подчеркивают функциональное использование платформы, превращая это пространство в практический, общедоступный форум для принятия решений клиентами. Данное исследование показывает, что ответы пользователей на этих платформах разнообразны и стратегически ориентированы, они также обладают способностью влиять на общество и рынок.

Ключевые слова: оценка, реакция аудитории, цифровое взаимодействие, гастрономический дискурс, социальные сети.

Для цитирования: Судартина Т., Нурсанти Э., Аррум Р.С. Язык цифрового гастрономического дискурса: исследование реакции аудитории в социальных медиа // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 1. С. 146–162. DOI: 10.18721/JHSS.17108

Introduction

With the rapid development of technology today, the context where language is used is no longer limited to face-to-face everyday conversations but also includes indirect conversations in the virtual world. As stated by Floreddu & Cabiddu [1] and Meredith [2], there are currently at least 269 billion emails, 55 billion WhatsApp messages, 9.5 billion photos and videos on Instagram¹, and around 500 million tweets on X per day. This indicates the increasing significance of social media, compared to when it first emerged. Therefore, social media is no longer only used by individuals as a means of

¹ It is banned in Russia, belongs to the META organization, which is recognized as extremist in the Russian Federation.

self-expression but also by corporations and startups to promote their products [3]. In this case, social media is also a very important business tool that can bring economic benefits to various companies [4].

The diversity of messages conveyed through various posts on social media has also been observed in several previous studies. One example is a study conducted by Nišić & Plavšić [5], which highlights how the media is used to construct reality in the society and its physical impact. In addition, Holmberg et al. [6] conducted an exploratory study on how young people share photos of the food they consume and its context, and Nugraha et al. [7] presented facts related to the use of social media to promote the world of tourism virtually.

One of social media platforms that allow users to share text, audio, and video is Instagram². Initially launched in 2010 by Burb Inc for iOS, this platform was developed in 2012 to also be available on Android phones, followed by Windows 10 in 2016. As of April 2024, there were 2.2 billion active users globally, with India, the United States, Brazil, and Indonesia ranking 1–4. In Indonesia alone, Shewale [8] mentions that there are approximately 163.5 million people who use this platform for entertainment, content creation, and small business promotion.

In the Indonesian context, what Indonesians enjoy doing on social media is sharing text, photos, and videos of food, whether it is food they have produced themselves, consumed, or promoted as an endorsement [9]. Various accounts about culinary are quite popular with followers ranging from tens of thousands to millions of accounts. Some previous studies focused on the presentation of food on visual-based social media, such as by Kusumasondjaja & Tjiptono [9], Syahbani & Widodo [10], Aprilia [11], and Mulyani et al. [12]. These studies highlighted the visual elements of food photos and videos shared on the platform, their promotional contents and endorsements, and effects on buying decisions. Very limited studies focused on the fact that the audience responses to the posts provide similar importance to the successful marketing of the food.

Therefore, due to the widespread use of visual-based social media in Indonesia for various purposes and lack of study regarding food discourse, this study examines the use of Instagram³ as a medium of communication and promotion for culinary entrepreneurs and the audience responses to the products displayed. Yogyakarta was chosen as the research setting due to the diverse backgrounds of its residents, who come from various cities in Indonesia and from other countries, which is expected to reveal more about the topic being studied.

Focusing on audience comments, this study systematically analysed their sentiment tendencies and linguistic compositions by combining sentiment with appraisal analysis. Sentiment analysis is employed to see whether social media users express positive, negative, neutral, or irrelevant attitudes toward the promoted products. Meanwhile, the appraisal theory is used to investigate those evaluative linguistic acts more deeply, as the comments are basically used to assess the taste, price, and service. Within the appraisal theory, this study focuses on its attitude system, which deals with the “feelings, including emotional reactions, judgements of behaviour and evaluation of things” [13]. In this way, this study reveals the general tendency of users’ comments on food promotions and uncover their specific discursive strategies.

Literature Review

Given that interactions today are not only physical but also non-physical through the Internet, the language used in interactions has undergone many changes, both in terms of the linguistic forms and contexts. Various forms that were once considered unusual or impossible to use can become very popular in the virtual world. One of the most common examples is the use of abbreviations for the sake of message effectiveness, such as *cmiiw* – *correct me if I am wrong* and *pap* – *post a picture*. This style of language is widely used in the virtual world in the context of informal communication, for example

² It is banned in Russia, belongs to the META organization, which is recognized as extremist in the Russian Federation.

³ It is banned in Russia, belongs to the META organization, which is recognized as extremist in the Russian Federation.

on social media. Social media is defined as various online platforms that allow users to interact and communicate with one another [14, 15]. Roy [16] states that social media is not merely a technology but a techno-social system, in which various layers of information are presented, not only those that are technically presented through technology.

Various discourses and topics are shared on social media. One of them is about food, where food-related texts, photos, and videos are shared, whether they are produced by the users themselves, consumed, or promoted as endorsements [10, 17]. This digital discourse on food does not merely serve as a platform for promoting the products being shared but also reflects the cultural, economic, social, and political aspects surrounding them [17]. Therefore, discussions about food are significant both materially and ideologically [17, 18]. The elements that make up posts about food, the communication strategies used by account owners, and their impact on the audience are some of the things that cannot be overlooked in studies about food on social media [18].

Because social media posts involve various modes of communication, including visual, aural, and verbal, interaction with the audience is essential. Likes, comments, and other responses from users can indicate the success of the account owner's information delivery [17, 18]. The responses given by the audience can vary, in the form of positive responses that agree with the content of the post, negative responses in the form of statements of disagreement with one or all of the things conveyed in the post, neutral responses, or responses that are irrelevant to the information presented.

While those kinds of responses may reveal the general profile of users' comments, they fail to capture the specific linguistic resources that they employ to express their opinions or evaluate their experiences regarding the food promotion. Therefore, to precisely capture those linguistic features, this study applied the appraisal theory, particularly its attitude system. Attitude is a framework for mapping feelings. This system is divided into three regions of feelings: affect, judgment, and appreciation, encompassing positive and negative feelings [13]. Affect, which concerns with a person's feelings, is divided into un/happiness, in/security, and dis/satisfaction. Meanwhile, judgement evaluates a person's attitude measured to social esteem (normality, capacity, tenacity) and social sanction (veracity, propriety). Lastly, appreciation assesses things or phenomena realized through reaction, composition, and valuation. This framework enables a more fine-grained analysis of how the audience linguistically constructs evaluation in food-related social media discourse.

This framework is commonly applied in studies related to evaluative language in social media, like Hussein & Ali [19], who studied Instagram⁴ comments on educational posts, Maharani [20], who investigates advertiser attitudes in residential advertising tagline, Ishida et al. [21], who analyse citizen feedback in two different settings: nursery school life and restaurant takeout services, and Al-Attar [22], who explore appraisals in promotional discourse. Those studies confirm that users' comments on social media can shape community perception and customers' behaviours. Besides, they also highlight that appraisal theory is suitable for analysing online evaluation as it can reveal beyond what is said. Therefore, to reveal the linguistic features of digital food discourse, this study goes beyond users' sentiment description to include deep appraisal analysis.

Method

Focusing on visual-based social media, this study selected Instagram⁵ as the platform. The primary data consisted of 2,170 user comments. These comments were posted in response to 256 video reels and their accompanying captions uploaded by five of the most popular culinary accounts in Yogyakarta, Indonesia, each with more than 400,000 followers: 1) Kuliner Jogja, 2) Jogja Food Hunter, 3) Jogja Taste, 4) Kuliner Yogya, and 5) Voila Jogja.

The data were collected during Ramadan Month in March 1–31, 2025. This period was selected because Ramadan provides a commercially distinct context for culinary discourse in Indonesia due to

⁴ It is banned in Russia, belongs to the META organization, which is recognized as extremist in the Russian Federation.

⁵ It is banned in Russia, belongs to the META organization, which is recognized as extremist in the Russian Federation.

the intense culinary marketing with substantial posts of promotional content that encourage audience responses.

Data collection was carried out through web scraping on the five accounts to collect verbal elements, including content creator narratives, captions, and comments, as well as visual elements highlighted from feeds and reels. The comments were the core dataset for investigating audience responses, and other elements became the context that was reviewed to accurately interpret the comments. Because the data were scraped from public feeds, informed consent from the author is not required.

Motivated by a specific question on how social media users respond to food promotions and informed by an available framework of appraisal theory to look for the deeper meaning in those evaluative language acts, this is a kind of problem-driven content analysis [23]. The data were analysed in two stages: 1) sentiment categorization of all comments into positive, negative, neutral, and irrelevant categories to profile the overall data, and 2) in-depth appraisal analysis to identify the specific linguistic resources of attitude. These procedures suited the research goal to make valid inferences about what the users are saying about the food promotions.

Results and Discussion

This study investigated customer comments on video reels and their captions, as these comments represent a space for actual interaction between users. Comments also provide the most authentic qualitative data, as they are displayed without any filters. While the post narrative reflects the intent of the content creator, whether a restaurant owner or a content creator, comments reveal how the audience understands, interprets, and reacts to the message. Therefore, in the culinary discourse, comments are a primary source for understanding users' opinions, attitudes, and emotions, whether they are satisfied, disappointed, or enthusiastic about the menu, promotions, and prices of the culinary offerings. For the audience, these comments are crucial because they significantly influence their purchasing decisions. Customer reviews are a key consideration in determining purchasing decisions [11, 24] and they serve as a reference for improving service or product quality [25].

With most internet users being young, comments are very creatively written, reflecting youthful language that tends to be informal and deviates from the standard one, such as through vowel elongation to emphasize expressions in “*Iiiih lucuuuuukkkk*” [It's sooo cuutteeee], and the use of slang “*Endulita banget ini menu ramennya*” [This ramen menu is awesome]. When users want to communicate their feelings without words, they choose to use emojis, such as “👍👍👍” or “👉👉👉.” In addition to their more attention-grabbing visual characteristics, emojis are also more universal and can be understood across languages. The use of these emojis is very popular due to their highly visual and interactive nature, encouraging an emotional and lively communication style [26]. In 2015, nearly half of all comments contained emojis, demonstrating how the comment section has been ‘colonized’ by pictographs [27]. In addition to these two methods, a combination of verbal and non-verbal elements also dominates, for example, comments like “*Jadi pengen 🔥🔥🔥*” [I really want it 🔥🔥🔥] and “*Harjanya 🙄🙄*” [The price is 🙄🙄]. This combination of the two elements demonstrates the highest enthusiasm because the words and emojis strengthen each other, with the emojis deepening verbal expression.

Comments posted by Internet users can strengthen or undermine the culinary discourse constructed by content creators. To examine this sentiment, four categories of audience responses are observed: a) positive, b) negative, c) neutral, and d) irrelevant responses. The distribution of each of the responses is illustrated in the following table.

Positive Responses

The data shows that most of the comments were positive. In addition to manual observations, the high frequency of positive responses was evident such as through the use of the words ‘delicious’

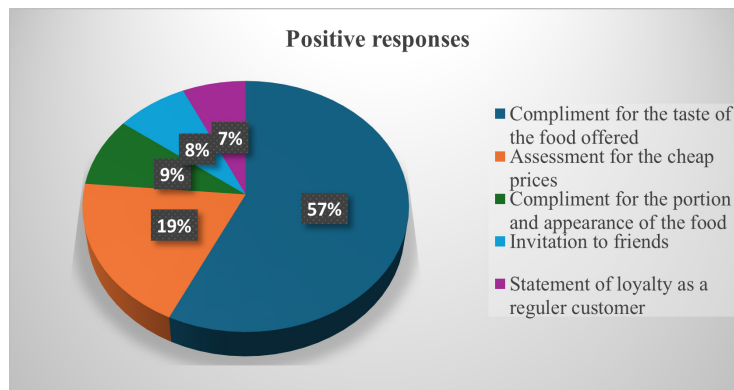

Fig. 1. Positive responses to culinary posts

Table 1. Distribution of audience responses

Account	Positive responses	Negative responses	Neutral responses	Irrelevant responses	Total comments
@kulinerjogya	512	77	216	48	853
@jogjafoodhunter	239	13	133	9	394
@jogjataste	296	30	87	24	437
@kulineryogya	134	14	64	12	224
@voilajogja	140	34	70	18	262
Total comments	1,321	168	570	111	2,170
Percentage	60.9	7.7	26.3	5.1	100

and ‘special.’ Similar to the research by Reagan et al. [28], the high frequency of positive comments indicates low public resistance to culinary advertising. In other words, they do not object to such advertising. These positive comments generally contained praise and invitations. Five themes emerged from the positive responses as illustrated in Fig. 1.

Compliment for the Taste of the Food Offered

By only watching a short video, Internet users can already imagine the taste of the food on offer. Positive verbal responses to the taste of food tend to be conveyed briefly and without many words, such as “*enak banget*” [really delicious], “*maknyus*” [yummy], and “the best.” Although less expressive, these minimalist comments are quick and easy for other readers to understand. Positive comments are conveyed non-verbally using emojis. The most frequently used emoji in comments is 😍 (smiling face with heart eyes), which generally indicates love, admiration, and joy. In the context of culinary discourse, this emoji implies liking or enthusiasm for the food offered. In addition, other emojis that are also quite frequently used are 🤤 (drooling face), which implies a strong desire to try or irresistible enthusiasm, and the 🔥 (fire) emoji, which expresses high enthusiasm or can be used to praise something that is particularly good. To convey praise for the taste more strongly, many comments combined text and emojis, such as “*uwenakkkk 😍*” [deliiiiiciouuss] and “*Mantep Poll 🔥🔥🔥*” [so awesome].

Assessment of the Cheap Prices

Besides taste, price is also an important consideration for customers. Restaurants or food stalls that offer affordable menus tend to receive positive reviews. The audience’s tendency to appreciate low prices reflects economic considerations amidst the Ramadan atmosphere, which tends to be synonymous with capitalism and luxury. Common comments include “*buset murah meriah*” [Wow, it’s so

cheap], “8rb udah kenyang, gass gak siiih?? 🍔” [Eight thousand rupiahs and we’re full. Shall we go??], and “murah tenan lur” [really cheap, bro]. This preference for affordable food is also reflected in the market, with numerous promotional offers available.

Compliment for the Portion and Appearance of the Food

Not only the taste and price of the food but also its appearance are aspects that attract the attention of Internet users who leave comments. Some positive comments about the food’s appearance include “*menarik untuk dicobain semua*” [interesting to try it all], “*Jadi laperrrdehhh ah 🍔*” [I’m hungry], and “*Bikin ngiler 🤤*” [Makes me drool]. These comments reflect the concept of “food porn,” or food representations designed to elicit a sensory response through aesthetics [29]. These food displays are not simply documentation but provocations to arouse the audience’s desire to eat them. Moreover, during the fasting month, these displays appear even more tempting. For Muslims who are fasting, these food posts can be a joking temptation, prompting comments such as “*Ileng ilengg lagi puosoo 🙄🙄*” [Remember we’re fasting].

Invitation to Friends

When the audience of culinary accounts are intrigued by the menu, they do not just offer praise. During Ramadan, when most of the reels posted feature *bukber* (breaking the fast together) packages at hotels, featuring large dining tables that can accommodate many people, comments containing these invitations increase in number, as many Indonesians take advantage of the fasting month to gather and eat with loved ones. For example, “*Hayuuukkkk... Agendakan jadwal iftar ndek Ajisaka*” [Let’s go... Schedule an iftar to Ajisaka]. Users who frequently engage in these activities likely view such a platform for strengthening social relationships rather than simply a place to share information [29]. However, this is very beneficial for business owners because when users share posts with their friends, it expands the reach of the advertisement beyond the individual user and creates the impression that the brand or product is endorsed by their friends [30, 31].

Statement of Loyalty as a Regular Customer

The final theme of positive comments frequently made by users when visiting culinary accounts is statements of loyalty as regular customers, such as “*Iya ini enak. Langgananku*” [Yes, this is delicious. I’m a regular] or “*Udah langganan dr 2012 🍔🍔🍔*” [I’ve been a regular since 2012]. Nostalgic comments also strengthen promotions and deepen loyalty because they create the impression that the establishment has long been guaranteed quality and has become part of someone’s history. For example, “*Ya allah rindu bgt kesini dlu klo pas msh kuliah ngabuburit psti kesini 🙄 udh 10th g kesitu 😊*” [Oh my God, I really miss coming here when I was in college, I always came here to hang out 🙄. It’s been 10 years since I’ve been there 😊]. In short, many positive comments, expressed in the form of praise for the taste or price and invitations to others, can serve as free promotion for hotel/restaurant/food stall owners. Through these positive comments, Internet users can act as marketers, which is very beneficial for restaurant or food stall owners because they do not have to pay these marketers.

Negative Responses

Customer expectations play a significant role in determining their shopping experience. If a product or service does not meet these expectations, customers will be dissatisfied, disappointed, and complaining, often on social media. Among the negative comments on these food posts, the audience generally highlighted five issues, as presented in Fig. 2.

Compared to positive responses, negative responses tend to be more elaborate. Those conveying dissatisfaction are generally delivered with lengthy explanations because the users want to convey their experiences in detail. Most of these negative evaluation themes were like those presented by Aksoy et al. [32] who found that the most common service failures in the culinary business concern food taste, service speed, and price.

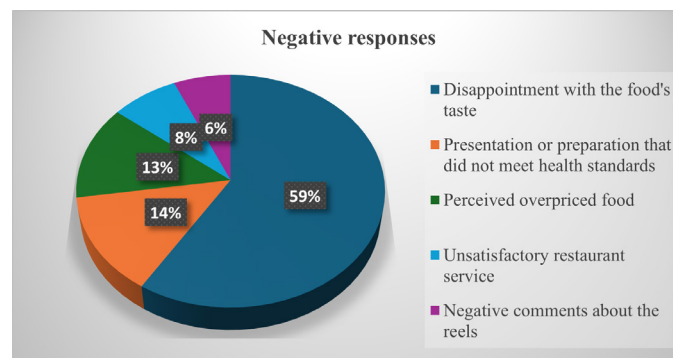

Fig. 2. Negative responses to culinary posts

Disappointment with the Food's Taste

Unpleasant experiences due to food not being as expected in taste and presentation are often shared on social media. Besides expressing disappointment, these comments are likely motivated by a desire to draw attention to the unpleasant experience and allow the restaurant to take corrective action. An example is “*Sing neng perempatan condongcatur, terlalu gosong mas, dagingnya pas di kasih ke kita alot.. rasane areng... selamat mencoba... mungkin tempat lainnya ngak gosong*” [At the branch in the Condongcatur intersection, the meat was too burnt. It was tough when given to us. It tasted like charcoal. Please try. Perhaps it won't be that burnt in the other branches]. Because the advertised restaurant has several branches, the comment specifically mentions that the restaurant at the Condongcatur intersection was the one that disappointed him. Besides expressing disappointment with the meat served, which he said was burnt, tough, and tasted like charcoal, the comment is also intended to encourage the restaurant to take corrective action to prevent a similar incident from happening again. These detailed comments can also help others decide whether to visit the restaurant.

Presentation or Preparation That Did Not Meet Health Standards

As health information has become easier to find through various media, public awareness of healthy eating and safe, high-quality food has also increased [33]. This awareness of the importance of health has led users to frequently comment on things that do not meet health standards, such as the use of plastic in heated food, such as in “*Pernah mau makan di situ langsung gak jadi, lontongnya bungkus plastik 🙄 daripada beli buat penyakit mending puter balik*” [I once wanted to eat there, and I canceled it. The rice cake was wrapped in plastic rather than buying it and getting sick, I'd rather turn around]. By openly criticizing food processing and serving practices that fall short of health standards, the audience aims to nudge businesses to pay more attention to health aspects. They exert social pressure on businesses to comply with health regulations.

Perceived Overpriced Food

Besides the taste of food, price is a determining factor that influences someone in deciding whether to buy a product or not [34, 35]. In economics, there is a kind of ‘implied contract’ that the amount of money spent must be commensurate with the quality received. Therefore, if this is violated, the buyer will consider the seller to be ‘injustice.’ In this case, if they receive food that does not meet expectations, many will ‘protest,’ for example through comments on social media. One such comment is the following: “*Tp aku kesana kuciwa bgt. Harga mahal2 tp rasa gak sesuai. Awalnya jajan itu gegara kangen kampung halaman ealah malah zonk. Cuma nek versiku kemahalan segitu dg rasa dan porsi yg diterima*” [When I went there, I was disappointed. The price was high, but the taste was not up to par. I went there because I missed my hometown, but it was a dud. To me, it was too expensive for the taste and portion I received]. By providing details of each item purchased and its price, this user attempted to create evidence-based commentary. The desire to eat there, as if from their hometown,

was betrayed by the seller, whose food quality fell short of expectations. This disappointment can lead to distrust, making customers reluctant to return to the stall.

Unsatisfactory Restaurant Service

Although the product promoted is food, aspects unrelated to the food also significantly influence customer satisfaction, such as the service provided. Negative comments regarding service relate to several factors, such as the interaction between the seller and the customer, and the food delivery process. For example, the attitude of restaurant staff is highlighted in “*Di Babarsari pegawainya ga ramahhhh 😊*” [The staff at the Babarsari branch were not friendly.] Although subjective and less specific, making it less persuasive, this comment still reflects customer disappointment and highlights weaknesses in the restaurant visited. The friendliness of employees in the food business is an important factor that cannot be overlooked. This friendliness of service falls under the dimensions of responsiveness, assurance, and empathy, three of the five dimensions that determine service quality [36]. Responsive and helpful staff significantly influence customer perceptions of the business, resulting in positive customer experience. In addition to employee friendliness, speed of service delivery is also crucial in the culinary business. Ensuring prompt delivery is crucial to maintaining customer satisfaction [36]. Therefore, it is not surprising that some comments expressed frustration with the slow food service time that tends to be a recurring issue. It implies that the problem is systematic and experienced by many customers.

Negative Comments on Reels

The final aspect that did not escape negative evaluation from users is the content of the posts or reels displayed and the way the creator delivers that content. One comment highlighted the creator's use of language: “*Coba pake bahasa Indonesia full!!! Karena Indonesia bukan Jawa walaupun penduduk Indonesia kebanyakan di pulau Jawa*” [Try using full Indonesian!!! Indonesia isn't Javanese, even though most Indonesians live on the island of Java]. This comment is constructive criticism because platform's reach is vast, so using regional languages can make it difficult for audience from outside the region to understand the content. Therefore, using regional languages without subtitles is exclusionary. Comments on culinary accounts are not only about food, but also about identity negotiations in the public digital realm. This demonstrates that this digital space serves as a dynamic arena for discussing various issues, including Indonesian diversity and identity in the global era.

Neutral Responses

In addition to comments that convey both negative and positive sentiments, these culinary promotion accounts also contain neutral comments (26.3% out of the total 2,170 comments). These neutral comments do not express support, praise, or criticism of the restaurant being promoted or the post. Responses to these posts generally only contain information, such as various questions about menu availability, complete addresses, and the validity of promotions. Some examples of comments intended to solicit information include: “*Ada nasi goreng gak mas di sana? 🤔*” [Do you have fried rice there, sir?] and “*Harga per pack brp?*” [How much does it cost per pack?] Although they do not convey a positive evaluation of the food or the post, such comments are crucial because the audience is in the process of deciding and needs specific data to determine whether to proceed. Unfortunately, many of these questions go unanswered, either from the restaurant, content creators, or other users. Responses to these questions do not only provide information as needed by the audience but also serve as a valuable source of public information that can encourage visitors.

Irrelevant Responses

In addition to neutral comments in the form of questions, there are also irrelevant comments intended for promoting other irrelevant services and goods (5.1%). Those comments are ‘deviant’ because they have no relevance to the displayed post and even promote something else, e.g., “*Jangan*

lupa mampir ke Simply fresh laundry express yaakk 😊 [Don't forget to stop by Simply Fresh Laundry Express, okay?] and *“yuk, belajar ngaji di @rumahtadarus”* [Let's learn to recite the Quran at @rumahtadarus]. This implies that users do not always view the comments section on social media platforms as a forum specifically for the topic being discussed. In this case, they see the comment section as a public forum where they can ask questions to the public and hope that others will help them solve their problems, making the forum a social space for various purposes. These comments exploit the audience of other accounts for promotional purposes for their own gain by spamming and violating communication ethics. This indicates poor and unprofessional business performance because it uses tacky marketing strategies.

Evaluative Language in Comments

Regarding appraisal analysis, comments function as evaluative language resources [13]. This study found that attitudinal resources are extensively employed in the comments, namely affect, judgement, and appreciation. Throughout this analysis, the audience is referred as appraiser while the posts are referred as appraised [13]. Additionally, only positive and negative comments are subjected to appraisal since those comments are overtly encode evaluative resources from the appraisers to the appraised [13]. Thus, neutral and irrelevant comments are excluded as they primarily serve as informational or interactional functions. The findings of the employment of evaluative language resources in the comments are presented in the following table.

Table 2. Evaluative language resources employed in comments

Evaluative language resources	Audience responses		Total
	Positive	Negative	
1. Affect resource			
a. Un/happiness	529	3	532
b. In/security	73	26	99
c. Dis/satisfaction	226	60	286
Total affect resources	828	89	917
2. Appreciation resource			
a. Reaction	623	39	662
b. Composition	53	19	72
c. Valuation	66	14	80
Total appreciation resources	742	72	814
3. Judgement resource			
a. Social esteem – normality	8	6	14
b. Social esteem – capacity	3	0	3
c. Social esteem – tenacity	0	8	8
d. Social sanction – veracity	0	12	12
e. Social sanction – propriety	1	0	1
Total judgement resources	12	26	38

Affect Resource in Comments

Affect deals with resources related to emotional reactions [13]. Within the affect resource, the appraisers show feeling towards the food, prices, place, and dining experience. The study reveals three sets of affects: un/happiness, in/security, and dis/satisfaction. As presented in Table 2, affect is the most dominant evaluative resource, particularly through expressions of happiness (e.g., *“Mantapp”*)

[really good] or “*uwwoooooow 🤩🤩*” [wow]) and satisfaction (e.g., “*Udah langganan dr 2012 🤩🤩🤩*” [Has been a loyal customer since 2012]). This pattern indicates that audience responses are largely driven by emotional reactions to the food and dining experience.

Un/happiness is a subtype of affect, which concerns with the appraiser’s emotional response. In the data, comments are categorized into happiness when the appraisers explicitly encode positive emotional reactions and unhappiness when the appraisers explicitly encode negative emotional reactions. The expression “*Wiiih, mantul 🤩🤩*” [Wow amazing] shows happiness as the appraiser reflects excitement toward the appraised. Meanwhile, the excerpt “*Moon maaf nasinya lembek dan agak berbau kak, dah krm DM kagak di respond sedih banget 😭*” [Sorry, but the rice was mushy and had a slight odor. I already sent a DM, but there was no response, very sad] explicitly encodes unhappiness through the phrase *sedih banget* [very sad] and the crying emoji. Thus, these excerpts illustrate that comments in food discourse are not merely utterances but also a realization of the appraisers’ feelings of pleasure or distress.

In the affect resource of in/security, the appraisers deal with emotional assurance or anxiety. The positive security is illustrated in the comment “*Akhirnyaa aku bisa kesana... krna dekat dengan rumah 🙌❤️*” [Finally I can go there... because it’s close to my house]. This comment reflects the appraiser’s feeling of comfort and reassurance due to the proximity from home to the restaurant. On the other hand, insecurity is realized as seen in “*Pernah mau makan di situ langsung gak jadi, lontongnya bungkus plastik 😬 daripada beli buat penyakit mending puter balik*” [I once wanted to eat there, and I canceled it. The rice cake was wrapped in plastic rather than buying it and getting sick, I’d rather turn around]. In this comment, the appraiser articulates anxiety and avoidance to the appraised due to fears toward illness *daripada beli buat penyakit* [rather than buying it and getting sick]. Overall, in/security resources show that in food discourse comments are not only limited to taste or enjoyment but also emotional assurance of comfort and risk.

Lastly, the dis/satisfaction is a subtype of affect dealing with the appraisers’ feeling of fulfillment or frustration, oriented toward the evaluation of results. It is related to whether the expectations are met or failed. The comment “*Udah langganan dr 2012 🤩🤩🤩*” [Has been a loyal customer since 2012] is affect-satisfaction because it shows a long-term patronage. This indicates that the appraiser experienced sustained satisfaction. Additionally, the temporal marker ‘since 2012’ signals repeated positive experiences. Meanwhile, the comment “*Pas aq beli kok 8rb min*” [When I bought it, it was 8,000 rupiahs] shows disappointment, which leads to dissatisfaction because the appraised mentioned that the price of the promoted food was 4,000 rupiahs. This indicates the dissatisfaction of the appraiser who had to pay twice the expected price. Additionally, the lexical item *kok* is a word used to emphasize or strengthen the meaning. Thus, through this comment, the appraiser emphasizes dissatisfaction with the price discrepancy. These data illustrate how emotional reactions are not only evaluating the taste of the food but also experiences.

Appreciation Resource in Comments

Appreciation refers to evaluation of things or phenomena such as food, atmosphere, and price. Related to comments in food discourse, the study reveals the appraisers employed three types of appreciation namely reaction, composition, and valuation. The realization of appreciation in the comments is used to assess the quality, composition, and overall worth of food and dining experiences, rather than the behavior of people or the emotional states of the audience.

Appreciation is predominantly expressed through reaction, which is related to the question ‘did it grab me?’ and ‘did I like it?’ [13]. For example, the comment “*Rekomend bgt tmpt ini smlm ksni dan temptnya oke dan rasa masakannya enaakk loh*” [Highly recommended, came here last night, the place is nice and the food tastes good] depicts a positive reaction toward both the ambience and the taste of the food. It means the appraiser evaluates both the place [the place is nice] and the food [the food tastes good] as engaging. Conversely, the negative comment “*Wah weruh tutorial maem roti tisu*

kok koyone rekoso yo min 😂” [Wow, seeing the tutorial for eating Tisu Bread, it looks kind of troublesome, admin] evaluates the appeal of the eating process suggesting that it appears inconvenient or difficult (*rekoso* or “troublesome”). Although expressed humorously using the laughing emoji 😂, the comment reflects a negative immediate impression of the food experience. This indicates that the appraised does not attract the appraiser. Thus, the appreciation resource of reaction in food discourse is used to construct immediate evaluations of how appealing or engaging a food product (thing) or experience is (phenomena).

Meanwhile, the composition and valuation are related to the questions ‘did it hang together?’ and ‘was it worthwhile?’ [13]. In this study, the composition is used by the appraisers to evaluate the composition of food elements or dining experience as the texture, taste, or the surrounding ambience. The comment “*Renyah, gurih, dan pedasnya membuat saya tidak bisa berhenti makan! 🔥🔥🔥*” [The crispiness, savory taste, and spiciness make me unable to stop eating!], for instance, shows a positive composition. This comment highlights how the composition from the texture *renyah* to the flavour *gurih* and *pedas* are perceived as a well-balanced composition. In addition, in the comment “*Rasanya mantap, harganya cuma 10 rb isi 7*” [The taste is amazing, and it’s only 10,000 rupiah for 7 pieces], the appraiser constructs a positive valuation towards the food. After mentioning the taste of the food, which is described as delicious, the appraiser evaluates the price as worthy because it is affordable for only 10.000 rupiahs for 7 pieces. Thus, the appraiser considers the food as worthwhile and economically beneficial.

Overall, composition resource in food discourse is used to construct the perceived harmony or imbalance between different elements namely the food and the dining environment, while valuation reflects how appraisers assess whether a dining experience is worth the money and effort, based on the balance between cost, quality, and overall experience.

Judgement Resource in Comments

Judgement is attitudinal resource concerned with construing toward people and their attitudes [13]. In the present study, judgement appears as the least frequently used evaluative resource, which is realized through both social esteem and social sanction. The social esteem-normality is the main to use, e.g., in the comment “*Makanannya enaak... servicenya jg oke... staffnya ramah2... toilet dan mush-ola bersih*” [The food is delicious... the service is good, the staff are friendly, and the toilet and prayer room are clean]. Here, the evaluation of staff friendliness functions as judgement, as an acceptable standard reflecting positive normality or the expected norms in food services.

In addition, the social esteem-capacity and propriety are employed in positive comments only. Within the social esteem-capacity, the appraisers evaluate a person’s ability, skill, or competence, such as the chef’s great skill in cooking high quality food; and a person’s moral and ethical behaviour according to rules or norms are assessed through the social-esteem propriety, such as through the expression of approval and wish for business success.

On the other hand, the social esteem-tenacity and veracity are found only in negative comments. In the data, negative tenacity, for instance, expresses a failed reservation and unresponsive service. By labelling the service as ‘very unprofessional,’ the appraiser positions the staff as lacking commitment and responsibility. Within social sanction-veracity, the appraiser concerns evaluations of a person’s honesty and truthfulness, reflecting how transparency in pricing is treated as a moral expectation in food transactions.

The dominant employment of affect and appreciation resources combined with the least frequently employed judgement resource suggest that the audience is less focused on evaluating people involved in the service, such as staff or management, and instead prioritize their personal feelings toward the food and the dining experience itself. Overall, this pattern indicates that within digital food discourse, evaluation is directed primarily at phenomena, namely food quality, price, and dining atmosphere, rather than at human behaviour or moral attributes. Consequently, emotional engagement (affect)

and experiential evaluation (appreciation) play a more central role than social judgement in shaping audience interaction and engagement in food discourse.

Conclusion

Regarding the various types of comments posted by social media users on culinary accounts, this study found that digital discourse on such accounts is more than just an indicator of customer satisfaction. The discourse conveyed by the audience is very dynamic and does not only revolve around culinary topics. The comments section has become an online space for interacting with and sharing experiences of visiting a restaurant or food stall. The most prevalent sentiment, positive comments, which are usually conveyed with emojis and words that show excitement, help promote restaurants and encourage others to enjoy the same pleasant experience. Negative comments, whose occurrences are far below the positive ones, are usually accompanied by detailed stories and objective evidence and can be used to convey complaints, warn others, and even embarrass businesses. In addition, there are also neutral questions aimed at seeking information. These comments are very important to the community because they can help potential customers make realistic decisions. However, distractions in the form of irrelevant comments are also inevitable. Although the number is not significant, these distractions show how people use online public spaces for their own interests.

To move beyond a descriptive account of comment types, this study applies Appraisal Theory to examine how users linguistically construct evaluation in culinary social media discourse. Through the attitude system, the analysis reveals that the audience expresses positive and negative feelings through affect, judgement, and appreciation. Within the affect region, the audience expresses both positive and negative emotional responses toward the food, prices, and place. Meanwhile, judgement assesses the behaviour and credibility of individuals involved in the food experience positively to the chefs and negatively to the sellers and administrators. Lastly, appreciation is employed to evaluate food, price, and dining experiences related to its quality, composition, and overall worth of food and dining experiences. Thus, digital food discourse is more than just a discussion about food but shows how digital platforms make it easier for people to connect with one another in complex and multifunctional dynamics. By examining the attitudinal resources, the study demonstrates that language in digital food discourse is not merely about liking or disliking food, but also about negotiating emotions, social expectations, and perceived worth in a public online space.

REFERENCES

- [1] **Floreddu P.B., Cabiddu F.**, Social media communication strategies, *Journal of Services Marketing*, 30 (5) (2016) 490–503. DOI: 10.1108/JSM-01-2015-0036
- [2] **Meredith J.**, Conversation Analysis and Online Interaction, *Research on Language and Social Interaction*, 52 (3) (2019) 241–256. DOI: 10.1080/08351813.2019.1631040
- [3] **Kennedy G.**, *Social Media: Master Social Media Marketing – Facebook⁶, Twitter, YouTube & Instagram⁷*, CreateSpace Independent Publishing Platform, California, 2015.
- [4] **Van Looy A.**, *Social Media Management: Using Social Media as a Business Instrument*, 2nd ed., Springer, Cham, 2022. DOI: 10.1007/978-3-030-99094-7
- [5] **Nišić V., Plavšić D.**, The role of media in the construction of social reality, *Sociological Discourse*, 4 (7) (2014) 73–81. DOI: 10.7251/socen1407073n
- [6] **Holmberg C., Chaplin J.E., Hillman T., Berg C.**, Adolescents' presentation of food in social media: An explorative study, *Appetite*, 99 (2016) 121–129. DOI: 10.1016/j.appet.2016.01.009
- [7] **Nugraha R.N., Rosa P.D., Ivanka M.**, Metaverse tourism sebagai strategi promosi wisata museum bank Indonesia, *Jurnal Ilmiah Wahana Pendidikan*, 9 (8) (2023) 731–744. DOI: 10.5281/zenodo.7901659

⁶ It is banned in Russia, belongs to the META organization, which is recognized as extremist in the Russian Federation.

⁷ It is banned in Russia, belongs to the META organization, which is recognized as extremist in the Russian Federation.

- [8] **Shewale R.**, Instagram Statistics (2026): Users, Revenue, Trends & More, Resourcera. Available at: <https://resourcera.com/data/social/instagram-statistics/> (accessed 29.12.2025).
- [9] **Kusumasondjaja S., Tjiptono F.**, Endorsement and visual complexity in food advertising on Instagram, *Internet Research*, 29 (4) (2019) 659–687. DOI: 10.1108/IntR-11-2017-0459
- [10] **Syhabani M.F., Widodo A.**, Food blogger instagram: Promotion through social media, *Jurnal ecodemica: Jurnal Ekonomi Manajemen dan Bisnis*, 1 (1) (2017) 46–58.
- [11] **Aprilia M.P.**, Instagram and buying decision processes of restaurant consumers, *Asian Journal of Media and Communication*, 2 (2) (2018) 13–18. DOI: 10.20885/asjmc.vol2.iss2.art3
- [12] **Mulyani V.G., Najib M. F., Guterres A.D.**, The Effect of Perceived Usefulness, Trust and Visual Information toward Attitude and Purchase Intention, *Journal of Marketing Innovation (JMI)*, 1 (1) (2021) 78–93. DOI: 10.35313/jmi.v1i01.12
- [13] **Martin J., White P.R.**, *The Language of Evaluation: Appraisal in English*, Palgrave Macmillan, New York, 2005. DOI: 10.1057/9780230511910
- [14] **Allen K.A., Jimerson S.R., Quintana D.S., McKinley L.**, *An Academic's Guide to Social Media: Learn, Engage, and Belong*, Routledge, London, 2023. DOI: 10.4324/9781003198369
- [15] **Wilson S.L.**, *Social Media as Social Science Data*, Cambridge University Press, Cambridge, 2022. DOI: 10.1017/9781108677561
- [16] **Roy S.D.**, *Social Media & Capitalism: People, Communities and Commodities*, Daraja Press, Québec, 2022.
- [17] *Identity and Ideology in Digital Food Discourse*, ed. by A. Tovaes, C. Gordon, Bloomsbury Academic, London, 2020.
- [18] **Pang Y.**, Multimodal Food Discourse and Narrative Analysis: Culinary Persona, Ingredients, and Environment, *International Journal of Linguistics Studies*, 2 (2) (2022) 24–31. DOI: 10.32996/ijls.2022.2.2.4
- [19] **Hussein H.Q., Ali A.H.**, A Discourse-Pragmatic Analysis of Instagram Comments on Educational Post, *Al-Noor Journal for Humanities*, 2 (4) (2024) 27–44. DOI: 10.69513/jnfh.v2.n4.en2
- [20] **Maharani V.Y.**, Appraisal Analysis of Attitude Type in Instagram Residential Advertisement, *Language Horizon: Journal of Language Studies*, 12 (2) (2024) 1–9. DOI: 10.26740/lh.v12i2.61728
- [21] **Ishida T., Seki Y., Kashino W., Kando N.**, Extracting Citizen Feedback from Social Media by Appraisal Opinion Type Viewpoint, *Journal of Natural Language Processing*, 29 (2) (2022) 416–442. DOI: 10.5715/jnlp.29.416
- [22] **Al-Attar M.M.H.**, Appraisal Language in Examples of Promotional Discourse, *Tasnim International Journal for Human, Social and Legal Sciences*, 3 (5) (2024) 278–297. DOI: 10.56924/tasnim.s2.2024/14
- [23] **Krippendorff K.**, *Content Analysis: An Introduction to Its methodology*, 4th ed., SAGE Publications Inc, Los Angeles, 2019.
- [24] **Schouten A.P., Janssen L., Verspaget M.**, Celebrity vs. Influencer endorsements in advertising: the role of identification, credibility, and Product-Endorser fit, *International Journal of Advertising*, 39 (2) (2020) 258–281. DOI: 10.1080/02650487.2019.1634898
- [25] **Yasa I.G.C.P., Sanjaya N.A., Putri L.A.A.R.**, Sentiment Analysis of Snack Review Using the Naïve Bayes Method, *Jurnal Elektronik Ilmu Komputer Udayana (JELIKU)*, 8 (3) (2020) 333–338. DOI: 10.24843/jlk.2020.v08.i03.p16
- [26] **Balcioğlu Y.S., Özkoçak Y., Gümüşboğa Y., Altındağ E.**, From symbols to emojis: Analyzing visual communication trends on social media, *Studies in Media and Communication*, 13 (2) (2025) 250–258. DOI: 10.11114/smc.v13i2.7509
- [27] *Food Instagram: Identity, Influence, and Negotiation*, ed. by E.J.H. Contois, Z. Kish, University of Illinois Press, Illinois, 2022. DOI: 10.5622/illinois/9780252044465.001.0001
- [28] **Reagan R., Filice S., Santarossa S., Woodruff S.J.**, #ad on Instagram⁸: Investigating the promotion of food and beverage products, *The Journal of Social Media in Society*, (2020) 9 (2) 1–28.
- [29] **Lupton D.**, Understanding digital food cultures, *Digital Food Cultures*, ed. by D. Lupton, Z. Feldman, Routledge, London, 2020, pp. 1–16. DOI: 10.4324/9780429402135
- [30] **Montgomery K.C., Chester J.**, Interactive food and beverage marketing: targeting adolescents in the digital age, *Journal of Adolescent Health*, 45 (3) (2009) S18–S29. DOI: 10.1016/j.jado-health.2009.04.006

⁸ It is banned in Russia, belongs to the META organization, which is recognized as extremist in the Russian Federation.

[31] **Vassallo A.J., Kelly B., Zhang L., Wang Z., Young S., Freeman B.**, Junk food marketing on Instagram: Content analysis, *JMIR Public Health and Surveillance*, 4 (2) (2018) e54. DOI: 10.2196/publichealth.9594

[32] **Aksoy M., Etyemez S., İflazoğlu N.**, Service failures that cause customer dissatisfaction and service recovery strategies in food and beverage businesses, *Tourism and Recreation*, 5 (2) (2023) 99–105. DOI: 10.53601/tourismandrecreation.1373123

[33] **Suhartini M., Khotimah K., Hidayat R.**, Persepsi konsumen dan pengambilan keputusan pembelian terhadap produk sehat di Asri Organik-Sehat Tambakrejo Jombang, *Agrosaintifika: Jurnal Ilmu-ilmu Pertanian*, 2 (2) (2020) 131–146. DOI: 10.32764/agrosaintifika.v2i2.885

[34] **Ritonga M.A., Hasibuan M., Ritonga N.**, The Influence of Price and Taste Perception on Consumer Decisions to Use the Grab Food Application on Jalan Perisai Rantauprapat, *International Journal of Humanities Education and Social Sciences (IJHESS)*, 4 (5) (2025) 2478–2484. DOI: 10.55227/ijhess.v4i5.1672

[35] **Danurdara A.B.**, A Study of Service Quality on Customer Satisfaction and its Impact on Customer Loyalty: The Case of Food and Beverage Industry in Bandung, *Budapest International Research and Critics Institute-Journal*, 4 (4) (2021) 9106–9112. DOI: 10.33258/birci.v4i4.2910

[36] **Darmayanti D., Andrina A.A.A.P., Nadhirin N.F.S.M.**, Factors Influencing Customer Satisfaction in the Food and Beverage Industry: A Case Study of Fish Grill Company, *Review Management and Entrepreneurship*, 8 (2) (2024) 181–195. DOI: 10.37715/rme.v8i02.5144

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Floreddu P.B., Cabiddu F.** Social media communication strategies // *Journal of Services Marketing*. 2016. Vol. 30, Iss. 5. P. 490–503. DOI: 10.1108/JSM-01-2015-0036

2. **Meredith J.** Conversation Analysis and Online Interaction, *Research on Language and Social Interaction*. 2019. Vol. 52, Iss. 3. P. 241–256. DOI: 10.1080/08351813.2019.1631040

3. **Kennedy G.** Social Media: Master Social Media Marketing – Facebook⁹, Twitter, YouTube & Instagram¹⁰. California: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2015. 176 p.

4. **Van Looy A.** Social Media Management: Using Social Media as a Business Instrument. 2nd ed. Cham, Springer, 2022. XXIII, 275 p. DOI: 10.1007/978-3-030-99094-7

5. **Nišić V., Plavšić D.** The role of media in the construction of social reality // *Sociological Discourse*. 2014. Vol. 4, Iss. 7. P. 73–81. DOI: 10.7251/socen1407073n

6. **Holmberg C., Chaplin J.E., Hillman T., Berg C.** Adolescents' presentation of food in social media: An explorative study // *Appetite*. 2016. Vol. 99. P. 121–129. DOI: 10.1016/j.appet.2016.01.009

7. **Nugraha R.N., Rosa P.D., Ivanka M.** Metaverse tourism sebagai strategi promosi wisata museum bank Indonesia // *Jurnal Ilmiah Wahana Pendidikan*. 2023. Vol. 9, Iss. 8. P. 731–744. DOI: 10.5281/zenodo.7901659

8. **Shewale R.** Instagram statistics (2026): Users, Revenue, Trends & More // *Resourcera*. URL: <https://resourcera.com/data/social/instagram-statistics/> (дата обращения: 29.12.2025).

9. **Kusumasondjaja S., Tjiptono F.** Endorsement and visual complexity in food advertising on Instagram // *Internet Research*. 2019. Vol. 29, Iss. 4. P. 659–687. DOI: 10.1108/IntR-11-2017-0459

10. **Syhabani M.F., Widodo A.** Food blogger instagram: Promotion through social media // *Jurnal ecomedica: Jurnal Ekonomi Manajemen dan Bisnis*. 2017. Vol. 1, Iss. 1. P. 46–58.

11. **Aprilia M.P.** Instagram and buying decision processes of restaurant consumers // *Asian Journal of Media and Communication*. 2018. Vol. 2, Iss. 2. P. 13–18. DOI:10.20885/asjmc.vol2.iss2.art3

12. **Mulyani V.G., Najib M. F., Guterres A.D.** The Effect of Perceived Usefulness, Trust and Visual Information toward Attitude and Purchase Intention // *Journal of Marketing Innovation (JMI)*. 2021. Vol. 1, Iss. 1. P. 78–93. DOI: 10.35313/jmi.v1i01.12

13. **Martin J., White P.R.** The Language of Evaluation: Appraisal in English. Palgrave Macmillan, New York, 2005. XII, 278 p. DOI: 10.1057/9780230511910

14. **Allen K.A., Jimerson S.R., Quintana D.S., McKinley L.** An Academic's Guide to Social Media: Learn, Engage, and Belong. London, Routledge, 2023. 146 p. DOI: 10.4324/9781003198369

⁹ Запрещен в России, принадлежит организации МЕТА, признанной в Российской Федерации экстремистской.

¹⁰ Запрещен в России, принадлежит организации МЕТА, признанной в Российской Федерации экстремистской.

15. **Wilson S.L.** *Social Media as Social Science Data*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 170 p. DOI: 10.1017/9781108677561
16. **Roy S.D.** *Social Media & Capitalism: People, Communities and Commodities*. Québec: Daraja Press, 2022. 280 p.
17. *Identity and Ideology in Digital Food Discourse* / ed. by A. Tovaes, C. Gordon. London: Bloomsbury Academic, 2020. 280 p.
18. **Pang Y.** *Multimodal Food Discourse and Narrative Analysis: Culinary Persona, Ingredients, and Environment* // *International Journal of Linguistics Studies*. 2022. Vol. 2, Iss. 2. P. 24–31. DOI: 10.32996/ijls.2022.2.2.4
19. **Hussein H.Q., Ali A.H.** *A Discourse-Pragmatic Analysis of Instagram Comments on Educational Post* // *Al-Noor Journal for Humanities*. 2024. Vol. 2, Iss. 4. P. 27–44. DOI: 10.69513/jnfh.v2.n4.en2
20. **Maharani V.Y.** *Appraisal Analysis of Attitude Type in Instagram Residential Advertisement* // *Language Horizon: Journal of Language Studies*. 2024. Vol. 12, Iss. 2. P. 1–9. DOI: 10.26740/lh.v12i2.61728
21. **Ishida T., Seki Y., Kashino W., Kando N.** *Extracting Citizen Feedback from Social Media by Appraisal Opinion Type Viewpoint* // *Journal of Natural Language Processing*. 2022. Vol. 29, Iss. 2. P. 416–442. DOI: 10.5715/jnlp.29.416
22. **Al-Attar M.M.H.** *Appraisal Language in Examples of Promotional Discourse* // *Tasnim International Journal for Human, Social and Legal Sciences*. 2024. Vol. 3, Iss. 5. P. 278–297. DOI: 10.56924/tasnim.s2.2024/14
23. **Krippendorff K.** *Content Analysis: An Introduction to Its methodology*. 4th ed. Los Angeles: SAGE Publications Inc, 2019. 472 p.
24. **Schouten A.P., Janssen L., Verspaget M.** *Celebrity vs. Influencer endorsements in advertising: the role of identification, credibility, and Product-Endorser fit* // *International Journal of Advertising*. 2020. Vol. 39, Iss. 2. P. 258–281. DOI: 10.1080/02650487.2019.1634898
25. **Yasa I.G.C.P., Sanjaya N.A., Putri L.A.A.R.** *Sentiment Analysis of Snack Review Using the Naïve Bayes Method* // *Jurnal Elektronik Ilmu Komputer Udayana (JELIKU)*. 2020. Vol. 8, Iss. 3. P. 333–338. DOI: 10.24843/jlk.2020.v08.i03.p16
26. **Balcioglu Y.S., Özkoçak Y., Gümüşboğa Y., Altındağ E.** *From symbols to emojis: Analyzing visual communication trends on social media* // *Studies in Media and Communication*. 2025. Vol. 13, Iss. 2. P. 250–258. DOI: 10.11114/smc.v13i2.7509
27. *Food Instagram: Identity, Influence, and Negotiation* / ed. by E.J.H. Contois, Z. Kish, University of Illinois Press, Illinois, 2022. 320 p. DOI: 10.5622/illinois/9780252044465.001.0001
28. **Reagan R., Filice S., Santarossa S., Woodruff S.J.** *#ad on Instagram¹¹: Investigating the promotion of food and beverage products* // *The Journal of Social Media in Society*. 2020. Vol. 9, Iss. 2. P. 1–28.
29. **Lupton D.** *Understanding digital food cultures, Digital Food Cultures* / ed. by D. Lupton, Z. Feldman. London: 2020. Routledge. P. 1–16. DOI: 10.4324/9780429402135
30. **Montgomery K.C., Chester J.** *Interactive food and beverage marketing: targeting adolescents in the digital age* // *Journal of Adolescent Health*. 2009. Vol. 45, Iss. 3. P. S18–S29. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2009.04.006
31. **Vassallo A.J., Kelly B., Zhang L., Wang Z., Young S., Freeman B.** *Junk food marketing on Instagram: Content analysis* // *JMIR Public Health and Surveillance*. 2018. Vol. 4, Iss. 2. Art. no. e54. DOI: 10.2196/publichealth.9594
32. **Aksoy M., Etyemez S., İflazoğlu N.** *Service failures that cause customer dissatisfaction and service recovery strategies in food and beverage businesses* // *Tourism and Recreation*. 2023. Vol. 5, Iss. 2. P. 99–105. DOI: 10.53601/tourismandrecreation.1373123
33. **Suhartini M., Khotimah K., Hidayat R.** *Persepsi konsumen dan pengambilan keputusan pembelian terhadap produk sehat di Asri Organik-Sehat Tambakrejo Jombang* // *Agrosaintifika: Jurnal Ilmu-ilmu Pertanian*. 2020 Vol. 2, Iss. 2. P. 131–146. DOI: 10.32764/agrosaintifika.v2i2.885
34. **Ritonga M.A., Hasibuan M., Ritonga N.** *The Influence of Price and Taste Perception on Consumer Decisions to Use the Grab Food Application on Jalan Perisai Rantauprapat* // *International Journal of Humanities Education and Social Sciences (IJHES)*. 2025. Vol. 4, Iss. 5. P. 2478–2484. DOI: 10.55227/ijhess.v4i5.1672

¹¹ Запрещен в России, принадлежит организации МЕТА, признанной в Российской Федерации экстремистской.

35. **Danurdara A.B.** A Study of Service Quality on Customer Satisfaction and its Impact on Customer Loyalty: The Case of Food and Beverage Industry in Bandung // Budapest International Research and Critics Institute-Journal. 2021. Vol. 4, Iss. 4. P. 9106–9112. DOI: 10.33258/birci.v4i4.2910

36. **Darmayanti D., Andrina A.A.A.P., Nadhirin N.F.S.M.** Factors Influencing Customer Satisfaction in the Food and Beverage Industry: A Case Study of Fish Grill Company // Review Management and Entrepreneurship. 2024. Vol. 8, Iss. 2. P. 181–195. DOI: 10.37715/rme.v8i02.5144

INFORMATION ABOUT AUTHORS / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Titik Sudartinah

Судартина Т.

E-mail: titiksudartinah@uny.ac.id

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1002-0393>

Emi Nursanti

Нурсанти Э.

E-mail: emi_nursanti@uny.ac.id

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8739-9357>

Arrum Regita Sekar

Аррум Р.С.

E-mail: regitasekararrum@uny.ac.id

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0028-8012>

Submitted: 11.10.2025; Approved: 02.03.2026; Accepted: 13.03.2026.

Поступила: 11.10.2025; Одобрена: 02.03.2026; Принята: 13.03.2026.